

НЕВОЛЯ

49

ISSN 1813-3541

НЕВОЛЯ 49 2016

Приложение к журналу
«Индекс/Досье на цензуру»

НЕВЮЛЯ

49 • 2016

СОДЕРЖАНИЕ

НАКАЗАНИЕ ОБЩЕСТВА

Совет Европы: доклад о тюрьмах за 2014 год	4
Юрий Александров Юридический практикум	7
Фима Жиганец Сафари штурмана Юши (Байки из зоопарка)	21
Александр Хныков Один на льдине	42
Александр Сухаренко Тюремные новости	57
Положение в местах заключения, акции протеста, хроника нарушений в местах заключения (февраль–март 2016 года)	65
По материалам зарубежных СМИ	
Мир и тюрьма	72
Александр Сухаренко Куда же смотрит ФСБ?	77
Борис Земцов Обретение	81

ИСТОРИЯ

Александр Сидоров Пословицы и поговорки блатного русского народа	98
Сергей Степанов Тайны бывших ОЛПов	118
По материалам зарубежных СМИ Легендарные тюрьмы, знаменитые заключенные и знаменитые преступления	132
Алексей Мокроусов Две книги: переписка Василия Аксенова и исследование Энн Эпплбаум о ГУЛАГе	151

Редакция не имеет возможности оказывать юридические услуги и содействовать процессуальному сопровождению конкретных уголовных дел.

Редакционный совет

Людмила Альперн
Валерий Борщев
Владимир Буковский
Сергей Ковалев
Нильс Кристи
Алексей Симонов

Финансирование
Норвежский Хельсинкский
комитет

Учредитель:
Редакция журнала
«Индекс/Досье на цензуру»

Редакция

Главный редактор
Наум Ним
Ответственный секретарь
Наталья Малыхина

Макет
Лев Михалевский

Обложка
Василий Валериус

Верстка
Анна Фролова

Бухгалтер
Наталья Максимова

НАКАЗАНИЕ ОБЩЕСТВА

Совет Европы: доклад о тюрьмах за 2014 год

Согласно данным экспертов, в 2014 году европейские пенитенциарные системы добились определенного прогресса в том, что касается сокращения тюремного населения. Об этом говорится в новом докладе, опубликованном Советом Европы 8 марта. Исследования, легшие в основу доклада, по поручению Совета Европы проводились учеными из Школы уголовного правосудия Университета Лозанны (Швейцария). В доклад вошли данные, представленные 50 из 52 национальных тюремных администраций 47 государств-членов¹, а также 45 из 52 служб пробации.

Тюремная переполненность в тюрьмах стран – членов Совета Европы начиная с 2011 года стала понемногу сокращаться, хотя ситуация продолжает оставаться сложной в каждой четвертой стране.

Если в целом в европейских тюрьмах на 100 «посадочных» мест в 2011 году приходилось 99 заключенных, то в 2013 – 96, а в 2014 – 94. Уровень наполняемости тюрем в 2014 году по сравнению с 2013 годом снизился на 7%. Соответственно произошло и снижение уровня количества заключенных на 100 000 человек населения: со 134 до 124 человек. Однако европейские тюрьмы, в которых в общей сложности содержалось 1 600 324 заключенных, продолжали находиться на грани полной «занятости». По количеству заключенных на 100 000 населения в 2013 году больше всего было в России (467 человек) и Литве (305 человек). Для сравнения: в Великобритании этот показатель составил 150 заключенных. «С 2005 года численность заключенных на 100 000 жителей в России сократилась на 20% (с 574 до 467 человек), однако по-прежнему остается в четыре раза выше среднего показате-

¹ В ряде государств имеется несколько пенитенциарных администраций. Например, в Великобритании их три: Англии и Уэльса, Шотландии и Северной Ирландии.

ля среди стран – членов Совета Европы – 124 заключенных на 100 000 человек», – говорится в докладе.

Наибольшее количество заключенных в 2014 году зафиксировано в России – 671 000 человек (из которых более 114 000 находились в предварительном заключении), а снижение по сравнению с 2013 годом составило 5%.

Несмотря на то что ряд пенитенциарных систем стран – членов СЕ страдают от переполненности, в них сократилось количество пенитенциарных работников. К числу стран, где наблюдалась наибольшая переполненность тюрем, относятся: Венгрия, Бельгия, Македония, Греция, Албания, Италия, Испания, Словения, Франция, Португалия, Сербия, Румыния и Австрия. Однако здесь необходимо отметить, что ряд конкретных пенитенциарных учреждений могли страдать от перенаселенности в то время, как общее число заключенных в данной стране могло быть меньше чем имеющееся количество «посадочных» мест.

«Тюремная перенаселенность в значительной мере препятствует реинтеграции заключенных, снижая одновременно возможности защиты общества от преступности. Она также не способствует соблюдению прав человека. Я приветствую прогресс, достигнутый в плане сокращения тюремного населения. Государства, в которых эта проблема существует, должны удвоить свои усилия по решению этой проблемы, в том числе путем более широкого применения альтернативных тюремному заключению наказаний», – заявил Генеральный секретарь Совета Европы Турбьёрн Ягланд.

В 2014 году в 45 странах, входящих в Совет Европы, альтернативные виды наказания (испытательный срок, общественные работы, домашний арест или электронный мониторинг) получили 1 212 479 человек. Из этого количества лишь 6,7% находились в ожидании суда, что демонстрирует тот факт, что альтернативные аресту меры пресечения используются крайне редко.

Согласно данным доклада, в 2014 году иностранные граждане составляли 21,7% от общего числа заключенных, из этого числа 34,6% являлись гражданами стран – членов Европейского Союза. В большинстве стран Центральной и Восточной Европы доля иностранных заключенных не превышала 10%, в то время как в Южной и Западной Европе количество заключенных-иностранцев составляло от 25% до 96% от общего числа заключенных.

В 2013 году по сравнению с 2012 годом несколько снизилось количество наказаний, связанных с краткосрочным лишением свободы (до одного года): с 17% до 16%. Одновременно выросла доля заклю-

ченных, которые отбывали более 10 лет лишения свободы (с 11,2% в 2012 году до 14,3% в 2013-м).

Самыми распространенными причинами тюремного заключения в 2014 году стали преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков (16,5%). Далее следуют кражи (14%), грабежи (13,1%) и убийства (12,3%). В 2014 году, отмечается в докладе, Россия занимала второе место в Европе по проценту заключенных, приговоренных за убийство (27,1%). Нашу страну опережала только Албания, в которой численность заключенных, осужденных за убийство, составляла 39,4%. Авторы доклада также отмечают, что в 2013 году Россия была страной с наивысшим числом преступлений, связанных с наркотиками, на 100 000 человек. Второе место занимала Грузия, за которой шли Азербайджан, Эстония, Мальта и Черногория.

Заключенных-женщин больше всего было в России (8,2% от общего числа заключенных), на втором месте находится Финляндия. Средний показатель в европейских тюрьмах составил 5%.

Среднеевропейский показатель смертности в 2013 году составил 28 человек на 10 000 заключенных. Больше всего зафиксировано смертей в Болгарии (100 на 10 000 заключенных), Сербии (68 на 10 000 заключенных), и в России (61,6 случая на 10 000 заключенных). По количеству суицидов на первом месте была Исландия (65,8 случая на 10 000 заключенных). За ней следуют Кипр (37), Норвегия (30,1), Мальта (17,3), Люксембург (13,9).

Средняя сумма, потраченная на одного заключенного, составила в 2013 году 99 евро в сутки, что на 2 евро больше, чем в 2012 году. При этом от страны к стране наблюдалась значительная диспропорция. Так, в Сан-Марино на одного заключенного расходовалось 685 евро в сутки, в Норвегии – 358, Андорре – 213, Дании – 182, Финляндии – 170, Лихтенштейне – 230, Швеции – 356, России – 25,87, Украине – 2,68.

В общей сложности в 2013 году бюджет 45 национальных пенитенциарных администраций, представивших данные, составил более 27 миллиардов евро. Самый большой бюджет тюремной системы был у России – 6,4 миллиарда евро, что на 18% больше, чем годом ранее.

Обзор подготовил Юрий Александров

Юридический практикум

Новое в законодательстве

В УК РФ уточнено определение понятия «неоднократная» розничная продажа несовершеннолетним алкоголя (*Федеральный закон от 28.11.2015 № 346-ФЗ «О внесении изменения в статью 151.1 Уголовного кодекса Российской Федерации»*).

В настоящее время розничной продажей несовершеннолетнему алкогольной продукции, совершенной лицом неоднократно, признается розничная продажа в случае, если это лицо ранее привлекалось к административной ответственности за аналогичное деяние в течение 180 дней.

В соответствии с внесенными изменениями, розничной продажей не достигшему совершеннолетия лицу алкоголя, совершенной неоднократно, признается продажа лицом, подвергнутому административному наказанию за аналогичное деяние, в период, когда лицо считается подвергнутым административному наказанию. В соответствии со ст. 4.6 КоАП РФ такой срок составляет 1 год.

Установлен порядок рассмотрения Конституционным судом РФ дел о возможности исполнения решений межгосударственного органа по защите прав и свобод человека (*Федеральный конституционный закон от 14.12.2015 № 7-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном суде Российской Федерации»*).

В Постановлении КС РФ от 14.07.2015 № 21-П установлено, что федеральный законодатель – исходя из требований Конституции РФ и с

учетом правовых позиций Конституционного суда РФ – вправе предусмотреть специальный правовой механизм разрешения им вопроса о возможности или невозможности с точки зрения принципов верховенства и высшей юридической силы Конституции РФ исполнить вынесенное по жалобе против России постановление Европейского суда по правам человека, в том числе в части мер общего характера.

Согласно принятому закону, правом на обращение в КС РФ с запросом о разрешении вопроса о возможности исполнения решения межгосударственного органа по защите прав и свобод человека (далее – межгосударственный орган) обладает федеральный орган исполнительной власти, наделенный компетенцией в сфере обеспечения деятельности по защите интересов РФ при рассмотрении в таком межгосударственном органе жалоб, поданных против РФ (далее – уполномоченный орган) (на основании заключения федеральных государственных органов, на которые возложена обязанность в пределах своей компетенции принимать меры по исполнению решений межгосударственного органа по защите прав и свобод человека), либо на основании собственного вывода о невозможности исполнения вынесенного по жалобе, поданной против РФ, решения (в случае, если уполномоченный орган сам является органом, на который возложена обязанность по исполнению решений межгосударственного органа).

Запрос является допустимым в случае, если заявитель считает, что исполнение решения межгосударственного органа невозможно, поскольку оно основано на положениях международного договора в истолковании, приводящем к их расхождению с Конституцией РФ.

КС РФ проверяет возможность исполнения в соответствии с Конституцией РФ решения межгосударственного органа в их истолковании межгосударственным органом с точки зрения основ конституционного строя РФ и установленного Конституцией РФ правового регулирования прав и свобод человека и гражданина.

По итогам рассмотрения дела КС РФ принимает постановление о возможности или невозможности исполнения в целом или в части в соответствии с Конституцией РФ решения межгосударственного органа.

В УПК РФ закрепили дополнительные полномочия дознавателей (*Федеральный закон от 14.12.2015 № 380-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части наделения дознавателя правом обжалования некоторых решений прокурора по уголовному делу, поступившему с обвинительным актом или обвинительным постановлением»*).

Установлено, что дознаватель вправе с согласия начальника органа дознания обжаловать некоторые постановления прокурора вышестоящему прокурору.

Это постановления о возвращении уголовного дела дознавателю для производства дополнительного дознания, пересоставления обвинительного акта или обвинительного постановления, о направлении уголовного дела дознавателю для производства дознания в общем порядке.

Постановление о возвращении для дополнительного дознания либо пересоставления обвинительного акта может быть обжаловано в течение 48 часов, прочие постановления – в течение 24 часов.

Регламентирован порядок применения оружия, специальных средств и физической силы органами ФСБ России (*Федеральный закон от 30.12.2015 № 468-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»*).

Установлено, что военнослужащие органов федеральной службы безопасности имеют право применять оружие, в частности, в следующих случаях: для защиты другого лица либо себя от посягательства, если это посягательство сопряжено с насилием, опасным для жизни или здоровья; для пресечения попытки завладения оружием, специальными грузами, транспортными средствами, боевой техникой органов федеральной службы безопасности; для освобождения заложников, пресечения террористических и иных преступных посягательств; для задержания лица, оказывающего вооруженное сопротивление, а также лица, отказывающегося выполнить законное требование о сдаче находящихся при нем оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, взрывных устройств, ядовитых или радиоактивных веществ; для отражения группового или вооруженного нападения на объекты органов федеральной службы безопасности, здания, помещения, сооружения и иные объекты государственных и муниципальных органов.

Военнослужащие органов федеральной службы безопасности также имеют право применять оружие: для остановки транспортного средства путем его повреждения, если управляющее им лицо отказывается выполнить неоднократные требования военнослужащих органов федеральной службы безопасности об остановке и пытается скрыться, создавая угрозу жизни и здоровью граждан, за исключением случаев, предусмотренных федеральными законами; для обезвреживания животного, угрожающего жизни и здоровью граждан и (или) сотрудников органов федеральной службы безопасности; для разру-

шения запирающих устройств, элементов и конструкций, препятствующих проникновению в жилые и иные помещения; для производства предупредительного выстрела, подачи сигнала тревоги или вызова помощи путем производства выстрела вверх или в ином безопасном направлении.

Запрещается применять оружие с производством выстрела на поражение в отношении женщин, лиц с явными признаками инвалидности, несовершеннолетних, когда их возраст очевиден или известен военнослужащему органов федеральной службы безопасности, за исключением случаев оказания указанными лицами вооруженного сопротивления, совершения вооруженного или группового нападения, угрожающего жизни и здоровью граждан или сотрудников органов федеральной службы безопасности, либо террористического акта.

Военнослужащий органов федеральной службы безопасности не имеет права применять огнестрельное оружие при значительном скоплении людей, если в результате его применения могут пострадать случайные лица, за исключением случаев применения огнестрельного оружия в целях предотвращения (пресечения) террористического акта, освобождения заложников, отражения группового вооруженного нападения на критически важные и потенциально опасные объекты или объекты, здания, помещения, сооружения органов государственной власти.

Военнослужащие органов федеральной службы безопасности имеют право обнажить оружие и привести его в готовность, если в создавшейся обстановке могут возникнуть основания для его применения.

При попытке лица, задерживаемого военнослужащим органов федеральной службы безопасности с обнаженным оружием, приблизиться к военнослужащему, сократив при этом указанное им расстояние, или прикоснуться к его оружию военнослужащий органов федеральной службы безопасности имеет право применить оружие.

Установлена уголовная ответственность за неоднократное незаконное проникновение на охраняемый подземный или подводный объект (Федеральный закон от 30.12.2015 № 441-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 150 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»).

В УК РФ включена новая ст. 215.4, в соответствии с которой совершенное неоднократно незаконное проникновение на подземный или подводный объект, охраняемый в соответствии с законодательством о ведомственной или государственной охране, наказывается штрафом в

размере до 500 000 рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до 18 месяцев, либо ограничением свободы на срок до 2 лет, либо лишением свободы на тот же срок.

То же деяние, совершенное группой лиц по предварительному сговору или организованной группой либо сопряженное с умышленным созданием угрозы распространения сведений, составляющих государственную тайну, наказывается штрафом в размере до 700 000 рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до 2 лет либо лишением свободы на срок до 4 лет.

При этом проникновение на указанные объекты признается незаконным, если оно совершено в нарушение установленного законодательством порядка, а совершенным неоднократно – если совершено лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние, в период, когда лицо считается подвергнутым административному наказанию.

В УПК РФ регламентированы вопросы подследственности при производстве предварительного расследования по уголовным делам, предусмотренным ст. 215.4 УК РФ.

Усовершенствованы нормы уголовно-процессуального законодательства, регламентирующие порядок задержания подозреваемого (Федеральный закон от 30.12.2015 № 437-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»).

В случае задержания подозреваемого по основаниям и в порядке, предусмотренном УПК РФ, ему предоставляется право на один телефонный разговор на русском языке в присутствии дознавателя, следователя в целях уведомления близких родственников, родственников или близких лиц о своем задержании и месте нахождения, а дознаватель, следователь должен исполнить обязанности по уведомлению о задержании. Это право подозреваемый может использовать в кратчайший срок, но не позднее 3-х часов с момента доставления в орган дознания или к следователю, о чем делается отметка в протоколе задержания. В случае отказа подозреваемого от права на телефонный разговор или невозможности в силу его физических или психических недостатков самостоятельно осуществлять указанное право такое уведомление производится дознавателем, следователем, о чем также делается отметка в протоколе задержания.

При задержании подозреваемого, являющегося адвокатом, об этом уведомляется адвокатская палата субъекта РФ, членом которой он является.

Также установлено, что в случае, если защитник участвует в производстве по уголовному делу с момента фактического задержания подозреваемого, его участие в составлении протокола задержания обязательно.

Кроме того, к процессуальным издержкам, которые возмещаются за счет средств федерального бюджета либо средств участников уголовного судопроизводства, отнесены суммы, связанные с уведомлением близких родственников, родственников или близких лиц подозреваемого о его задержании и месте нахождения.

Начальник органа дознания наделен правами начальника подразделения дознания по отношению к уполномоченным им дознавателям (*Федеральный закон от 30.12.2015 № 440-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части уточнения полномочий начальника органа дознания и дознавателя»*).

Внесенными в УПК РФ поправками уточнен правовой статус и полномочия начальника органа дознания, в том числе: уточнено определение начальника органа дознания – это должностное лицо, возглавляющее соответствующий орган дознания, а также его заместитель; новой ст. 40.2 УПК РФ закреплены полномочия начальника органа дознания, а также предусмотрено, что начальник органа дознания по отношению к дознавателям, уполномоченным им осуществлять предварительное расследование в форме дознания, обладает полномочиями начальника подразделения дознания, установленными ст. 40.1 УПК РФ; предусмотрено, что в органах внутренних дел РФ полномочия начальника органа дознания осуществляют также заместители начальника полиции; установлено, что полномочия органа дознания возлагаются на дознавателя начальником органа дознания путем дачи письменного поручения; скорректированы положения ч. 9 ст. 166 УПК РФ, определяющей порядок оформления протокола следственного действия при необходимости обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства, в части согласования с начальником органа дознания решения дознавателя не приводить в протоколе данные о личности защищаемого лица.

Суды разъясняют

В каких случаях могут быть обнародованы данные предварительного следствия?

Осуществляя в рамках предоставленных ему дискреционных полномочий правовое регулирование прав и свобод человека и гражданина в сфере уголовно-правовых отношений (п. «в», «о» ст. 71 Конституции РФ), в том числе определяя в УПК РФ порядок уголовного судопроизводства, обязательный для всех его участников (ч. 2 ст. 1), федеральный законодатель, исходя из назначения уголовного судопроизводства (ч. 1 ст. 6), а также в целях защиты публичного интереса и охраны прав личности (ст. 9 и 11) закрепил в его ст. 161 требование о недопустимости разглашения данных предварительного расследования и в качестве исключения из этого императивного предписания установил, что такие данные могут быть преданы гласности лишь с разрешения следователя, дознавателя и только в том объеме, в каком ими будет признано это допустимым, если разглашение не противоречит интересам предварительного расследования и не связано с нарушением прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, причем данные о частной жизни участников уголовного судопроизводства – только с их согласия, а данные о частной жизни несовершеннолетнего потерпевшего, не достигшего возраста 14 лет, с согласия его законного представителя.

Закрепление в законе указанных требований, несоблюдение которых, а именно разглашение данных предварительного расследования лицом, предупрежденным в порядке, установленном ч. 2 той же статьи, о недопустимости их разглашения, если оно совершено без согласия следователя или лица, производящего дознание, влечет уголовную ответственность в порядке ст. 310 УК РФ, обусловлено тем, что при расследовании и судебном разбирательстве уголовных дел интересы правосудия, цель которого – защита прав и свобод человека и гражданина (ст. 18 Конституции РФ), предполагают сохранение в тайне полученной в ходе уголовного судопроизводства конфиденциальной информации. В материалах уголовного дела могут содержаться сведения, прямо или косвенно относящиеся к охраняемой законом тайне (персональные данные, налоговая, банковская, коммерческая, медицинская тайна, тайна усыновления и др.), а потому их несанкционированное распространение (разглашение) следует рассматривать как посягающее на права личности и тем самым представляющее общественную опасность. Необоснованное предание огласке данных

предварительного расследования может не только привести к нарушению прав и законных интересов граждан (в том числе участников уголовного процесса, информация о частной жизни которых, личной и семейной тайне в той или иной степени неизбежно отражается в материалах предварительного расследования), но и серьезно осложнить и само производство по уголовному делу, в том числе повлечь утрату собранных по делу доказательств, создать условия для уничтожения доказательств подозреваемым или обвиняемым, позволить им скрыться от следствия и суда, воспрепятствовать производству по уголовному делу.

(Определение КС РФ от 6 октября 2015 г. № 2444-0)

В страховой стаж реабилитированного лица должен включаться период отстранения его от должности.

Внимание КС РФ привлек вопрос о включении в страховой стаж (необходимый для пенсии) определенных периодов. По правилам периоды работы и (или) иной деятельности включаются в стаж лишь при условии, что за них уплачивались страховые взносы в ПФР. Такие правила ранее закреплялись в Законе о трудовых пенсиях, который перестал применяться (за отдельным исключением) с 2015 года. Между тем этот же порядок включен и в действующий Закон о страховых пенсиях.

С учетом этого КС РФ решил проверить конституционность норм. Поводом для проверки стала следующая ситуация.

Гражданин был отстранен от работы в связи с привлечением его к уголовной ответственности. Приказ об отстранении работодатель издал из-за постановления следователя. Зарплата за период такого отстранения лицу не выдавалась и, соответственно, взносы не начислялись. Впоследствии гражданин был реабилитирован. Несмотря на это, период отстранения исключили при подсчете стажа по причине неуплаты взносов.

КС РФ признал нормы неконституционными. Они являются таковыми в той мере, в какой позволяют не включать в страховой стаж гражданина, необоснованно привлеченного к уголовной ответственности и впоследствии реабилитированного, упомянутый период. То есть это период, в течение которого гражданин был временно отстранен от должности (работы) из-за решения органа, осуществлявшего уголовное преследование. Тем самым нормы препятствуют восстановлению пенсионных прав такого реабилитированного лица. Исходя из УПК РФ, реабилитация подразумевает восстановление прав и свобод лица, незаконно или необоснованно подвергнутого уголовному преследова-

нию. Поэтому, исключив возможность зачета в страховой стаж лица периода временного отстранения от должности (работы) в связи с уголовным преследованием, законодатель породил формальную несогласованность между положениями.

Подобное регулирование из-за своей неопределенности не согласуется с конституционными принципами справедливости и верховенства права. Поэтому законодатель должен внести необходимые поправки.

Эти изменения должны создать механизм восстановления пенсионных прав реабилитированных лиц, то есть гарантировать им пенсионное обеспечение на тех условиях, которые применялись бы к ним, если бы необоснованное уголовное преследование не имело места. При этом законодатель может выбрать такой способ зачета, который обеспечивал бы возможность учесть упомянутый период как при определении права на трудовую (страховую) пенсию, так и при исчислении ее размера. До того как будут внесены изменения, в страховой стаж реабилитированного лица должен включаться весь период отстранения его от должности (работы) по правилам, предусмотренным для периода содержания под стражей.

(Постановление КС РФ от 19 ноября 2015 г. № 29-П)

Если сообщение лица о совершенном с его участием преступлении в совокупности с другими доказательствами учтено судом в качестве доказательства, то данное сообщение может рассматриваться как явка с повинной и в том случае, когда лицо впоследствии изменило свои показания.

По приговору суда И. осужден по пп. «а», «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ к 18 годам лишения свободы. Судебная коллегия по уголовным делам ВС РФ изменила приговор в части назначенного И. наказания, мотивировав свое решение следующим.

Как видно из приговора, суд при назначении наказания И. не признал наличия как отягчающих, так и смягчающих наказание обстоятельств. Вместе с тем из приговора усматривается, что суд, обосновывая свой вывод о виновности И. в совершении инкриминируемого ему преступления, сослался на исследованные доказательства, в том числе и на явку с повинной. На основании п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ явка с повинной относится к обстоятельствам, смягчающим наказание.

Однако, исследовав явку с повинной И. в судебном заседании и сославшись на нее в приговоре как на доказательство, суд не высказал по данному вопросу каких-либо суждений, в том числе о признании

либо непризнании указанного обстоятельства в качестве смягчающего наказание осужденного.

По смыслу закона, если сообщение лица о совершенном с его участием преступлении в совокупности с другими доказательствами положено судом в основу приговора, то данное сообщение может рассматриваться как явка с повинной и в том случае, когда лицо в ходе предварительного расследования или в судебном заседании изменило свои показания.

В силу изложенного Судебная коллегия изменила приговор и признала в качестве обстоятельства, смягчающего наказание осужденного, его явку с повинной и смягчила назначенное И. наказание по пп. «а», «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ до 17 лет 10 месяцев лишения свободы.

(Определение ВС РФ № 13-УД15-3)

Согласно ст. 81 УК РФ при рассмотрении в порядке исполнения приговора вопросов, связанных с освобождением осужденного от наказания в связи с болезнью, определяющее значение имеет наличие у лица заболевания, препятствующего отбыванию наказания, а не его поведение в период отбывания наказания.

По приговору суда И. осужден по ч. 4 ст. 159 УК РФ к 5 годам лишения свободы. И. обратился в суд с ходатайством об освобождении его от отбывания наказания в связи с болезнью. Рассматривая данное ходатайство, суд пришел к выводу о том, что осужденный страдает заболеванием, которое входит в соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 6 февраля 2004 г. № 54 в перечень заболеваний, препятствующих отбыванию наказания. Однако с учетом того, что осужденный получает регулярное лечение, сведений о наличии у него родственников или близких лиц, которые могут и согласны осуществлять уход за ним в случае его освобождения, суду не представлено, И. совершил совокупность преступлений, в том числе тяжкое, отбывает наказание в обычных условиях содержания, имеет единственное поощрение от администрации колонии, характеризуется неопределенностью в поведении, имеет задолженность по исковым обязательствам и мер к ее погашению не принимает, суд пришел к выводу, что И. нуждается в дальнейшем отбывании назначенного ему наказания. Постановлением суда осужденному было отказано в удовлетворении ходатайства об освобождении от отбывания наказания в связи с болезнью.

Судебная коллегия по уголовным делам ВС РФ отменила постановление суда и освободила И. от дальнейшего отбывания наказания, на-

значенного ему по приговору суда, на основании ч. 2 ст. 81 УК РФ в связи с болезнью, указав следующее. В силу ч. 2 ст. 81 УК РФ лицо, заболевшее после совершения преступления иной тяжелой болезнью, препятствующей отбыванию наказания, может быть судом освобождено от отбывания наказания.

В соответствии с действующим законодательством суды не вправе отказать в освобождении от отбывания наказания по основаниям, не указанным в законе, в том числе таким, как тяжесть совершенного преступления и условия содержания.

В тех случаях, когда вред, причиненный преступлением, не возмещен в силу объективных причин, суд также не вправе отказать в освобождении от наказания только на этом основании. Из представленных копий судебных документов усматривается, что решением суда на имущество осужденного обращено взыскание во исполнение приговора.

В суде второй инстанции сторона защиты заявила о готовности супруги осужденного к его содержанию и осуществлению ухода за ним.

Имеющаяся в материале характеристика на осужденного является положительной, а вывод о том, что за время отбывания наказания в исправительной колонии он характеризуется неопределенностью в поведении, не может служить основанием для отказа в освобождении осужденного от отбывания наказания в связи с болезнью. К тому же, как видно из характеристики, на момент обращения в ноябре 2013 года в суд с указанным ходатайством И. содержался в данном учреждении с 18 сентября 2013 г., то есть непродолжительное время.

Кроме того, согласно ст. 81 УК РФ при рассмотрении в порядке исполнения приговора вопросов, связанных с освобождением осужденного от наказания в связи с болезнью осужденного, предопределяющее значение имеет наличие у лица заболевания, препятствующего отбыванию наказания, а не его поведение в период отбывания наказания.

(Определение ВС РФ № 85-УД15-5)

Верховным судом РФ актуализированы разъяснения норм УПК РФ о производстве в суде апелляционной инстанции.

Изменения, внесенные в Постановление Пленума Верховного суда РФ «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции», обусловлены поправками законодательства, а также вопросами, имеющимися в судебной практике. В частности, дополнениями, внесенными в постановление, установлено:

– суд апелляционной инстанции по результатам рассмотрения жалобы, представления на судебные решения, вынесенные в ходе досудебного производства в соответствии с ч. 2 и 3 ст. 29 УПК РФ, а также на решения суда по вопросам, связанным с исполнением приговора, при наличии к тому оснований вправе изменить или отменить постановление и принять новое решение без передачи материала на рассмотрение суда первой инстанции, если допущенные нарушения уголовно-процессуального закона могут быть устранены в суде апелляционной инстанции;

– в постановлении о назначении судебного заседания вопрос о форме участия лица, содержащегося под стражей, должен быть решен исходя из положений ст. 389.7, п. 5 ч. 1 ст. 389.11 и ч. 2 ст. 389.12 УПК РФ в их взаимосвязи, с учетом того, что такому лицу по решению суда может быть обеспечено право участвовать в судебном заседании непосредственно либо путем использования систем видео-конференц-связи;

– при наличии оснований для избрания подсудимому или осужденному меры пресечения в виде залога, домашнего ареста или заключения под стражу, равно как и для отмены или изменения избранной в отношении его меры пресечения, либо оснований для продления срока домашнего ареста или срока содержания под стражей в случаях истечения установленного ранее судом срока судья апелляционной инстанции рассматривает данный вопрос в судебном заседании с участием подсудимого или осужденного, его защитника, если он участвует в уголовном деле, законного представителя несовершеннолетнего подсудимого или осужденного, государственного обвинителя или прокурора в порядке, установленном ст. 108 УПК РФ.

(Постановление Пленума Верховного суда РФ от 01.12.2015 № 54 «О внесении изменений в Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 27 ноября 2012 года № 26 «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции»)

Верховным судом РФ обновлены разъяснения по вопросам, возникающим при рассмотрении судами уголовных дел о вымогательстве.

Так, отмечается, что характер общественной опасности преступления, предусмотренного ст. 163 УК РФ («Вымогательство»), определяется направленностью посягательства на отношения собственности и иные имущественные отношения, а также на личность (здоровье, не-

прикосновенность, честь и достоинство, иные права и законные интересы). При вымогательстве виновное лицо действует с умыслом на получение материальной выгоды для себя или иных лиц.

Потерпевшим от вымогательства может быть признан не только собственник или законный владелец, но и другой фактический обладатель имущества (например, лицо, осуществляющее охрану имущества либо имеющее к нему доступ в силу служебных обязанностей или личных отношений), которому причинен физический, имущественный или моральный вред.

В случаях, когда согласно предварительной договоренности между соучастниками вымогательства в соответствии с распределением ролей каждый из них совершает отдельное действие, входящее в объективную сторону вымогательства (высказывает требование, либо выражает угрозу, либо применяет насилие), все они несут уголовную ответственность за вымогательство, совершенное группой лиц по предварительному сговору. Если лицо осуществляет заранее обещанные передачу исполнителю преступления полученного в результате вымогательства имущества или оформление прав на него, то, при отсутствии признаков участия в составе организованной группы, его действия квалифицируются как пособничество по соответствующей части ст. 163 УК РФ и ч. 5 ст. 33 УК РФ.

Не образуют совокупности преступлений неоднократные требования под указанной в ч. 1 ст. 163 УК РФ угрозой, обращенные к одному или нескольким лицам, если эти требования объединены единым умыслом и направлены на завладение одним и тем же имуществом или правом на имущество либо на получение материальной выгоды от совершения одного и того же действия имущественного характера. Как единое преступление квалифицируется и требование, направленное на периодическую передачу потерпевшим имущества (например, ежемесячную передачу определенной денежной суммы).

При рассмотрении уголовных дел о вымогательстве судам рекомендовано выявлять обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, нарушению прав и свобод граждан, а также другие нарушения закона, допущенные при производстве предварительного расследования или при рассмотрении уголовного дела нижестоящим судом, и частными определениями (постановлениями) обращать на них внимание соответствующих организаций и должностных лиц.

(Постановление Пленума ВС РФ от 17.12.2015 № 56 «О судебной практике по делам о вымогательстве (статья 163 Уголовного кодекса Российской Федерации)»)

Обыск, связанный с доступом к материалам адвокатского производства, возможен только на основании судебного решения, в котором должны быть указаны конкретные объекты поиска.

Предметом рассмотрения КС РФ явились п. 7 ч. 2 ст. 29, ч. 4 ст. 165 и ч. 1 ст. 182 УПК РФ постольку, поскольку на основании содержащихся в них положений разрешается вопрос о проведении обыска в помещениях, используемых адвокатом для осуществления адвокатской деятельности, и определяются объекты, которые подлежат обнаружению и изъятию в ходе данного обыска, в рамках уголовного дела, в котором подозреваемым, обвиняемым является доверитель адвоката.

Суд признал указанные нормы УПК РФ не противоречащими Конституции РФ, поскольку содержащиеся в них положения предполагают, что:

- обыск, связанный с доступом к материалам адвокатского производства, возможен только на основании судебного решения, в котором должны быть указаны конкретные объекты поиска и изъятия в ходе данного следственного действия и сведения, служащие законным основанием для его проведения;

- исследованию органами, осуществляющими уголовное преследование, и принудительному изъятию в ходе обыска не подлежат материалы адвокатского производства в отношении доверителя адвоката, содержащие сведения, не выходящие за рамки оказания собственно профессиональной юридической помощи как по уголовному делу, в котором адвокат является защитником, так и по каким-либо другим делам, находящимся в производстве адвоката (т.е. материалы, не связанные непосредственно с нарушениями со стороны как адвоката, так и его доверителя, совершенными в ходе производства по данному делу, которые имеют уголовно противоправный характер, либо другими преступлениями, совершенными третьими лицами, либо состоят в хранении орудий преступления или предметов, которые запрещены к обращению или оборот которых ограничен на основании закона);

- в ходе обыска в помещениях, используемых для осуществления адвокатской деятельности, запрещается видео-, фото- и иная фиксация материалов адвокатских производств в той их части, которая составляет адвокатскую тайну.

(Постановление КС РФ от 17.12.2015 № 33-П)

Сафари штурмана Юши (Байки из зоопарка)

Как Юша охотился на орангутанга, Петровск стал Энгельсом, а «Шурик» зазвучал гордо

Рабочий день среды я решил начать пораньше и подкатил утречком на маршрутке к входу где-то в четверть восьмого. Но рвение мое было оценено не совсем так, как я ожидал.

Шагах в ста от роскошных решетчатых двустворных ворот, рядом с изящной медной ланью, задравшей копыто над невысоким каменным постаментом (на спине козочки родители обожают фоткать своих малюток), я столкнулся с главным смотрителем за звериным населением. Дядя Толя в необъятном брезентовом комбинезоне смотрелся средневековым рыцарем. Тем более его громадная рука, покрытая рыжими волосьями, держала наперевес тяжелый ржавый лом, похожий на копье. Поверх комбинезона «лыцарь» натянул куртец-безрукавку «а-ля всезнайка Вассерман», из бесчисленных карманов которой торчали отвертки, шила, разводные ключи и какая-то бутылка с неизвестной жидкостью.

Вот тут я совершил непростительную ошибку – наверно, с недосыпа. Потрясенный мощной фигурой шкипера Юши, как называют дядю Толю зоосадовцы, я не обратил внимания на выражение лица ломового рыцаря и шутейно поприветствовал его:

– Здравствуйте, Анатолий Ефимович! Что, новая шкиперская форма?

И кто меня за язык дергал? Конопатая лысина Юши побагровела, в мою сторону вылетела очередь таких замысловатых ругательств, от которых знаток живого русского языка дедушка Даль снова бы умер. Из приличного мне запомнилось экзотическое животное «козлодранный полухрен». По части парнокопытных дядя Толя, видно, большой специалист.

– Где тебя, долбоклюва, носит?! – возопил штурман Юша. – Я из тебя эту петросьяновщину, шлеп твою медь, в две минуты вытрясу!

– Так ведь я приехал за час до начала...

– И через два после конца! Ты, вошь лобковая, вообще с работы уезжать не должен! Я тебя, плять, пристрою на парашу к карликовому бегемоту!

Причина Юшиного гнева выяснилась быстро. Ночью в здании администрации прорвало канализацию, и научно-просветительский отдел утонул в полном дерьме. Едва пережили потоп и решили перекурить эту нежданную радость, вот тебе другая: прорвало трубу у гималайского медведя! То есть не у самого мишки, а в его, так сказать, берлоге.

– Здесь половина коммуникаций гнилая, и это еще сказать по добром, – доложил Юша, сменяя праведный гнев на милость и вытирая потное лицо масляной тряпкой, о которую я не отважился бы вытереть ноги. – Довели зону до цугундера... Вот рванет однажды в день беспечальный – и поплывем всей зоологической кодлой по славному городу Паханску, как говно по Енисею...

– Так это вроде не ваша работа, – робко втерся я. – Сантехник же есть.

– Это, Шурик, все – наша работа, – с ласковым оскалом ответил шкипер Юша и ободряюще хлопнул меня по плечу (теперь надо искать костоправа). – А вот с юморком ты мне под горячую руку не попадайся. Особенно когда в ней ломик. Ты Алима Муртазова знал? Хотя откуда...

И пока мы топали по центральной аллее, дядя Толя поведал мне в воспитательных целях одну из своих жизненных историй. Этот самый Муртазов, оказывается, сидел с Юшей в колонии города Энгельс Саратовской губернии.

– Звучное название, – заметил я. – До сих пор не сменили?

– Какое там... – отмахнулся Юша. – Там такие падлы, они свое кубло могли и «Гитлер» назвать. Сучье племя.

– Это вы по колонии судите, по начальству, – возразил я. – А в городе, может, народ вполне приличный.

– Шурик, не драконь меня по-новой, – предупредил Юша. – Я еще до истории не дошел, а ты мне уже буквы клеишь. Говорю же – сучий город. И перекрестили его неспроста.

– В перестройку многие города переименовывали...

– Что да, то конечно. Но тут случай – особый. Раньше этот бородастый Фридрих именовался Петровском. Вот скажи: кому, по ходу, оно мешало? Правда, проживала в этом Петровске такая гопота отмо-

роженная, никакой мочи нет: резали-грабили-жгли друг дружку, как скаженные! В натуре, всех достали, народ православный даже песню сочинил про такое безобразия. Все без балды, документ эпохи. Утром – в газете, вечером – в куплете. Где-то так...

И Юша мрачно завыл под неясную мелодию:

*– В одном городе близ Саратова,
А зовется тот город Петровск,
Там жила семья небогатая,
Мать была бледна, словно воск...*

Дальнейшие события дядя Толя изложил конспективно и в основном прозой. Правда, вклинил несколько куплетов, но чисто по памяти, не дословно.

Короче, в этом петровском семействе было двое детей – брат и сестра. Когда бледная мамаша померла, отец нашел ребятишкам мачеху, которая с ходу предложила спалить детей в печке: «И вдвоем будем жить веселей». Логично. Освенцим отдыхает... Отец-недоумок растопил печь, сунул сынишку в мешок – и гори оно все ясным огнем! А с дочкой неувязка вышла: она попросила завязать ей глаза. Папка, видать, был слегка заторможенный, пока вязал, «увидела бабка родная / И людей началá она звать».

А людям такая потеха в радость. Надавали мужику по мордам и сдали вместе с мачехой в исправдом. Не такие злобные оказались. Другие бы на месте прибили. Вот и песенке конец. Мне особо запомнились душевные строки насчет поджаренного мальчика: «Все лицо его обгорелое / Факт кошмарный людя́м предавал». Сильно сказано.

– Вот такой случился катаклизм, – подытожил Юша. – После этого позора они имя городу и сменили. Под коммунык зашифровались, падлы. Ищи-свищи, шо там за Петровск, где оно на глобусе...

Тут он остановился и хмуро буркнул:

– И вот скажи ты мне: какого хера я за этого Энгельса вспомнил?

– Вы там в колонии сидели, – напомнил я. – И что-то насчет азиата.

– Азиата? А, точно – Муртазова! И про ломик. Этот Муртазов здоровый был, как орангутанг. Или орангутан, хер его знает. Меня заведующая отделом приматов Серафима Пантелеевна все время поправляет. По-любому, Муртазов и орангутанг – близнецы-братья: оба косматые, рыла широкие, тупые... Я тебе его потом покажу, тут недалеко. Бригадирствовал он в цеху тарных ящиков. Да не орангутанг, а Муртазов! Эти чурки страсть как командовать любят. Паскуднее разве что хохлы.

И то вопрос спорный. Но я не за то. И даже не за то, что Алим был жлоб, сволочь и красный, как пожарная машина...

– Загорелый, что ли?

– Закуелый! Я же говорил: клинья мне не вставляй, на вежливость не нарывайся. Красный – значит козел.

По выражению моего лица шкипер понял, что и в этот раз выразил мысль недостаточно отчетливо:

– Козел, Шурик, – это эзк, что работает на начальство. Мужик, скажем, работает на себя и на государя. Че-то там сваривает, точит, стулья-тубуреты колотит. А козел бежит записываться в лагерную полицию. Ее по-разному кличут, названия меняют, не хуже, как с Петровском: то СВП, то СПП – секция воспитания и правопорядка, секция профилактики правонарушений, еще какая-то бурда. Но гестапо – оно гестапо что при Адольфе, что при Фридрихе. Ходят, нарушения ищут: не там сиделец шаб́ит (курит, значит), пуговицу верхнюю не застегнул, постель не заправлена, в чужую локалку вошел... У нас же там тоже зверинец: каждый отряд – в своей клетке, «локальная зона». Ну и с заметочками – к оперу или отряднику. Есть еще культмассовая секция, тоже рогатые. Санитарная, чтобы чертяк немых ловить. Короче, я всех по буквам не помню, главное, что «вязанные» – красные лантухи на рукаве носят и шныряют на аркане у мусоров.

Но Муртазова Юша терпеть не мог по другой причине. Алая ориентация Алима его мало волновала. Ну, сука он сука и есть, мало ли их по зоне шлындает... Раздражало другое: азиат все время что-то жевал. Говорит – и чавкает. «А слюна всегда в уголках губ такая... зеленая», – зло вспоминал Юша. Привычка Муртазова доставала не только шкипера. Набралось десятка два особо яростных нетерпимцев. Не успокаивало их даже то, что Алим улыбочиво пояснял: привычка такая, это же насвай – жевательный табак с пряностями. Пробовал даже угощать. Чем еще больше взбесил «братву»: совсем оборзел мохнорылый, сует порядочным парням козлячьи корма!

Короче, решили разобраться. «Блаткомитет» размышлял недолго: порешить на хрен. Одним козлом меньше. Пусть в своем муслиском раю табак жует.

– Лоб в лоб с таким лбом среди нас никто бы не справился, – признался Юша. – Так что заманили на промку (в промышленную зону), навалились гурьбой... А ломиком добывать мне пришлось. Так фишка выпала. Всадил я от души, наскрозь. От таких ударов не выживают. А этот – выжил! Вот такое чудо Господне. На зону с больнички, правда, не вернулся. Но и меня не сдал. Козел – не козел, а понятие имел... Я

к тому, Шурик, что ты тоже имей понятие, когда, кому и что базлать. Ты не орангутанг, а ломики у нас знатные...

За полезной беседой мы приблизились к вольеру с цесарками. Над пузатенькими серыми курицами с тонкими шеями колдовала женщина лет сорока пяти в белом халате с молоденькой помощницей подай-принеси.

– Амалия Аскольдовна, – тихо, с ласковым придыханием произнес дядя Толя. – Начальник ветотдела...

Начальник ветеринарного отдела была женщиной роскошной. Не зря говорят, в сорок пять – баба ягодка опять. Вокруг нее словно колыхалось голубоватое облако, и даже девчушка-побегушка перед ней немного трепетала. Не говоря о цесарках.

– А почему шепотом? – спросил я так же тихо. Хотя мелькнула у меня догадка: видать, дядя Толя к воздушной ветеринарше неровно дышит.

– Меня красивые имена в дрожь бросают, – признался разомлевший шкипер Юша. – Амалия Аскольдовна... Мурашки по коже. Имена – дело тонкое. Вот ты при знакомстве как назвался? Шурик. И все.

– Что все? – не понял я. – При чем тут Шурик? Это же не Амалия.

– А сказался бы Александром – не получилось бы у нас с тобой мишпухи, как говорит дядя Еся. Не снюхались бы.

– Почему?

– Понимаешь, Шурик – имя свойское, воровское. Раньше шуриками настоящую братву называли, чистых по жизни. Ну, перекликается: шурик-жулик. Воры, к слову, называют себя либо Шурик – Захар там, Устимовский, – или, скажем, Саша – Саша Север. Помнишь: «Владимирский централ, Шурик Северный»...

Как раз во время очередной арии ветеринарша Юшу и заметила.

– Анатолий Ефимович! – позвала она. – Принесли? Давайте быстрее!

– Лечу! – На миг мне привиделось, что шкипер и в самом деле воспарил воздушным шаром. – Все в лепшем виде!

Он впорхнул в вольер, едва не застряв в калитке, и грузно приземлился у ног шахини на подошвы своих тяжелых ботинок. Земля дрогнула. Цесарок подбросило и шмякнуло.

– Где? – коротко спросила ветеринарша.

– Вот! – Юша гордо протянул ей заветную бутылку.

Лицо зрелой красавицы окаменело. От нее дохнуло холодом Хозяйки Медной горы.

– Это что? – ледяным тоном спросила она.

– Это... лекарство вроде, – растерянно сообщил Юша, по тону прелестницы предчувствуя нехорошую непонятность.

– Какое?

– Откуда я знаю... Вы же ветеринар.

– Вам кто его дал?

– Ну, эта... Типа Светлана. Или Марина?

– Я русским языком просила – метилхлорпиндол! Что непонятного? Это порошок! А вы что принесли? Вы порошок от жидкости в состоянии отличить? Лариса, бегом, одна нога здесь, другая – сама знаешь где! Пять минут, время пошло!

Шкипер стоял и обтекал, как обосранный юнга.

Амалия Аскольдовна снова повернулась к нему.

– И как тут прикажете работать? – спросила она Юшу уже ровным, но грустным мелодичным голосом. – Вы все это хоть можете выразить в слове... А мне что делать? Не владею я вашей лексикой. Да и не люблю, признаться. Издержки воспитания. Но ведь никаких нервов не хватит!

И ветеринарный доктор горько склонилась над цесарками. А мы с дядей Толей пошлепали прочь от вольера, как две макаки.

– Вот сейчас ничего не говори, – предупредил шкипер. – Во избежание. Сцуко, фуль я смолоду в студенты не подался? Нет же, хавиру ковырнул! А Светке за этот пропердол еще аукнется...

Неожиданно из-за спины Юши опять раздался нежный голос Амалии:

– Анатолий Ефимович!

Юшу развернуло, как фигуриста Плющенко, – тремя тулупами.

– Да, Амалия Аскольдовна!

– Забыла сказать: вас директор разыскивает! Срочно. А мобильный ваш не отвечает.

– Как так? – Юша бешено захлопал по верхним, нижним и задним карманам, как внезапно воспламенившийся гражданин. – В кабинете, видать, оставил! Спасибо, Амалия Аскольдовна!

– Да не за что. Только поторопитесь: уже минут двадцать прошло. И не обижайтесь за то, что я на вас набросилась. Сами понимаете...

Шкипер расцвел:

– Да что вы! Да я... Вы же знаете...

Но Амалия к тому времени снова отдалась цесаркам. Уж извините за неудачное выражение. Издержки воспитания.

– Почему ж я, падло, в фельшеры не пошел? – снова мрачно задумался Юша. – Вот не поверишь, Шурик, как мне нужна жертва... И прямо сейчас.

– Какая жертва?

– Любая. Ты бы тоже, к примеру, сгодился. Но не судьба.

Я мысленно возблагодарил судьбу.

В тот момент ни я, ни Юша не подозревали, с какой катастрофической скоростью некоторые молитвы доходят до Господа.

Жертва на одно перышко

В кабинет к Гликману мы ввалились на пару. «Набздюм», как говорит дядя Толя. Кроме директора зоопарка у массивного рабочего стола вполоборота к нам расположилась дама недалеко за пятьдесят. Она придавила столешницу полными грудями (кажется, что та даже слегка прогнулась); по обе стороны стула свешивались крупнофилейные части дамского тела. Женщина повернулась к нам и полыхнула печальными воспаленными очами. Мне тут же вспомнился старинный анекдот насчет бегемота, у которого красные глаза, чтобы легче прятаться в помидорах. Кстати, почему, как только я захожу на территорию зоопарка, мысли мои наполняются бегемотами? У нас ведь всего один бегемот – Гоша, и то карликовый. На парашу к которому Юша грозился меня направить.

– Наконец-то! – возбужденно всплеснул руками директор Гликман, когда увидел нас со шкипером. Вернее, обрадовался-то он шкиперу, а на меня зыркнул, как сыч на мышу, и раздраженно спросил Юшу: – А этого зачем притащил? Ты что, в хитрый домик с очевидцем приканал? Простите, Людмила Львовна, – слегка заискивающе обратился директор к незнакомке, – это такой профессиональный сленг. – И тут же набросился на меня: – Иди научный кабинет отмывать, под начало Дины Марковны!

(Дина Марковна руководит научно-просветительским отделом – тем самым, который накрыла волна фекалий.)

– Ты мальчика не тронь, Сема... Исаевич, – заступился дядя Толя. – Малец пока со мною бегаёт.

– Щзас! – возмутился Гликман. – Может, ты его еще по ширмам тыкать научишь? Простите, Людмила Львовна, – снова извинился он перед грудастой дамой и повторил коронную фразу: – Это профессиональный сленг.

– Да про сленг я знаю, Семен Исаевич, – густым сочным сопрано выдохнула дама. – Потому меня к вам Кирилл и направил, вы же в курсе...

– Ну да, ну да, – закивал Гликман. А Юше приказал: – Ты этого своего... мальчика за дверью оставь, разговор пойдет серьезный, не за наш зоопарк.

– А за какой? – спросил Юша.

– За другой.

– Ты в смысле?..

– Смыслов, Толик, столько, что не знаю, как их по карманам расовать. Короче, дело касается Мити Ломщика...

– Погуляй, Шурик, – бросил мне штурман, – но неподалеку, чтобы я тебя кликнуть мог.

И я оказался за дверью. Вернее, под директорским окном, которое по случаю летней жары было приоткрыто. Правда, для этого здание пришлось обогнуть. В принципе, если бы шкипер решил меня кликнуть, я бы мигом возник рядом. Хотя окошко выходило в тыл отдельного одноэтажного домика, где располагалась директорская администрация: сам Гликман, его зам Ольга Игоревна, а третий кабинет занимал шкипер Юша, штатная должность которого такой роскоши не предполагала. Но старую дружбу не пропешь...

Тыл особнячка примыкал к сплошной стене зоопарка. Между ним и стеной была разбита симпатичная клумба. Кстати, в целом стена давно уже не сплошная: высокая решетчатая ограда из толстых стальных прутьев и декоративных узоров. Говорят, питерские мастера сработали. Так до сих пор ни одна сволочь не погнула – а пытались, и не раз.

– Идиоты, – заметил Юша, когда хвалился передо мною ограждением своего звериного узилища. – Это ж питерцы, у них же опыт... Вековой! Одна Петропавловская крепость чего стоит или, скажем, Кресты, Арсенальная крытка опять же: там решки ковали такие – носорог обломается, муха це-цехрен прожужжит.

А вот кусок прежней белой кирпичной стены за особнячком почему-то оставили. Почему – не знает даже шкипер Юша. Загадка природы.

Подслушивать, конечно, нехорошо. Но приятно. Когда я подключился к тайной беседе, Митю Ломщика уже обсуждали во все корки.

– Да он такой же ломщик, как я – бульдозерист, – послушался пренебрежительный голос Юши. – Он и спалился-то чуть не на первой ломке, когда «куклу» подсадному менту втюхивал.

Зачем Митя втюхивал куклу менту и что в этом криминального, я не особо понял. Может, кукла была бракованная? Но давать срок за продажу некондиционной игрушки – это зверство.

– Тебе лучше знать... –

Это уже Гликман.

– ...вы же с ним вроде дружили.

– Ты офонарел? В смысле – вы офонарели? Ну да, как-то вместе кушали в одной семейке. Я его кой-каким вольтам игроцким обучал.

– Про карты не вспоминай, не надо!

Это снова Гликман.

– Что – не надо? Сам не хочу. Через это он в меня чуть в блуд не втянул, сука. Но дела прошлые. А что сегодняшние?

– Ломщик снова за кидалово взялся.

– Ах, вот оно где...

– Но, типа, легально. Ты систему моментальных кредитов знаешь? Кругом конторки такие: заскочил, тебе кредит шустро оформили по паспорту, а процент – космический. К тому же если человек просрочил, процент набегаает на процент и вылезает сумасшедшая сумма. Взял десятку – а должен полмиллиона. И каждый день сумма растет. Люди машин лишаются, квартир – и все по закону, договор подписывали. Не будешь платить – поломают все, что ломается. Или грохнут.

– Сема... Исаевич, не гуляйте по ушам. Я не на Луне обитаю. Помнишь присказку такую чисто рыбацкую: «Слышен бабок легкий шелест, это лох идет на нерест»? Меня покойный папа учил: сынок, в долг не бери, на просто так не играй. Расплачиваться будешь больно и в неудобной позе. Так, значит, Митя конторку хитро вывернутую приобрел...

– Она называется «Шаром-даром». – Это уже дамочка, со всхлипом.

– Красивое название, – одобрил шкипер. – Узнаю я их по голосам... Витя Кумык, ты его... вы его помните, Семен Исаевич, ну, можно сказать, по нашему трудному детству...

– Юша, без подробностей! – в голосе Гликмана я уловил нотки исторической тревоги. Видать, хотя Людмила Львовна и появилась по рекомендации какого-то Кирилла, но директору не очень хотелось, чтобы дамочка была в курсе мелких деталей гликмановского «трудного детства».

– Да я за то, шо Кумык тоже открыл сеть салонов, но мобильной связи. И назвал «Але-мале». Я ему говорю: Витя, может, сразу лучше «Уру-ру»?

На меня навалилось слишком много неясной информации. Ломтики, менты с куклами, семейные обеды, уру-ру... До этого – хитрый домик, неведомые ширмы, по которым надо что-то втыкать. Не то чтобы я совсем ботан. Кидалово от лоха, конечно, отличу. Но шкиперским языком без словаря не владею. Да и со словарем тоже.

Но я отвлекся. Подробностей разговора в кабинете я не запомнил, передаю в общих чертах. Необъятная Ольга Львовна оказалась бизнес-ледью из Воронежа, что-то там с салонами красоты. Не суть важно. А мамаша у этой леди проживает как раз в Мокром Паханске. Овдовела два года назад. Дочка мамашу не забывает, подпитывает (двухкомнатная квартира все равно сынишке отойдет, единственному бабусиному внучку).

Но не уследила: решила бабуся этому самому внучку на двадцатилетие приобрести крутой ноутбук. За шестьдесят кусков! Во что старая учудила! Наличных не хватало, она и заглянула в ближайшую конторку «Шаром-даром», взяла кредит на двадцать тысяч. Деньги вернула в срок, но – понеслась душа в рай. Счетчик закрутился, коллекторы забегали. От старушки, чтобы расплатилась (а уже наскакало тысяч восемьсот), стали требовать продажи квартирки: мол, мы свою сумму возьмем, а тебе, старая, однокомнатную предоставим.

– Это как же двадцать тонн до «лимона» выросли? – удивился Юша.

– Все по документам! – загрохотала Людмила Львовна, как страдалица из греческой трагедии. – Расплатилась вовремя, а к ней приходит месяца через три пара бугаев: что же вы, бабушка, долги не отдаете? Она говорит: так я давно рассчиталась, вот и документы! Громили берут бумажку и у нее на глазах – под зажигалку. Нет, говорят, бабка, у тебя никаких расписок. Не заплатишь – вывезем тебя и тихо закопаем в лесополосе.

– Беспредел в чистом виде, – констатировал Юша. – А вы что же? В полицию, к прокураторам, ну, в комитет защиты природы...

– Вот я и пришла в комитет защиты природы!

(А Львовна, выходит, не без юмора.)

– Потому что куда ни ткнишь, везде одно: все по закону... А что ваша мама сказала, так она много наговорить может. Доказательства где?

– Какие фаши токасателстафа? – издевательски процитировал Юша вопрос бандитов известному советскому милиционеру Шварценеггеру из фильма «Красная жара». Знаком, однако, дядя с классикой.

– И я про то! – Голос дамы громыхал, как иерихонская труба. – А что я могу сделать? У меня таких связей нет даже в Воронеже, не то что в Паханске. Я обычный предприниматель. Спасибо, что Кирилл...

– Кто такой Кирилл? – поинтересовался штурман. – Не патриарх, случаем?

– Кирилл – это Кирилл, – неопределенно бросил Гликман.

– А я тут каким боком?

В голосе Юши я уловил легкое раздражение.

– Анатолий, ну ты же понял...

– А ты меня на понял не бери, гражданин директор! – Раздражение потяжелело. – Мне что Кирилл, что Мефодий – все едино. Из такой замути выкружиться – это вам не азбуку смандячить!

– Анатолий Ефимович, я же отблагодарю, я же не за просто так... – запрочитала Львовна.

– Насчет благодарности – это к Гликману. Он же вам, надеюсь, и насчет«просто так» объяснит.

– Ну, так помочь можешь? – Голос директора зазвучал безнадежно-устало.

– Не нукай, Сема! Куда ж я денусь, когда разденусь... Ты для меня столько сделал, расплатиться – двух жизней не хватит.

– Да брось...

– Чего там «брось», оно так и есть. Отставить панику, – вдруг весело подытожил шкипер Юша и громко щелкнул пальцами. – Это я удачно зашел... А я-то, дурень, жертву искал! У меня ведь, по ходу, к Ломщику тоже дельце есть. Небольшое, буквально на одно перышко¹. Вернее, не у меня, а у очень уважаемого человека. Так что, можно сказать, Людмила Львовна, вы ему в некотором роде одолжение сделали. Ну что, явки, пароли, адреса, телефоны – все при вас? Тогда вперед.

– Прямо сейчас?! – Радостный возглас дамы.

– А чего ждать? Пока Митяй бабуся укантропупит? Звиняйте за мой плохой французский.

– Ты переоденься хотя бы, Анатолий, – вклинился Гликман. – Не в таком же виде...

– Не бзди, не шлангом деланные, – успокоил Юша. – Людмила Львовна, подгоняйте свой звездолет, а я пока перекуюсь.

– В каком смысле? – не поняла Львовна.

– Перекую мечи на хлебала. Лепню' сменю. По-русски говоря, одежду.

– Но у меня встреча важная назначена, контракт... А через час можно?

¹ Перышко – нож.

– Для вас – хоть цветок с запретки. Через час так через час. Вы на выходе мальчика моего кликните.

Я понял, что Сивке-Буркепора появиться. И вынырнул с невинным видом как раз когда Львовна покидала особняк.

– Молодой человек, вас Анатолий Ефимович ищет, – сообщила мне она.

Я поблагодарил и явился в кабинет директора, а оттуда проследовал за Юшей в скиперскую рубку.

Как Юша перековал мечи на хлебала и оскалил пасть на советскую власть

Из неожиданного в кабинете дяди Толи обнаружилась ванная комната. Правда, без ванной, но с массажной душевой кабиной. Хорошо нынче скипера живут, подумал я, а дядя Толя нырнул в ванную, закрылся, и вскоре я услышал, что он совершаетомовение. Отсутствовал скипер примерно с четверть часа, за это время я исследовал комнату. Левую стену украшали портреты Сервантеса и Чиполлино. Накруглом столе без скатерти, стоявшем посреди комнаты, лежали нож и вилка с цветными наборными ручками из плексигласа, а также пухлая книга «Философия преступления». Такое впечатление, что Юша собирался этой философией сытно отобедать.

Вообще в личности скипера мне открывались все новые грани. К примеру, рядом с жестким диваном стоял старый книжный шкаф, набитый учебниками по зоологии, ветеринарии, сантехнике, красочными книжками о животных, мемуарами арестантов разных эпохи литературой по криминалистике. Особняком ощерилась закладками брошюрка ЧезареЛомброзо«Гениальность и помешательство». Я хотел было прояснить, что именно в этой книжке особо впечатлило дядю Толю, но тут распахнулась дверь ванной, и в проходе показался он сам, похожий на вождя туземного племени: в набедренном полотенце и татуировках.

– Читай, студент! – одобрил он, узрев меня перед шкафом. – Мемуары Ливингстона для затравки возьми, такого вам профессора не расскажут: как бегемоты лодки с туземцами топили. Бегемот, шоб ты знал, – самый опасный зверь на Земле.

Опять бегемоты, удивленно подумал я. Да что на них, свет клином сошелся?! А насчет опасные – и спорить не о чем, достаточно посмотреть на того, что передо мной стоит с наколкой оскаленного волка на груди и двумя орлами на ключицах. Нет, один, кажется, то ли беркут, то ли сокол.

– Галерею разглядываешь? – довольно заметил Юша. – Вот тебе еще.

Он повернулся, и я увидел на широкой спине двух быков, столкнувшихся лбами.

– Это по молодости, – пояснил штурман. – Дури было много, быковал... По ходу, рогометов разных набивать нежелательно. Другое дело – волк. В старые времена колото. Оскалил пасть на советскую власть. Или, скажем, котяра. Кот значит – коренной обитатель тюрьмы. Таким я и был.

Он показал татуировку кошачьей морды – справа на боку, недалеко от печени. Кот нагло ухмылялся, прищутив глаз. Он и впрямь смахивал на Юшу, а заодно на булгаковского Бегемота (будь они неладны, я так скоро с ума сойду!).

– Некогда культуру хавать, – отрезал Юша. – К охоте пора готовиться.

– На кого?

– Звиняй, дядьку, кабанчика не загнали, придется на гиену.

Что-то я почуял нехорошее в этом приглашении. Тайный смысл. И разгадывать эту задачку у меня охоты не было, простите за каламбур.

– Не, дядя Толя, я как-то не того...

– Не очкуй, пенсне вспотеет! Что, лучше срань в научном отделе у Динки со стен слизывать?

Меня от такой образности передернуло. Эта картина представилась мне до омерзения реально.

– А что делать-то?

– Не бзди, Макар, твой номер шестнадцатый в очереди на взлом мохнатки.

– Взлом мохнатки – это как?

– По-старому кодексу – 117-я, по новому – 131-я. Изнасилование. Короче, я одеваюсь.

– А я?

– А ты можешь раздеваться. Если хочешь со мною голышом шлындать. Сиди пока и нишкни.

Одевался Юша неторопливо. А я за это время попытался кое-что прояснить из того, что не понял в кабинете. Про ломщика, хитрый домик, затыканную ширму...

– Ты, Шурик, как с пальмы слез, – вздохнул штурман, натягивая брюки. – В обратку, что ли, пустился? Из человека к павиану? Людскую речь не сечешь...

Оказалось, ломщик – мошенник, который дурит людей при обмене денег. Про конкретности Юша рассказывать не стал, но, например, «кукла» – это пресс купюр, сверху настоящие деньги, а внутри – нарезки из бумаги. Еще с царских времен фокус практикуют и до сих пор проходит. В лихие девяностые ломщиков было выше крыши, а сейчас народ все больше стал безналичкой в крупных делах рассчитываться. Вот ремесло и деградирует.

Насчет «хитрого домика» – это оперативный отдел на зоне. Серьезные арестанты, «братва» вроде Юши, если их туда вызывают, берут «очевидца» – какого-нибудь зэка. Чтобы не подумали, что тот, кого вызвали, – стукач или его вербуют как «агента».

А про ширму – совсем просто. Так карман называют. «Втыкать» – воровать по карманам.

Я чуть было не спросил про «уру-ру», однако вовремя вспомнил, что за него я услышал уже частным порядком, под окном. Так что лучше воздержаться до времени.

Но тут разгадка пришла сама по себе.

– Э, кузьмич, уру-ру! – громыхнул дядя Толя от двери, где при входе за ширмочкой обнаружилась вешалка.

Я вздрогнул.

– Дядя Толя, я опять не понял... Это чего – уру-ру? Галстук?

– Обращение это русское, дятел! Вроде але-мале, но больше наше, тюремное. Короче, значит «обрати внимание».

Штурман предстал передо мною во всей красе. Я даже не предполагал, что он может так одеваться. Дымчатый костюм из тонкого вельветона, снежно-белая сорочка, сверкающие черные импортные туфли...

– Рот захлопни, а то вафлю словишь ненароком. Как прикид?

– Впечатляет.

– То-то. В таком – либо на толковище, либо на охоту.

– А что за гиены? – Подозрительность моя усиливалась.

– Гиен, что ли, не видел? Так я покажу.

И штурман повел меня в даль светлую.

Вернее, в темную – к вольеру с гиенами. Территория, отмеренная этим тварям, находилась в довольно глубокой впадине – метра четыре, не меньше. От посетителей ее отделяла плетеная стальная сетка-рабица: а то еще свалится кто ненароком. Внизу было сумрачно и сыро, по вольеру площадью «квадратов» сто, а то и все сто пятьдесят рыскали несколько тощих облезлых особей, знакомых мне по мультфильму «Король Лев». Омерзительные, на тощих ногах, шерсть грязно-серая, с

легким оттенком ржавчины. Одна гиена присела и подняла вытянутую морду в нашем направлении. Я почувствовал острую потребность тут же по ней крепко вмазать и почему-то непременно лаптой. Тварь уловила, вскочила и быстро засемила прочь.

– В одиночку они, гниды, трусливые, – пояснил Юша. – А если в стае – хрен отобьешься. Наглые, дерзкие, бешеные суки. На взрослых людей нападают, не говоря за мелкий скот. Если стая небольшая, тогда и капканами можно обойтись. А когда совсем уже невоготу, залютовали своей борзостью округу – нужен серьезный отстрел.

К тому времени я, конечно, все понял. И раньше-то понял, но надежда ошибиться оставалась. Гиена – это, понятно, Митя Ломщик. Но отстрел... Для полной радости не хватало только в «мокрое дело»вляпаться. Вот что такое «мокруха», я точно знаю. Не павиан.

– Да не миньжуйся, Ломоносый, – успокоил Юша, прочитав мрачные перемены на моем лице. – Мы едем в интеллигентное общество. Ты мне нужен чисто как очевидец. Чтобы потом все Людмиле Львовне обсказать. Мне одну непонятку надо решить. Дамочке при этом лучше не присутствовать, разговор будет пацанский, и надо фикснуть... в смысле зафиксировать, что проблему разрулил именно я, а не сама она рассосалась. Что Митя не сам от бабушки отвял. Ах да, ты же не в курсах...

Тут, положим, Юша ошибался, но зачем огорчать хорошего человека? Так что я промолчал. Хотя не очень поверил во всю эту историю с «очевидцем». Дамочке какое дело, как ее проблему решат? Она по-любому заплатит готова. С каждым днем я все больше ощущал, что дядя Толя просто взял меня под крыло. Бывший зэк, человек одинокий, с богатым уголовным прошлым, он нуждался в ком-то вроде ученика (ученик чародея, блин), который всегда под боком, его можно поругать, похвалить, рисануться перед ним, как у нас в Паханске говорят. Вроде Санчо Панса при Дон Кихоте. О! Может, у него поэтому висит портрет Сервантеса? А зачем Чиполлино? Я там в какой роли? Кум Тыковка?

Тут главный вопрос: как я сам к этому отношусь? А что я? С одной стороны, без энтузиазма. Я вообще-то шел на практику в зоопарк, а не на практику к бывшему зэку. Если так начинается, то кто его знает, как закончится. Вдруг окажется, что наш тихий зоосад – мафиозное логово? А рыжая Верка-смотрительница – профессиональный киллер. Тьфу ты, бред какой. А может, не бред? С другой стороны, каждый день столько узнаешь, что голова пухнет. И это притягивает меня к Юше, как канцелярскую скрепку к магниту. Ладно, гиены так гиены. Кстати,

как учит чародей Юша, надо говорить не «ладно», а «лады» или «ладушки». Ему виднее.

Пока мы ждали тачку воронежской бизнес-леди, дядя Толя сделал звонок «по темной линии», как он пояснил. Но я все равно не понял, что за линия такая. Мы сидели у края пруда, а мимо сновали черные и белые лебеди с шеями Улановой, невдалеке изгибались в немыслимых позах на тощих голенастых ногах розовые фламинго, от которых сильно воняло.

– Поклон земной, Еся. Как ты там, пахан Одессы? Ну да, где Одесса, где ты... Я чего звоню-то: надыбал я кореша твоего ненаглядного. Его, родимого. Да, у нас, в Мокром Паханске. Мало того, прямо сейчас к нему еду. Старушек, падла, огорчает. Да нет, Раскольников курит на параше. Тот процентщиц глушил, а этот – сам процентщик. Хотелось бы немного поглумиться. Контора его называется «Шаром-даром», головной офис на Красноконной, девятнадцать гроб два. Да, по городу точек много. Не, ну зачем так радикально. А вот, скажем, парочку – в самый раз. Твои ребята смогут в точно назначенное время? А затем минут через пять ты ему личняком позвонишь, уважь пассажира. И тебе в радость, и ему приятно. Время уточним, как подъеду. Не, Еся, проще – в Марьиной роще. А я люблю с кандибобером. Короче, я обещание сдержал. Пацан сказал – пацан сделал. Час добрый. Погодь, телефончик-то гниды запиши...

А минут через пятнадцать подкатила Львовна на бежевом «лексусе», и мы отправились на охоту.

Как Юша охотился на гиену и едва вырвался из львиных лап

Вскоре мы были рядом с офисом «Шаром-даром», но остановились за квартал. Штурман сделал очередной звонок неведомому Есе и оставил телефон Львовне на хранение:

– Вы поезжайте, в центре покрутитесь. Встретимся у ЦУМа, знаете, где это? Там рядом кафе «Колосок», мы к вам через часок-другой присоседемся.

– А здесь не лучше? – спросила дама.

– Здесь – хуже, – отрезал Юша.

И мы отправились в офис.

Фойе оказалось довольно просторным, девица у стойки встретила нас улыбкой «чего изволите». Узнав, что цель нашего визита – встреча с Дмитрием Ивановичем Гусевым, главой шарашкиной конторы, девица удивленно вскинула ресницы и спросила, назначено ли нам.

– Нам судьбой назначено, – коротко пояснил Юша.

– Но их светлость сегодня не принимают...

– Их светлость меня не интересуют, – терпеливо ответил Юша. – Что они принимают – тем более. Хоть валидол, хоть пилюли от поноса. Мне Гусев нужен, Дмитрий Иванович.

– Так это и есть их светлость. Светлейший князь Гусев-Святомирский, – с легким подозрением пояснила девица.

– Якорный бабай! – вырвалось у изумленного Юши. Но он быстро справился и торжественно объявил: – Сообщи князю, что к нему на аудиенцию прибыл виконт Мельников с супругой... виноват – с оруженосцем.

– Я сейчас охрану позову! – возмутилась девица.

– И правильно. Без эскорта я ни шагу. А сиятельству ты, золотце, маякни на всякий пожарный. А то он потом с тебя живую кожу дерет. Скажи, что его срочно хочет узреть Мельников Анатолий Ефимович – по неотложному, крайне важному для князя делу.

Охрану девица все же вызвала, но и княжеской секретарше для верности звякнула. Кожа нынче в цене, зачем судьбу испытывать?

Вскоре свыше сооблаговостили известить, что господина Мельникова примут через десять минут. Как сказал бы Юша, девица была в ахуе, а охрана сопровождала нас в лифт и вплоть до двери кабинета. Там нас зачем-то обыскали бибикающими палками – и мы попали в святая святых.

Описать кабинет Гусева-Святомирского не берусь, ибо он неопишуем. Огромная комната со столом персон на пятьдесят, над креслом самого князя-процентщика – золотая корона в полстены, по остальным стенам – мечи, кинжалы, алебарды, какие-то грамоты и свидетельства в изящных рамках, фотографии светлости с политиками и богемной попсой... Опять же две пальмы в кадучках – тоже впечатлительно.

Взглянув на хозяина кабинета, я ужаснулся: узкая мордочка у него была точь-в-точь как у той гиены, которой я хотел вмазать лаптой. Значит, насчет охоты Юша сориентировал верно.

Гиеномордый князь вальяжно приветствовал шкипера из глубин кресла в дальнем конце кабинета:

– Юша, сколько лет! Ну, подплывай, побалакаем.

– А может, ты, светлейшество, жопу от кресла оторвешь, чтобы встретить однокрытника? – с легким сарказмом ответил шкипер. – Или Мальтийский крест на яйца давит?

– Ты же помнишь поговорку насчет сена и лошади, – нагло бросил Гусев. – Я все-таки князь, веди себя прилично.

– Для меня ты Митя Ломщик, а таких князей – за хрен да в музей, – коротко сообщил Юша.

– Я сейчас вызову охрану – и тебя с твоим щенком вышвырнут на хер! – взвизгнул Митя по-щенячьи.

– Во как грозно. Стосковался, значит, по славе арестантской? Как говорится, сегодня князь, а завтра – в грязь...

И тут гиену словно подбросило. Выпрыгнув из кресла, Гусев-Святомирский, хищно ощерившись, медленно двинулся к шкиперу.

– Шантаж, значит? Я так и думал. А ты знаешь, дядя Юша, сколько таких отважных полудурков в этот кабинет вошли, а отсюда не вышли? И для вас с гаденышем местечко в багажнике найдется. Процедура отлажена.

По спине у меня что-то потекло. Еще немного – потекло бы и ниже.

– Дятел ты, Митя, – спокойно, с ухмылкой ответил Юша и мимоходом глянул на часы. – Слушай, у тебя ничего не подгорело? Дымком тянет...

– Угу. Это ты уже чуешь, как ваши трупы в лесочке догорают.

Постучался и заглянул охранник:

– Дмитрий Иванович, мы не нужны?

– Скоро понадобится, – грозно бросил князь. – Я дам знать.

Битюг скрылся.

– Че-то мы торопимся... – недовольно заметил шкипер, глядя на циферблат. – Так на чем я остановился? Ах да! Дятел ты, Митя. Мне до твоих титулов делов нет. Называйся хоть папой римским, хоть папой гадским. У меня до тебя другое дело.

– Какое еще дело? – спросил Гусев уже не столь грозно.

– Насчет гражданочки одной, Ставской Марии Григорьевны. Не людски твои пацанчики поступили. Бабушка долг отдала, а они пришли и расписочку спалили. Теперь из квартиры гонят. Не по-божески. Дай отбой, а больше мне с тебя ничего не надо.

– Ты что, Юша, мне еще условия ставишь? – хмыкнул князь Митя. – Ты уже полутруп, до тебя что, не доходит?

– Не, точно горелым понесло, – Юша втянул воздух своим румпелем. – Может, проводка?

– Ты мне бейцы не дрочи! – заорала их светлость. – Ничего нигде не горит!

– Уверен? – с сомнением спросил Юша.

– Уверен!

– А я – нет. – Он снова посмотрел на часы. – Уже полыхает, ваше благородие.

В этот миг зазвонил стационарный телефон. Гиена скачками бросилась к аппарату.

– Что? Где горит? На Мехмаше? Только что? Аппаратуру успели вынести? А деньги?!

Юша медленно подошел по следам гиены к аппарату.

– Я же предупреждал – пахнет жареным, – довольно констатировал он. – Старый босяк чуйку не теряет...

Митя Ломщик поднял взгляд на штурмана, и было видно, как липовый князь медленно, но верно прозревает.

– Это ты! Это ты, падла! – заорал он. – Да я тебя сам на куски рвать буду!

В это время зазвонил другой телефон. Ломщик схватил трубку:

– Горит? На Часовой? Польшаает?!

– Я же так и сказал, – подтвердил Юша. – Польшаает. Продолжим партию или согласимся на ничью?

Князь выглядел бледно. Но продолжал держаться.

– Юша, ты можешь спалить хоть весь Паханск. Бабло у меня на счетах. Что сгорит – верну с лихвой. А бабка твоя никуда не денется. Долг на ней висит – отдаст все...

– Не на ней одной долг висит, – спокойно заметил Юша.

– Ты это о чем? – в голосе липового князя прорезались тревожные нотки.

– Есю помнишь? Которому ты на питерской зоне вкатил гроши немалые? Как мыслишь, сколько бабла на его счетчик за эти годы намоталось? Столько валюты по миру не ходит!

– Ты меня на понт не бери! Еся про то давно забыл. Да и годы его уже такие, что найти меня не успеет. А ты не подскажешь. Потому что я тебя раньше урою.

И тут в третий раз зазвучала телефонная трель.

– Опять горит? – криво ухмыльнулся Митя. – Ничего, сейчас ментов подключим, долго это не будет продолжаться.

Он поднял трубку:

– Да! Слушаю! Что там у вас?

И вдруг личико гиены мгновенно сморщилось:

– Иосиф Павлович? Да, конечно, как же, помню. Да, в курсе. Долг за мной. Ну что вы, Иосиф Павлович! Кто от вас ховался? Так обстоятельства сложились. Конечно, с завтрашнего дня начну выплачивать! Что вы говорите?

Би...Би... Би...

Обессиленный Митя откинулся в кресле.

– Это крах...

– А ты думал, это – Дед Мороз? Кончит он тебя, Митя. А дело твое в счет долга заберет.

– Юша... Анатолий Ефимович... Христом богом... Вы же с ним друзья...

– Какие друзья, Митя, окстись. Он – законный вор, а я кто? Босота перелетная.

– Ну я же знаю, вы с ним с детства... А бабушку вашу – это, конечно, беспредел. Как ее по имени-отчеству?

– Марина Григорьевна Ставская. Вот данные.

Юша бросил на стол несколько листов бумаги. Княже судорожно бросился звонить какой-то Марине.

– Лады, Ломщик. По старушке проверю. А с Есей – ну, что-нибудь поколдуем. Авось пронесет.

– Анатолий Ефимович! Да я... Я же в долгу не останусь!

– Ты и сейчас в долгу. Не зарекайся. Кликни своих толстолобов, пусть нас проводят.

Мы вышли на улицу.

– Вы правда Гусеву поможете? – спросил я штурмана.

– Ты с дуба рухнул? Пусть с ним Еся разбирается.

– А если его...

– Не дрочи себе мѳзги, – поморщился дядя Толя. – И мне тоже. Кого гребет чужое горе, когда свое невпроворот? Одной гиеной меньше, одной больше.

– Вы же обещали...

– «Авось пронесет» – не обещание. Я не обещаю того, чего не могу сдержать. И тебе советую.

Когда мы приближались к ЦУМу, я поинтересовался:

– А почему Людмила Львовна нас здесь не дождала?

– Шурик, ты как дите. Потому что не знаю, чем вся эта бодяга здесь кончится уже сегодня. А телефончик у меня – «темная линия», никто не знает, что он мой, и он на воровскую тайную мобилу завязан. Говорят, менты сейчас на раз определяют, что за телефоны в зоне преступления находились. Определят мобилу Львовны, выйдут на мою. Дернут Львовну – и пошла карусель... Не ну ли его на фиг?

В кафешке нас ждала бизнес-леди. Она заметно нервничала. Но наше повествование в кратком пересказе (жестоко цензурированном штурманом) ее успокоило, и она разомлела. Но все равно, не веря до конца своему счастью, то и дело переспрашивала:

– Значит, все точно решено? Значит, мама никому ничего не должна?

– Я вас умоляю, Людмила Львовна, – с легкой укоризной ответил Юша. – Охота на таких гиен – моя тайная страсть.

– А вы знаете, что на гиен часто охотятся львы? – красиво закатив коровьи очи, томно просопранила пышногрудая коммерсантка. – А я все-таки Львовна. Так что у нас одна тайная страсть... Может, обсудим это у меня в гостинице? За бутылочкой «Арманьяка»... А юношу отправим в зоопарк на такси.

Ни один мускул не дрогнул на мужественном лице шкипера.

– Заманчивое предложение, – одобрил он. – Но, увы, не получится. Надо срочно встретиться с людьми, которые нам помогли. Обсудить кое-какие детали.

– Ах да! – вскинулась леди. – Я же должна за вашу отважную помощь... Сколько?

– Мне вы ничего не должны, – успокоил Львовну шкипер. – Это решайте с Гликманами и Кириллами.

– Я у вас всегда буду в неоплатном долгу! Помните! В любое время я в вашей власти...

– Буду помнить, – клятвенно соврал Юша.

– Может, вас подвести к месту встречи?

– Людмила Львовна! Это же мир конспирации...

– Ах, да-да, что это я! – всплеснула руками воронежская бизнесвумен. Мне показалось, что по мощи эти руки не уступают Юшиным.

И мы распрощались.

– Уххх, на первый раз пронесло, – выдохнул Юша, потянув меня на всякий случай петлять в мокропаханских переулках. – Вот львица так львица... Попадись в ее лапы – хрен вырвешься. Не трепыхнешься.

– Это вы после встречи с князем говорите, дядя Толя? – изумился я. – Нас там чуть не закопали, а тут – какая-то Львовна.

– Не знаешь ты женщин, Шурик, – сурово отметил дядя Толя. – С такой свяжись – вечная каторга за радость покажется. Ну что, не видать «лексуса»? Пешком-то она точно нам на хвоста не сядет...

Так завершался мой очередной день практики в мокропаханском зоопарке.

Александр Хныков

Один на льдине

Коридор

Его провели по тусклому коридору, куда-то в подвальные помещения, и в старинном здании тюрьмы казалось, что ведут его в преисподнюю, это чувство в нем усилилось, когда в камере, сырой и большой, с длинными шеренгами железных нар, он никого не увидел – он был один, как у ворот ада. Положив тощий мешок на нары, перевел дыхание, точно пытаясь осмыслить свое положение. Из областной туберкулезной больницы, находящейся на территории колонии строгого режима, его вывезли неожиданно и, по всей видимости, везли обратно в ту колонию, где он отбывал до этого наказание. И поспешность и неожиданность этого этапа его настораживала, он начинал думать, что его куда-то отправят на Север, вывезут из здешних мест, в другое управление, никто ведь не говорит эзку на этапе, куда его везут. Неопределенность эта напоминала жизнь маленького самодельного кораблика, подобный он пускал по ручью мальчишкой по весне, не зная, куда он поплывет, куда его занесут воды ручейка, впадающего в местную речку, а та, вероятно, впадает в Волгу, а Волга в море. Так, наверное, он тогда размышлял о судьбе своего детища, и, вероятно, он и тогда понимал, что кораблик бессилён выбрать себе путь – он предначертан струей течения воды.

В этом каземате было холодно и сыро, на нарах ни матрасов, ни одеял, и Колесову даже почудилось в какой-то миг, что о нем забыли, и это было нехорошо, что вот так, в этом каменном мешке, его судьба вдруг заперта и будто застыла.

Он прислушался к тишине коридора, она была точно могильная, и весь мир точно не существовал, только он и эта камера...

Время тянулось тяжело. Казалось, что оно превратилось в какую-то нескончаемую тоску. Но вот по коридору пронеслась какая-то коман-

да, и вмиг напрягся Колесов, прислушался, он даже сел на холодных нарах, на которых лежал, свернувшись калачиком, прямо в телогрейке, стараясь как-то согреться; открылась кормушка, и женский голос приказал кому-то в коридоре:

– Давай сюда баланду! Тут есть человек!

И впрямь показалась миска, протянутая рукой в зоновском костюме. Колесов, быстро сообразив, стяхивая с себя оцепенение, бросился к кормушке и повеселевшим голосом сказал:

– Принимаю!

Взял теплую миску с едой, а второй рукой торопливо взял хлеб – он был черствым, и в руке не чувствовалось его мягкости, но еда как-то успокоила зэка, он примостился на нарах. И ел с удовольствием, с удовольствием думая, что о нем помнят, и, значит, и мир существует, и эта сотрудница с сильным нервным голосом, командующая в коридоре, и этот шнырь, отдавший ему еду. Мир существует. И его жизнь в этом каменном мешке, точно его, Колесова, замуровавшем в свою непреодолимую глубину, как ни странно ему самому, Колесову, существует, и он может радоваться еде, представлять красавицу сотрудницу из коридора, да и сам длинный серый коридор теперь после ужина не казался ему уже таким серым. И как бы можно было теперь привычно прилечь на нарах, и отдохнуть, забыться и помечтать о человеческой жизни, о той, что вне этого каземата.

Только опять наступившая тишина не давала покоя, почему-то именно тишина мешала отдыху.

Именно она... А в коридоре была жизнь... И Колесов с томительным вниманием прислушивался к звукам коридора, казавшимся ему сейчас чем-то важным, приятным даже...

«Хорошо, что не забыли покормить, может, завтра и на этап», – подумал Колесов, и тепло тела, согревающее его, давало какие-то смутные надежды на перемены. Как мало нужно человеку, чтобы поверить в свое будущее! Порой это может быть и коридор тюрьмы, напоминающий о том, что жизнь есть, помогающий разуму, даже коридор может стать тем другом, который в одиночестве протянет сознанию незримую руку помощи.

Колесов улыбнулся от этих своих размышлений – впервые за все часы пребывания в этом сыром каменном узилище.

Один на льдине

Кореневу порой казалось, что каждый день в колонии, каждый день срока, прогоняемый им, тянущийся, это как бы даже не его жизнь – а

его жизнь осталась на воле, и здесь она замерла вот в этом однообразном томительном времени, погрузившем его в череду подъемов и отбоев. Попав в колонию по бытовой статье, в общем-то из-за своего характера, вспыльчивого, из-за спиртного – была драка, вот и сел, – он внутренне не принял законов того места, где находился. Он внутренне хотел быть свободным, и эта его раздвоенность сознания, когда надо было быть вместе со всеми эсками и в то же время быть наедине с собой иным, внутренне свободным, и превратило его в такого, всегда немного задумчивого, неразговорчивого человека. Не желающего влипать в истории, тянущего свою ляжку срока, как тянет лошадь ненавистную повозку. Коренев начинал оживать только по вечерам, в своих мечтаниях, и вот тогда, находясь в одиночестве, насколько это возможно в условиях колонии, после отбоя в умывальнике он курил с наслаждением и думал. Ему не мешали – уже привыкли к этому мрачному человеку в отряде, впрочем, беззлобному, хотя сам внешний вид его был достаточно угрожающим – глаза навывкате всегда смотрели уверенно и спокойно. Ростом он был выше среднего. Достаточно крепкого телосложения для его сорока с небольшим лет. Он думал, вот так, в умывальнике, прислушиваясь к воде, падающей каплями из плохо закрытого крана, как обычно сидя на своем месте, о себе, о красоте мира. И с волнением переживал какие-то далекие истории из своей жизни, точно пытаюсь себе доказать, что идет только черная ее полоса, но будет и светлая.

И тут услышал Коренев громкие голоса – кто-то достаточно громко спорил, потом послышалась возня, чей-то крик. Это было совсем рядом в коридоре, у самого умывальника. Стояла ночь. Вышел Коренев неторопливо: так и есть, около ночного дневального, рыженького низенького человека, стоял огромный зэк – его кличка была Тихий. Это был достаточно нервный человек, в отряде его побаивались, да и было почему – часто Тихий бывал в штрафном изоляторе.

– Ты рот свой закрой! – орал Тихий на ночного дневального – Кому сказал!

Видно было, что Тихий хочет скандала. Дневальный уже порывался пойти до комнаты, в которой, запершись, спал завхоз, – чтобы вызвать через него сотрудников с контрольной вахты. Это отчетливо понимал Коренев и, будучи посторонним свидетелем этой ссоры, единственным свидетелем, думал недолго.

– Тихий, здорово! – даже чересчур доброжелательно сказал Коренев.

Зэк очень внимательно, уж слишком внимательно поглядел на Коренева. Он точно пытался понять, откуда тот взялся. На Коренева пах-

нуло брагой – вчера Тихий только вышел из штрафного изолятора. На нем был новенький чисовский черный милостинный костюм, и весь он был какой-то «новенький», точно именинник – братва уважала Тихого и встретила как полагается.

– Ты кто такой? – внимательно, все еще глядя на Коренева, стоявшего перед ним очень спокойно, спросил Тихий. И что-то угрожающее прозвучало в его голосе, точно он видел в этом мужике продолжение «концерта» – ночной шнырь его как бы уже не интересовал.

– Да вот поговорить с тобой хочу, бродяга, про жизнь, спросить что-то, научиться, – терпеливо стал говорить Коренев и глядел на Тихого исподлобья, но смело.

– Ты что гонишь? – как-то неуверенно буркнул Тихий. Но что-то в нем уже переломилось в сторону человеческого, и он, глядя на Коренева – его он видел не раз в отряде, но как-то не приходилось беседовать, – сказал:

– Ну, спрашивай? По уму только, по понятиям!

Они зашли в умывальник, где тихонько из крана лилась вода из плохо закрытого крана и никого не было, оставив испуганного ночного шныря в коридоре, и Коренев сказал и ему:

– Успокойся, читай книгу, ты вроде читал.

Тихий сел. На единственный стул у стены. Была включена электрическая печь – на ней эски обычно «варили» блатную кашу – чифир. И, потому было тепло в умывальнике.

– Как выжить здесь, Тихий? Как найти волю и уверенность? – задал вопрос Коренев.

«Мужик явно обцифирился», – мелькнуло где то в глубине сознания Тихого, он зачем-то встал со стула, немного колыхнулся – явно было, что выпил многовато, – и зачем то закрыл кран, вода перестала литься, и в помещении стало очень тихо. Тихий сел на стул, посмотрел на Коренева, взгляд его неожиданно стал очень внимательным и цепким.

– А что ты не спишь? – спросил Тихий.

– Тоска заела, – негромко признался Коренев.

– Ну, ты дал, тоска, – удивился Тихий ответу. – Как зовут-то?

– Серегой.

– Тоска заела тебя, Серега. Оттого, что не живешь ты нашей жизнью – жизнью зоны, – попытался объяснить совершенно серьезно Тихий. И тут же сумбурно подытожил: – Про таких мужиков говорят: «Один на льдине». И вреда от них нет, и пользы нет.

– Интересно.

– А что тут интересного? – улыбнулся вдруг Тихий, показывая зубы в зоновском золоте – рандолевые, но похожие цветом на золото. – Ты к людям поближе будь, Серега, к братве, прислушивайся, помогай общему.

– Интересно.

– Тогда и выживешь. Хочешь чифирнем? – И, не дожидаясь ответа, позвал: – Шнырь!

В умывальник вошел хмурый, низенький ночной дневальный.

– Ты мне мозги больше не компостируй, ишь не понравилось ему, что не сплю, – как-то несвязно объяснил обоим Тихий, но по всему видно было, что желание ссоры у него прошло. – Ты иди в мой проходняк, у Васька Бродяги попроси от моего имени заварку, и чифирбак принеси, чифирнуть охота.

Ночной дневальный молча исчез.

После чифира разговаривали. Оказалось даже, что Тихий бывал когда-то в местах, где жил Коренев, как-то даже интересно было обоим вспоминать о том городке, где вырос Коренев, говорили о воле с довольными лицами. Было тепло в умывальнике, была ночь. В коридоре, сидя на маленьком стуле, маленький ростом ночной дневальный читал книгу – иногда он отрывался от чтения, прислушивался, из умывальника доносились негромкие голоса, тогда ночной дневальный перевортывал страницу книги и продолжал читать, углубляясь в сюжет рассказа о какой-то далекой жизни – ночной дневальный читал о воле.

А Тихий и Коренев разговаривали, стараясь отвлечься от тоски, которая с людьми в зоне всегда, как тень у человека.

Странная жизнь

Прошел отбой. «Может, уже с полчаса, а может, и с час» – так думал Коренев, лежа на своей постели на втором ярусе. Можно было перелечь и на первый ярус, временно, пока Тухан в изоляторе, в его проходняке, как ему и посоветовал завхоз, Дмитрич, худой мужчина, с каким-то нервным голосом, да только Коренев упрямо махнув головой тогда, отказался. И думалось Кореневу о том, что мир вообще людей странный – и только в моменты каких-то перемен люди по-настоящему проявляются, а так вроде бы все к тебе одинаково хорошо относятся. Сам Сергей Коренев много раз видел, как меняются люди – предательство видел. И потому был недоверчив, хотя мог и выслушать, и даже поддакнуть, но всегда думал. Вот, допустим, недавно разговаривал он с Тихим, человек опытный, прошел «крытую», и понравилось

Кореневу, что умеет рассуждать, а гнет свою линию. И других мнений не признает, все о «понятиях» ему, Кореневу, растолковывал вчера – в умывальнике после отбоя уже, чифирили, долго разговаривали, и этот разговор у Коренева остался в памяти, точно прилип к ней. А все-таки не было доверия у Коренева к Тихому. Что-то почувствовал в нем сильно заинтересованное к нему он и, может, не был прав. Размышления понемногу затихали, как музыка с танцплощадки городской, после того как закончились танцы. Коренев засыпал, уже сделав себе этакую зарубку – в памяти – держаться и от этого человека подальше, и получилось, что и этот человек ему как бы был далек, и хорошо отметил про него тот же Тихий: «один на льдине» я, – подумал сквозь сон Сергей Коренев и отчего-то тяжело перевел дыхание. Так и уснул в плохом настроении. Да и снов не пришло в спасение – не помогли даже сны в эту ночь ему, Кореневу, точно зашел он в какой-то тупик размышлений своих, и вдруг утром уже что-то понял для себя, по-простому понял для себя: «Бог». Именно Бог и простит ошибки, и поддержит. И эта неожиданная простая вроде бы мысль так его поразила, столько дала внутренней уверенности, что он даже приосанился и вспомнил уже в цехе, про бабушку Арину. Она часто бывала у них, когда Коренев рос, – родители работали, а бабушка приглядывала за ним, была она бабушкой по матери – ее матушкой. Вспоминал ее Коренев сейчас, бабушку Арину, с какой-то внутренней внимательностью, помнил, что были в ее комнатке, куда водила его мать, иконы, и бабушка Арина запомнилась какой-то тихой добротой к нему. И именно память о ней сейчас помогала зэку что-то почувствовать в себе. Какие-то нащупать надежды, он с этим образом бабушки своей как-то почувствовал себя вернее, честнее, и это было необычайно интересно для Коренева, и он как-то стал спокойнее. И не пошел чифирить, когда его позвал Тихий. И тот только внимательно на него посмотрел, но ничего не сказал, ушел, огромный и уверенный в себе внешне, но заметил Коренев, что взгляд его был какой-то грустный, и чувствовалось даже в усталой походке этого зэка, что беспокойно ему живется и что устал он очень от этой беспокойной жизни своей.

После съема с работы в своем проходняке сидел Сергей и штопал себе душегрейку из старой телогрейки – сидел на пустой кровати Тухана и думал, что скоро тот выйдет, станет повеселее. Тухан был его земляк – и всегда интереснее что-то вспоминать о родных местах, когда есть рядом человек, которому эти места знакомые.

Земляк

Вышел из изолятора Тухан. После отбоя, как и положено, встречали его – еда, чифир, разговоры, приглушенный смех. Корнев во всем этом участвовал. Искренне был рад земляку. Помнил, что именно он поддержал его, когда пришел он на зону, в первые дни. И советом, и каким-то уважительным даже отношением, хотя друзьями они не были, у Тухана была своя жизнь здесь, он был ближе, видимо, по «понятиям» к Тихому, и Тихий всегда в разговорах подчеркивал, что Тухан стойкий, умеющий стоять за свои убеждения. Заглянул Тихий и «на встречу», пожал крепко руку Тухану:

– Здорово, братан!

– Здорово, братан! – ответил негромко и Тухан.

Но долго Тихий в их проходняке – Тухана и Корнева – не задержался, чифирнул и ушел.

Ночь.

Ушли и другие ээки – завтра на работу.

– Тихий разговаривал со мной пару раз, объяснял, как жить, чувствую какую-то подсознательную работу мозга, – не удержавшись, сказал Корнев.

Тухан быстро поглядел на земляка. Его бледное худое лицо, после изолятора еще уставшее от невзгод, было точно маска подсвеченное от лампочки желтоватым светом, идущим от входа в жилое помещение.

– Вот что я скажу тебе, Корень. А ты прислушайся, я зла тебе не желаю, как и другим бедолагам, очутившимся здесь, – неторопливо стал излагать Тухан, фразы были отточенными и четкими. – Ты сам знаешь, я по зонам с малолетки и за мной косяков нет, держусь, как могу, не подличаю, так что верь тому, что говорю.

Тухан отпил чай купеческий из граненого стакана. Поглядел на стакан, точно о чем-то думая, и продолжил:

– Ты случайный здесь человек, Корень, точно не от этого мира, и это и хорошо, и плохо для тебя. Хорошо, что можешь выкарабкаться из этой жизни и для воли сохраниться, а это, сам понимаешь, совсем другое, а плохо то, что можешь и не сохраниться для воли – сомнешь себя. И я, и Тихий здесь не зря – мы этот мир понимаем, и поддерживаем, и мы жители этого мира, ты другой – ты можешь на воле свое еще найти счастье.

Тухан еще отпил купеческого чая. Улыбнулся, но улыбка у него была какая-то грустная, тяжелая улыбка, вымученная.

– Давай-ка лучше, Серега, о воле поговорим, что там новенького? Пишут ли тебе?

– Пишут.

– Ну вот и хорошо, Серега, дружище. Ну вот и хорошо.

Тухан вдруг закашлялся, протяжно и хрипло.

Затих.

Они молчали.

Ночной шнырь мыл пол, и шум от швабры из коридора доносился приглушенный и надоедливый, как будто муха скреблась о стекло окна. Со стороны контрольной вахты резко послышался какой-то окрик, и снова все затихло.

Коренев перевел дыхание, он точно сейчас что-то для себя запоминал, очень важное, запоминал надолго. Он посмотрел на Тухана – а ведь он младше его, Коренева, на несколько лет, а столько уже пережил...

– Отдыхаем, – сказал Тухан. – Спасибо, Сергей за встречу.

Дорогое воспоминание

Коренев долго не мог уснуть – сказался чифир, и мысли колобродили и не давали сознанию покоя, и то и дело они касались самого дорогого – дома. Вот такие минуты Коренев не любил оттого, что они были как приговор – жестокими. И он отчего-то вспомнил лес – он отчетливо представил этот осенний лес. Может быть, в памяти он таким и сохранился – отчетливо ясным для того, чтобы сейчас вот так вспомнить о нем. Об осеннем лесе. И идет он, Коренев, как ни в чем не бывало по этому лесу. А под ногами ковер из опавшей листвы. И ноги приятно утопают в этом мягком добром настиле. И радостно – и верится, что в мире есть вот такая блаженная тишина кругом и мир совсем не жесток...

Коренев лежал на кровати с открытыми глазами смотрел в черный потолок – и не видел ничего, собственно, в этом ночном помещении, только воображение его видело лес – осенний тихий лес.

И нестерпимое желание свободы, так хочет усталый путник глоток воды в пустыне, охватило Сергея Коренева, и это было сейчас главным в его сегодняшнем мире боли и страданий.

Он тяжело перевел дыхание и даже попросил свое сознание дать ему уснуть, чтобы забыться, уснуть, чтобы уйти от этого своего ночного переживания.

Но сознание упорно мотало какие-то картинки его прошлого, такого прекрасного сейчас в его усталом мире дум.

Завтра будет день. Будет рабочая зона, и она отвлечет этого человека своей монотонностью и необходимостью выполнять норму, а сейчас

он был наедине со своим миром переживаний и некому ему было помочь, и Коренев усмехнулся – помочь может себе только сам человек.

Сон все не шел и не шел, и только картинка осеннего леса иногда немного приглушала тяжелые мысли. Немного приглушала своим покоем.

Перемена места

Эта даль, где полоса неба плотно прилегает к полосе моря у горизонта. Эта прелестная даль, когда глазам просторно и кажется, что мир необозримо милостив, примнилась то ли на миг сна, то ли на миг забытья, которое приходит на помощь уставшему сознанию, чтобы оно могло перевести дух. Колесов открыл глаза, приходя опять к реальности от открывшейся со скрипом двери «отстойника», полностью уже набитого пришедшими с предыдущего этапа людьми. Но в открывшуюся дверь входили новые люди, и казалось, что невозможно вместить их в эту душную камеру, полную чада от дыма курящих, полную вони, но «отстойник» принял новую порцию людей, и дверь закрылась, как дверь преисподней. В такие минуты человек забывает о прошлом, человек не думает о будущем, потому что сами минуты настолько физически тяжки, что даже такое тяжелое будущее, как пребывание в камере, кажется чудом – побыстрее бы в камеру, на этаж тюрьмы, где можно спокойно отдышаться от этой невообразимо тяжелой кутерьмы перемещения людских судеб. Колесов сидел на краю холодных железных нар, и рядом вплотную были другие люди, и эти их места были не самыми худшими, ибо остальным пришедшим с этапа этих мест на нарах не хватило, и они были вынуждены кто стоять, кто сидеть прямо на полу, на своих дорожных мешках. В этой человеческой кутерьме бытия не было выхода, только ожидание. И казалось, что эти люди забыты. Но прошло какое-то время, никто, наверное, не смог бы определить его, уточнить, – и дверь снова в «отстойнике» распахнулась, и из коридора проник какой-то тяжелый желтоватый свет освещения, и те, кто стоял возле двери камеры, невольно ахнули, ожидая нового этапа, но послышался голос сотрудника, называющий чьи-то фамилии, и весь «отстойник» затих, ожидая избавления от этой тесноты, и кто-то торопливо со своим дорожным мешком на весу уже покинул камеру, но людей не убавилось, по-прежнему было тесно и тоскливо. Но кто-то узнавал знакомых, кто-то здоровался. Какой-то даже сдавленный смех. В этой паутине мыслей, в этой паутине усталости... Колесов глядел прямо перед собой и старался ни о чем не думать, тяжело дыша, точно выброшенная на берег рыба.

Но вот снова дверь распахнулась, стали называть новые фамилии и назвали его фамилию. И Колесов стремительно поднялся с нар, даже еще не веря в свое избавление, и неожиданно в этот миг увидел кем-то оставленный на стене самодельный календарь, и на нем было начерчено красным фломастером идущее число – тринадцатое. И Колесов протискивался ближе к двери, и кто-то шел рядом тоже к двери, кто-то чертыхнулся, и уже у двери Колесов на мгновение замешкался, оглянулся, точно припоминая, не забыл ли он что на этом зловещем месте. И нырнул мгновением позже в коридор, где встал в строй таких же счастливицков, которых сейчас разведут по их камерам. А остальные люди, по-прежнему, будут ждать своей очереди в «отстойнике» человеческих страданий с самодельным календарем на стене, со зловещим сегодняшним числом, на нем отмеченным.

Ночь

Надрывно выла собака откуда-то со стороны запретной полосы – выла, то затихая, то снова протяжно и беспощадно, точно делилась с миром какой-то своей неизбывной тоской. В теплом умывальнике было, впрочем, спокойно. Начифрившись с вечера с друзьями, Колесов сидел на стуле задумавшийся и даже с каким-то вниманием прислушивался к этому вою, доносившемуся издалека, потом внимательно глядел на кран, из него лилась тоненькая струйка воды, и почему-то даже захотелось закрыть кран получше. «Пустое», – подумал о воде Колесов. Сон ушел, как вода из крана в умывальник. Сна не было в эту последнюю ночь в колонии – завтра воля. И от этой мысли было неспокойно, как неспокойно студенту накануне государственного экзамена. «Все! Последняя ночь! – как-то торопливо убеждал себя Колесов. – А там пить не буду, семья будет!» Эти слова были у него как мантра, как священное заклинание. Он видел не раз тех, кто, освободившись, побыв совсем немного на воле, возвращались сюда снова. И не мог понять их, их судьбы были для него такими непонятными, и он даже с сожалением думал о них, об этих людях, и верил, что следующее их освобождение будет последним и они найдут свою радость в том мире, без пьянок, без грязи житейской. Тот мир представлялся ему именно таким – светлым и добрым. И немудрено, сел он в двадцать с небольшим. И самые золотые годы молодости провел в колонии. А так как замечено, что точно замирает сознание в колонии у зэка и выходит он на волю как бы внутренне в том же возрасте, что и сел, то и у Колесова в его двадцать шесть лет было представление о воле вот того – двадцатилетнего с небольшим – парня. И весело было вспоминать молодость,

ту, на воле, и ценил он каждый миг этих своих воспоминаний, как ценит человек самое важное. И каждая встреча с девушкой, отложенная в памяти, была свежей в воспоминаниях, и каждая радость житейская и сейчас волновала – из той жизни, будто была она вчера, и годы в колонии, как черная масса, отошли куда-то, и казалось теперь, что были они совсем уж небольшие – эти годы, раз прошли. И только вот этот умывальник, как склеп, еще связывал его сознание с колонией, а сам он в мыслях своих был уже далеко от нее.

И шла вода из крана неостановимо, как шли и мысли человека.

Утро было морозным. И эки выходили на работу, чертыхаясь, ругали мороз... Колесов кому-то жал руку из знакомых. И мысленно с каждым из них как бы прощался.

Он еще не знал, что память о колонии – о тех годах, которые прошли в ней, о тех годах его молодости, что потонули в этих невольных стенах, – что эта память будет с ним всегда рядом, в каждый миг его жизни, и, как ржавчина на железе, которое стоит на улице, всегда будет напоминать о себе. Напоминать жестоко и беспощадно.

Снова завывала из запретки собака, неся миру свою какую-то неизбывную тревожную боль. От контрольной вахты не доносилось ни звука. Колесов ждал. И никаких других мыслей уже не было в нем. Он уже мысленно был за воротами колонии.

Но с контрольной вахты не было ни звука – еще не вызывали освобождающихся зэков в этот день. И вдруг с неба пошел снег. Мороз как бы ослаб. Снег был пушистым и чистым, и он ложился на серый холодный плац, точно пытаясь его согреть своим свежим, чистым покрывалом. Колесов с наслаждением смотрел на этого небесного гостя и радовался свежему воздуху, и не хотелось уже заходить в жилое помещение, он так и стоял в локальном секторе, одинокий и счастливый человек, ожидающий свою волю с радостью. Стоял точно истукан, чувствуя, как примерзают ноги в зоновских ботинках. И не уходил из сектора, словно кому-то назло, а снег все шел и шел, и мочил губы человека, и радовал его, и замолкла овчарка, неслышно было больше ее надсадного воя, точно и она успокоилась и ее порадовал этот первый зимний гость – чистый белый снежок.

Наконец-то объявили фамилии освобождающихся. «Всё! Домой!» – с облегчением подумал Колесов и поспешил в жилое помещение, чтобы взять с собой письма от родных и друзей, которых собралось за эти годы, которые он пробыл в колонии целая драгоценная связка.

Было воскресенье

Уходить по широкой снежной дороге от колонии было приятно. Морозный воздух свежил лицо, и казалось, что весь мир приветствует его, Колесова, на этой проселочной дороге, ведущей от колонии к недалекому поселку. Родные едва поспевали за ним, он шел скоренько, довольный, и будто в нем зрело веское желание, он хотел смеяться и едва себя сдерживал. Некая мечта исполнилась, может быть, самая вечная и красивая мечта человека – мечта о свободе. И впереди была дорога. Несколько машин обогнали идущего по обочине человека в новенькой «гражданской» одежде. А из одной машины даже раздался сигнал – Колесова точно приветствовали или просто предупреждали об опасности человека, идущего как-то торопливо, куда-то спешащего, будто слепого, идущего по какому-то наитию... Разум фиксировал этот путь, а между тем огромная радость парила где-то далеко от этого места, радость эта была о будущем.

Потом был автобус.

Родные места, они проскальзывали перед глазами, точно нарисованные... Дом. И тишина знакомой комнаты, от которой он так отвык. Он уже начинал с удивлением понимать, что ему придется как бы заново осваивать этот мир, привычный другим, этот мир для него был необычным, и, как маленький ребенок, входящий в жизнь, так и он, Колесов, чувствовал себя неуверенным. И чтобы как-то преодолеть себя, решил сходить в кино. Короткий зимний вечер уже крался бесшумной кошкой, которая крадется за своей игрушкой – мышью. И сумерки даже были на руку Колесову, ему казалось, что они скрывают вот этот его взгляд на окружающих людей, очень внимательный взгляд, или ему это так казалось... Он с каким-то детским любопытством смотрел на людей, занятых своими разговорами, на молодые парочки, на красивый холл кинотеатра и, может быть, уже чувствовал себя причастным к этому миру. Был выходной день, было воскресенье, и, может, потому было много желающих посмотреть этот кинофильм, он не знал, не знал, о чем еще думать, и желал уже побыстрее, чтобы началось «кино». И даже не сам кинофильм. А то, что он находится в обычном кинозале, его начинало успокаивать, и он смотрел на события кинофильма, на чью-то любовь, чьи-то переживания и трагедии и уже не думал о себе, было какое-то неожиданное безразличие, какое бывает у человека после того, как очередной путь его завершен и он уже приехал домой.

А потом он пришел в свой дом. И слушая восторженные слова родных, старался и к ним привыкнуть и все же чувствовал свое не-

понятное даже ему самому одиночество, он всегда говорил сам с собой мысленно правдиво, так он привык, ибо это помогало выжить там. И это «там» жило сейчас. Колесов потихоньку ушел в свою комнату, сказал, что устал. Прилег на кровать – это «там» живет. И это «там» еще не отпустило его из своих черных щупалец, он это чувствовал. И усталость от дороги, от переживаний тянула его ко сну, и он боялся уснуть, чтобы не исчез этот сегодняшний реальный мир и не очутился он снова, хотя бы во сне, «там»... Странное это чувство – бояться сна, лежа на своей постели. Лежа на своей постели дома. И бояться сна. И он уснул. И снились ему радостные сны, и все они были, слава Богу, о том мире, в котором он и находился, о мире воли.

Тикали часы на столе в тихой комнате, не мешая спать уставшему счастливому человеку.

Письмо из дома

Зимняя стужа буквально затягивала сознание в себя, заставляла тяжело чувствовать каждую минуту жизни, так, наверное, тянет тоска после воли в следственном изоляторе в месяц следствия, когда краски мира тускнеют, вот и теперь зима буквально оглушила Пикарина, буквально притянула все его мысли к себе. Морозы заставили вспомнить о самом в жизни насущном, об одежде, и вот тут практичность для ээка стала основной поддержкой для выживания. Пикарин был далеко не практичный человек и на воле-то никогда не обращал внимания на одежду, ум его жил в постоянном поиске вариантов заработка. И вот теперь в новой этой жизни привычки надо было менять. На зоне надо было самому о себе думать. Усталость после работы буквально сваливала Пикарина с ног. Был он в возрасте немалом – за пятьдесят, в таком возрасте все тяжелее чувствовать физический труд, тело уже не такое крепкое, как в молодости, сил не хватает. В такие вот минуты отдыха после смены, в отряде на своей кровати, почиривав и закрыв глаза, Пикарин почему-то совсем уж сникал, и не было уже сил у него сопротивляться тоске, точно змея она подползала к душе и жалила немилосердно, ничего не помогало, не давало покоя, не давало радости. Мир превратился в тяжкое ощущение сплошной черной жизни. А тут еще этот холод! Пикарин забылся, этот полусон его смял, точно котенок сминает игрушку, легко и беззаботно, и в этом смятенном сознании пришли какие-то картинки воли. Были они сладостными, как карамелька для школьника младших классов, и кто-то звал его, Пикарина, к себе – кто-то из его друзей по воле, он что-то обсуждал с ним, с Пикариным, и вот тот ритм жизни, вольной жизни, в этом полу-

сне-полубреду вдруг застиг его и заставил как-то сосредоточиться, и он вдруг неожиданно просто подумал о себе: «Но я ведь жив!» И эта простая такая мысль вдруг ободрила его необычайно сильно, он открыл глаза, и поглядел в потолок, белый потолок, и тихонько, тихонько совсем перевел дыхание, ему хотелось заплакать от своего бессилия.

– Письма! – кто-то радостно из эзков сказал, и этот голос абсолют-но отчетливый, как луч света среди тьмы, как луч фонаря среди ночи, окончательно вытолкнул Пикарина из его дум. И он, поднявшись на кровати, осторожно слез со второго яруса, большой и неловкий, седой мужчина, надел сапоги. И пошел, ковыляя как медведь, к гладильной доске у входа в жилое помещение – там обычно оставляли письма. И его взгляд, взгляд усталого, почти отчаявшегося человека, стал выискивать среди конвертов знакомый почерк – письмо было! Письмо из дома – письмо от жены. Пикарин схватил белый тоненький конверт, схватил толстыми пальцами и пошел к своему проходняку, точно боялся сейчас, что кто-то помешает ему думать о жизни с надеждой, – взгляд Пикарина вдруг затуманился, и он быстро отер глаза рукой, не желая, чтобы кто-то из эзков заметил его слабость. Быстро отер невольную свою слабость. И подумал просто: «Выживу!»

И в этой простой мысли, так его радующей, проснулась вся его натура, сильного, когда-то целеустремленного человека.

Вечер

В колонии только молодежь после чифира любит заги-нать про прошлое, рассказывать об историях своей жизни с этакой бравадой, кто постарше чаще всего помалкивают, внутренне переживая свое прошлое, мучительно вспоминая ошибки, анализируя, и Пикарин был из таких людей. Этот вечер в общем-то был похож на все другие вечера в колонии, но только успокаивало Пикарина, что завтра выходной день и можно будет сходить в клуб, посмотреть кинофильм, отдохнуть. Вот это-то и успокаивало Пикарина и настраивало вдруг и на размышления. И именно вот такая незанятость всегда и тревожила его – и он, прислушиваясь к историям молодых, к их смеху и бахвальству, невольно и сам начинал вспоминать свою жизнь. А ему было что вспомнить – и даже трудно было представить иным, что именно его-то жизнь в их понимании была как сказка, – именно сказкой многим сейчас в жилом помещении отряда показалась бы жизнь прошлая вот этого осунувшегося эзка. А он имел когда-то все – по пониманию этого молодняка. Была и яхта, и дом за границей, и как-то все пошло пра-хом, понемногу, сначала выпивать начал, потом как бы остановился,

пить не стал, занялся бизнесом и все усилия свои направил на деньги, но и о себе не забывал – менял любовниц, жил всегда с размахом. И когда вдруг очутился под следствием, то даже и это казалось ему неожиданным, казалось несчастным случаем, как авария на дороге, – не верилось, что все пришло закономерно к своему итогу, как приходит поезд на свой конечный пункт маршрута в установленное время. И только здесь, в колонии, Пикарин, вот в такие вечера анализируя свою жизнь, понимал, что было в его жизни настоящее, а что нет – и среди этого ненастоящего было столько мишуры, бравады и глупостей, что он вообще диву давался, почему так жил. Колония остудила его мозг, заставила внимательно приглядеться к себе – как бы немного со стороны – и увидеть главное и второстепенное в своей жизни, и, вероятно, он многое понял теперь...

Вечер шел своим чередом. Кто-то писал письма, кто-то читал, кто-то чифирил, а кто-то думал о себе, о своей жизни, как теперь пожилой зэк Пикарин.

А за окнами жилого помещения выл ветер, как одинокий волк на снежном просторе где-нибудь в холодном поле.

Тюремное чистописание

Во ФСИН определили нормативы письменных принадлежностей для школ при колониях и изоляторах. По подсчетам чиновников, месячный запас канцтоваров на одного школьника-арестанта обойдется максимум в 784 рубля. В набор войдут 24 простых карандаша с ластиком, 12 шариковых ручек, один обычный ластик и девять тетрадок в линейку и клетку (по 24 листа в каждой). При этом цветные карандаши или фломастеры по нормативам не положены. Красок и альбомов для уроков ИЗО в списке также нет. Кроме того, в тюрьме ученикам придется обойтись без привычных дневников и обложек для учебников. Ежедневники, перекидные календари и гелевые ручки – заветная мечта всех школьников поколения 90-х – будут попадать только на столы директоров учебных заведений и их замов. А вот нормы для простых педагогов, мягко говоря, скромные. На год учитель получит всего по одной линейке, точилке и тетрадке, два клеящих карандаша и одну коробочку скрепок. Подклеивать обветшавшие края тетрадей и разорванные учебники придется также экономно: по нормативу на это положен всего один рулончик тонкого скотча. Зато в перечне жизненно необходимых для арестантских школ вещей есть дырокол почти за три тысячи целковых, степлер за 1865 рублей, а также флешки по 2890 рублей за штуку¹.

Бритьё под контролем

Верховный суд России отклонил заявление заключенного, требовавшего разрешить брать в штрафной изолятор бритвенный станок,

¹ <http://www.mk.ru/social/2016/02/24/fsin-sostavila-spisok-kanctovarov-dlya-shkol-pri-tyurmakh.html>

гель для бритья, щипчики для ногтей и дезодорант. Поэтому наслаждаться хорошим парфюмом в штрафном изоляторе не получится. Но это не значит, что заключенному придется отпускать бороду как бы в наказание. Бритвенные принадлежности на короткое время ему может выдать администрация. Побрился и вернул. В штрафной изолятор заключенные попадают в наказание. Максимальный срок – до 15 суток. Впрочем, особо злостные нарушители могут попасть в помещение камерного типа. По сути это тот же ШИЗО, только срок там дольше. В помещении камерного типа человек может провести несколько месяцев. Камеры штрафных изоляторов и помещений камерного типа – это одни и те же камеры и расположены они, как правило, рядом. При этом, как отметил Верховный суд, право на регулярное бритье не нарушается, поскольку одноразовые станки, согласно инструкции о надзоре за осужденными в колониях (это документ для служебного пользования), выдаются заключенным в ШИЗО сотрудниками колонии в установленное расписанием дня время. В таком же порядке заключенным выдаются и другие средства индивидуальной гигиены, перечень которых не является исчерпывающим².

Дорогой браслет

Недавно было окончено следствие в отношении бывшего директора ФСИН России и его поделщиков. По версии ГСУ СК РФ по Москве, не позднее июня 2010 года глава ФСИН А. Реймер решил осуществить хищение бюджетных средств, выделенных на систему электронного мониторинга подконтрольных лиц (СЭМПЛ). Для этих целей он «вступил в неслужебные отношения со знакомым руководителем ООО НПФ “Мета” Мартыновым, договорившись о совместном совершении преступления». Так, полагают следователи, зародилась преступная группа, в которую также вошли заместитель Реймера Николай Криволапов и директор ФГУП «Центр информационно-технического обеспечения и связи» ФСИН Виктор Определенов. Лидером группы был сам Александр Реймер. Всего, как считают в ГСУ, участники преступной группы похитили 1,25 млрд бюджетных средств, выделенных на систему электронного мониторинга подконтрольных лиц (СЭМПЛ). В окончательной редакции Александру Реймеру и его бывшему заму Николаю Криволапову предъявлены обвинения по статьям УК РФ 285 (злоупо-

² <http://rg.ru/2016/02/24/verhovnyj-sud-zapretil-zakliuchennym-brat-britvy-vshtrafnye-izoliatory.html>

третью часть полномочиями) и 159 (мошенничество). В свою очередь экс-директору ФГУП ЦИТОС Виктору Определеннову и владельцу фирмы «Мета» Николаю Мартынову инкриминировали только статью 159 УК РФ (мошенничество). В ближайшее время обвиняемые начнут знакомиться с материалами дела³.

Дефицитный препарат

В конце февраля Генеральная прокуратура РФ официально подтвердила данные правозащитной организации «Зона права» о том, что российские заключенные систематически не получают терапию для ВИЧ-инфицированных. Причем если правозащитники сообщали о том, что лекарств нет в 10 регионах, то, по данным Генпрокуратуры, таких регионов 14. Однако из письма Генпрокуратуры следует, что Федеральная служба исполнения наказаний не виновата в сложившейся ситуации, поскольку закупкой и поставкой препаратов занимается Минздрав, а ФСИН должна до 1 февраля подать заявки на лекарства. На 2015 год ведомство запросило у Минздрава на терапию от ВИЧ 2,3 млрд рублей, однако «фактически получило 1,9 млрд». По данным ФСИН, число ВИЧ-инфицированных среди заключенных в колониях составляет более 50 тыс. человек, а в СИЗО с этим диагнозом находятся 10 тыс.⁴

Бизнес на свободу

Статистический анализ показывает, что в минувшем году число преступлений экономической направленности, выявленных правоохранительными органами, увеличилось на 4,3% (со 107,3 тыс. до 112,4 тыс.). При этом доля тяжких и особо тяжких деяний в общем числе выявленных превысила 62%. Удельный вес таких преступлений в общем числе зарегистрированных составил 4,7%. Материальный ущерб от экономических преступлений (по оконченным уголовным делам) достиг 271,4 млрд руб. (2014 г. – 194,5 млрд). Из этой суммы 49,4 млрд руб. пришлось на налоговые преступления (39,6 млрд.). Наряду с этим почти на 12% увеличилось количество зарегистрированных преступлений в сфере экономической деятельности (с 26,7 до 30 тыс.), а фактов мошенничества (ст. 159–159.6 УК) стало больше на 25% (со 159,3 до 200,5 тыс.)⁵.

³ <http://www.rosbalt.ru/moscow/2016/02/25/1492936.html>

⁴ <http://kommersant.ru/doc/2923549>

⁵ <https://mvd.ru/folder/101762/item/7087734/>

По данным Верховного суда РФ, в 2015 году за преступления в сфере предпринимательства было осуждено 2 тыс. человек, из них 481 приговорен к лишению свободы, а 479 освобождены от наказания. На досудебной стадии арестовали менее 200 человек, а в отношении каждого четвертого в избрании такой меры пресечения было отказано. В ряде случаев предпринимателям вместе с мошенничеством инкриминировали более тяжкие преступления, что позволяло взять их под стражу, однако впоследствии такие обвинения не подтверждались. Для урегулирования возникающих проблем в феврале при Администрации Президента РФ была создана специальная рабочая группа, в состав которой войдут руководители «Опоры России», «Деловой России», РСПП, заместители генпрокурора, главы СКР и МВД. Группа должна собираться не реже чем раз в квартал и приглашать на свои заседания ответственных должностных лиц⁶.

В ответе за теракт и коррупцию

По данным Верховного суда России, в 2015 году за преступления против общественной безопасности, общественного порядка осуждено более 150 тыс., в том числе за террористические преступления – более 500 лиц, а за экстремистские – 650. Не повезло и коррупционерам. За коррупционные преступления были осуждены 11,5 тыс. лиц, в том числе за получение взятки – 1800 лиц, за дачу взятки – 5 тыс. Причем за получение взятки в размере до 10 тыс. рублей осуждено 57% (из всех осужденных за взятки). В минувшем году суды осудили к кратным штрафам за получение и дачу взяток и коммерческий подкуп в общей сложности на 1,7 млрд рублей, но реально взыскано было лишь 223 млн. Сложности при взыскании штрафов, кратных суммам взяток, привели к увеличению числа лиц, осужденных к лишению свободы за получение взятки, с 12% в 2013 году до 22% в 2015 году в общей доле осужденных за эти преступления⁷.

На нары по звонку

Верховный суд России признал законным возбуждение уголовного дела сразу после телефонного звонка в полицию. Как объяснила Судебная коллегия ВС по уголовным делам, в соответствии с УПК поводами для возбуждения уголовного дела служат заявление о преступлении, сообщение о нем и другие обстоятельства. Право возбуждать

⁶ <http://www.rbc.ru/economics/16/02/2016/56c356ff9a794756f30a2aba>

⁷ <http://www.rosbalt.ru/federal/2016/02/16/1490433.html>

дело после телефонного звонка вовсе не означает, что человека можно легко посадить по телефону. Рапорт только дает старт разбирательству, не более того. Да и статью «Ложный донос» в УК никто не отменял. Так что звонок – всего лишь процедура⁸.

Присяжные для слабого пола

Конституционный суд России признал неконституционным лишение женщин, обвиняемых в уголовных преступлениях, права на суд присяжных. Это право женщины потеряли в результате поправок, внесенных в Уголовно-процессуальный кодекс в 2013 году. На дискриминацию пожаловалась Алена Лымарь, осужденная за убийство дочери на восемь лет. Как указал КС, лишение женщин суда присяжных «не отвечает принципу юридического равенства, приводит к дискриминации и ограничивает их право на судебную защиту». При этом женщины, обвиняемые в убийстве по ч. 2 ст. 105 УК РФ, «могут ходатайствовать о рассмотрении их дел судом присяжных, если на момент провозглашения постановления судебные заседания по ним еще не назначены». Конституционный суд предписал внести соответствующие изменения в законодательство.

При нынешней системе законодательства с участием присяжных заседателей у нас рассматривается в год от 300 до 500 дел (в 2014 году – 380, в 2015-м – 500). С учетом того что за год рассматривается примерно миллион уголовных дел, это капля в море – 0,05%. Мы знаем об обвинительном уклоне, мы понимаем, что суд присяжных и суд обычный судят по-разному. В суде присяжных, по разным оценкам, от 10 до 20% оправданий, в обычном – около 0,8%. Присяжные заседатели независимы, они способны с одинаковым вниманием воспринимать аргументы как защиты, так и обвинения. А обычный суд нередко просто следует в фарватере следствия и обвинения, превращаясь в часть правоохранительной системы⁹.

Полномочия суда присяжных расширить, а численность заседателей сократить до пяти-семи человек – такой путь реформирования этого института предложил президент в своем послании Федеральному собранию. При этом «обязательно следует сохранить полную автономию и самостоятельность присяжных при принятии решения». Последнее замечание принципиально – присутствие судьи в сове-

⁸ <http://rg.ru/2016/03/02/policii-razreshili-vozbuzhdat-ugolovnoe-delo-posle-zaiavlenij-po-telefonu.html>

⁹ http://www.ng.ru/politics/2016-02-17/3_kartblansh.html

щательной комнате predetermined вынесенный вердикт. О том, как судьи подчас манипулируют мнением присяжных, многие знают не понаслышке. Между тем по данным Фонда «Общественное мнение», пока только 16% россиян готовы добровольно вершить судьбы своих сограждан, а 78% от такой чести отказываются. Но в любом случае нелишне приводить состав коллегии хотя бы в мало-мальское соответствие со спецификой дела. Даже при посредничестве экспертов, выступающих на суде, домохозяйка со средним образованием едва ли разберется в хитросплетениях, к примеру, такого деяния, как уклонение от уплаты налогов. Круг дел, рассматриваемых судом присяжных, до последнего времени только сужался. Сначала из этого круга вывели дела о терактах, насильственном захвате власти, массовых беспорядках, шпионаже. А затем и дела по таким тяжким преступлениям, как изнасилование, взяточничество, похищение людей, захват заложников, бандитизм, вооруженный мятеж, диверсия. Повод не доверять им рассмотрение подобных дел нередко давали сами присяжные¹⁰.

Религия в законе

В соответствии с Уголовно-исполнительным кодексом РФ личные встречи осужденных со священнослужителями предоставляются без ограничения их числа продолжительностью до двух часов каждая с соблюдением правил внутреннего распорядка учреждения в присутствии представителя администрации. По заявлению осужденного и с письменного согласия священнослужителя личная встреча, в том числе для проведения религиозных обрядов и церемоний, предоставляется наедине и вне пределов слышимости третьих лиц с использованием средств видеонаблюдения.

Согласно данным синодального отдела по тюремному служению Русской православной церкви, в российских исправительных учреждениях действует около 600 храмов разных религий, в том числе свыше 500 православных храмов, более 50 мечетей, около 10 буддийских дунганов, 3 костела, одна синагога. Наряду с этим насчитывается более 400 православных, 228 мусульманских молитвенных комнат, один молитвенный дом баптистов. В тюремных библиотеках сконцентрировано более 2,5 млн экземпляров православной литературы.

Между тем «администрации исправительных колоний и СИЗО будут обязаны детально прописывать в соглашениях с местным духовен-

¹⁰ <http://rg.ru/2016/03/03/stanut-li-podsudimye-chashche-stremitsia-predstat-peredsudom-prisiazhnyh.html>

ством данные окормляющих священнослужителей, график посещения верующих заключенных и указывать предметы культа, которые священники используют в обрядах», как следует из проекта приказа Минюста. По тому же проекту соглашение о взаимодействии ФСИН и ее территориальных органов с зарегистрированными религиозными организациями должно содержать подробный перечень зданий, предназначенных для богослужений (с указанием их адреса, площади, кадастрового номера) и имущества для обрядов и церемоний. В соглашении должны быть записаны фамилии, имена, отчества священнослужителей, наделенных правом богослужений в пенитенциарном учреждении, график проведения таких мероприятий, права и обязанности религиозной организации, включая распространение среди осужденных религиозной литературы, аудио- и видеоматериалов и обеспечение личных встреч священнослужителей с осужденными¹¹.

Прогулка перед смертью

В системе Федеральной службы исполнения наказаний находится шесть колоний для осужденных к пожизненному лишению свободы. Самые известные из них «Полярная сова» в поселке Харп, «Вологодский пятак» на острове Огненный, «Белый лебедь» в Соликамске, «Черный беркут» в поселке Лозьва Свердловской области, «Черный лебедь» в Соль-Илецке. На 1 января 2016 года в них содержалось 1955 человек, которым смертная казнь в порядке помилования заменена лишением свободы, что на 58 человек больше, чем в 2015 году. Большинство из них были осуждены за людоедство, жестокие и серийные убийства. Например, москвич Александр Пичушкин получил пожизненный срок за 49 доказанных убийств, хотя сам признавался более чем в 60.

Согласно ст. 127 УИК РФ, в которой говорится об условиях отбывания лишения свободы в спецколониях для заключенных пожизненно, эта категория осужденных «имеет право на ежедневную прогулку продолжительностью полтора часа. При хорошем поведении осужденного и наличии возможности время прогулки может быть увеличено до двух часов». Между тем Минюст России собирается пересмотреть систему мотивации к законопослушанию для преступников, осужденных на пожизненный срок. Согласно разработанному в ведомстве законопроекту, если заключенный будет себя хорошо вести, ему могут

¹¹ <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2016/02/18/630181-minyust-kolonii-sizo-religioznimi-organizatsiyami>

увеличить время для прогулок. Сейчас осужденные к пожизненному лишению свободы могут рассчитывать на ежедневные прогулки продолжительностью до 1,5 часа¹².

Украинские цифры

По данным Государственной пенитенциарной службы Украины, в тюрьмах Украины находится почти 70 тыс. осужденных и заключенных. Также известно, что по состоянию на 1 февраля 2016 года, в 12 исправительных колониях Украины отбывают наказание почти 3 тыс. осужденных женщин. По информации той же службы, на территории ЛНР и ДНР в Луганской и Донецкой областях осталось 29 пенитенциарных учреждений, и в настоящее время неизвестно количество осужденных, которые там находятся. В течение 2014–2015 годов в исправительных колониях и лечебных учреждениях ДКВС Украины умерло 1073 осужденных¹³.

Лучше поздно, чем никогда

За 2015 год власти США освободили 149 человек, приговоренных в результате судебной ошибки к длительным тюремным срокам, а в некоторых случаях – к смертной казни. Согласно данным, приведенным в отчете Государственного реестра освобождений, это число стало рекордным. Авторы доклада подсчитали, что каждую неделю на свободу выходили трое заключенных, несправедливо получивших тюремные сроки. В частности, судебные органы пересмотрели 58 дел о домашнем насилии, 47 – о хранении наркотиков. Приговоры по 75% дел об убийствах были отменены на основании того, что в ходе судебного процесса следователи, прокуроры и адвокаты совершали неправомерные действия, в том числе оказывали давление на свидетелей, фальсифицировали документы, а также давали ложные показания. При этом были оправданы пять человек, приговоренных к смертной казни, и 19 осужденных, отбывающих пожизненное наказание. В среднем, срок, проведенный невиновными людьми в тюрьме (как мужчинами, так и женщинами), составил 14 лет. Начиная с 1989 года в США было отменено в общей сложности 1733 приговора¹⁴.

¹² <http://izvestia.ru/news/603966>

¹³ <http://pressorg24.com/news?id=231206>

¹⁴ <http://sud.ua/news/2016/02/07/86480>

ФОНД “В ЗАЩИТУ ПРАВ ЗАКЛЮЧЕННЫХ”

Контакты:

тел./факс: +7 (495) 974-75-46

www.zashita-zk.org

e-mail: info@zashita-zk.org

Положение в местах заключения, акции протеста, хроника нарушений в местах заключения (февраль–март 2016 года)

Иркутская область

15 февраля 2016 года

При пожаре в здании центральной больницы иркутской колонии № 6 погибли две женщины. Об этом сообщила пресс-служба регионального управления ФСИН. В ведомстве рассказали, что, по предварительным данным, они задохнулись от дыма. В общей сложности из здания был эвакуирован 21 человек. Пожар начался утром 13 февраля, общая площадь возгорания составила 250 кв.м. По информации ТАСС, здание больницы – деревянное. Около 13.00 по Москве пожар был ликвидирован. Причины ЧП пока неизвестны. По факту происшествия начата служебная проверка.

Омск

16 февраля 2016 года

Работник колонии сядет на 2,5 года за организацию платных свиданий заключенных с родственниками.

Ранее, в октябре 2015 года, Советский районный суд Омска признал бывшего начальника отдела по воспитательной работе с осужденными ФКУ ИК-3 виновным в превышении должностных полномочий (ч. 1

ст. 286 УК РФ). При этом его освободили от назначенного наказания в виде лишения свободы, применив амнистию со снятием судимости.

Суд установил, что бывший работник колонии в период с января 2013 по октябрь 2014 года получил от родственников осужденных 130 тыс. рублей – одно свидание им обходилось от 2 до 3 тыс. рублей.

Приговор суда первой инстанции был оспорен прокуратурой в апелляционном порядке, поставлен вопрос об его отмене в связи с мягкостью назначенного наказания.

Судебная коллегия по уголовным делам Омского областного суда удовлетворила представление государственного обвинителя, определив Алексею Криживицкому наказание в виде 2 лет 6 месяцев лишения свободы в исправительной колонии общего режима. Кроме того, суд лишил его права в течение двух лет занимать должности, связанные с осуществлением организационно-распорядительных, административно-хозяйственных функций, функций представителя власти в органах государственной власти и местного самоуправления, в правоохранительных органах, в том числе в органах системы ФСИН.

После оглашения апелляционного приговора Криживицкий был взят под стражу в зале суда.

Пермский край

16 февраля 2016 года

Александр Соколов, руководивший прикамским управлением ФСИН, подозревается в получении взятки в крупном размере. Две памятные серебряные монеты весом 1 и 3 кг, полагают в ФСБ и СКР, ему передал бизнесмен из Березников Константин Беляев.

С декабря 2015 года генерал-лейтенант Соколов и его бывший зам полковник Олег Бабенко числятся как подсудимые. Их уголовное дело рассматривает Дорогомиловский районный суд Москвы. Эксперты, а также пермский бизнесмен Владимир Моховой обвиняются в мошенничестве на 300 тыс. долларов. На такую сумму, по данным ФСБ и СКР, раскошелся владелец столичного ООО «На Новоостاپовской» Юрий Песков. Это считалось якобы платой за спасение от угроз его прежнего компаньона Рамзата Газиева, который отбывал в Пермском крае 12-летний срок по приговору о вымогательстве.

При домашнем обыске у генерала Соколова были изъяты две памятные монеты из серебра весом 1 и 3 кг общей стоимостью около 260 тыс. рублей. Березниковский бизнесмен Беляев, который обвиняется в многомиллионном мошенничестве при поставках продоволь-

ствия в исправительные колонии Пермского края, опознал сувениры. В рамках заключенного с прокуратурой досудебного соглашения о сотрудничестве он признался в даче взятки экс-начальнику краевого ГУ ФСИН Соколову за общее покровительство. После дачи признательных показаний Беляев был освобожден из СИЗО под залог своего имущества, оцененного в 57 млн рублей.

Источник в правоохранительных органах сообщил, что обвинение во взяточничестве Соколову пока не предъявлено. «Вероятно, это будет сделано после окончания судебного процесса в Москве и этапирования подозреваемого в Пермь», – сказал на условиях анонимности этот собеседник «Урал-Информ».

Липецкая область

17 февраля 2016 года

Возбуждено уголовное дело по факту гибели заключенного – он «сварился» в ШИЗО.

В Липецкой области возбуждено уголовное дело по факту смерти 29-летнего заключенного Дмитрия Моргачева в исправительной колонии № 4, который погиб от термических повреждений в камере штрафного изолятора, где прорвало трубу. Дело возбуждено по статье о причинении смерти по неосторожности (ч. 1 ст. 109 УК), сообщает пресс-служба СУ СК РФ.

По данным следствия, 14 января 2016 года двое осужденных в связи с совершением дисциплинарного проступка были помещены в камеру штрафного изолятора.

В результате повреждения полимерной трубы системы отопления камера начала заполняться горячей водой и паром. 29-летний заключенный получил термические повреждения, от которых скончался. А его 48-летний сокамерник с ожогами 30% тела был госпитализирован. В настоящее время он находится в медсанчасти ИК-4 и его жизни ничего не угрожает.

Еще 14 января о гибели заключенного в липецкой ИК-4 сообщило *Gulagu.net*. По информации источника портала, в камере прорвало отопление и произошло короткое замыкание, из-за чего заключенные попали под ток. Сотрудники колонии, по его словам, ничего не предпринимали около часа, так как заместитель начальника колонии по БИОР велел не открывать дверь.

По информации же Следственного комитета, инцидент произошел в результате умышленного повреждения трубы одним из заключенных.

Расследование уголовного дела продолжается.

Чувашия

19 февраля 2016 года

Начальник филиала ФСИН обвиняется в злоупотреблении должностными полномочиями и служебном подлоге.

СУ СКР по Чувашии завершено расследование уголовного дела в отношении 39-летнего бывшего начальника филиала уголовно-исполнительной инспекции по Шумерлинскому району. Он обвиняется в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 285 УК РФ и ч. 2 ст. 292 УК РФ (злоупотребление должностными полномочиями и служебный подлог – по 7 эпизодам).

По версии следствия, в городе Шумерле обвиняемый в целях сокрытия упущений в своей работе с апреля 2014 по февраль 2015 года вносил в журнал учета осужденных сведения о снятии с учета шести местных жителей, которые были приговорены к исправительным работам за различные преступления. Пятеро осужденных были незаконно сняты с учета якобы в связи с заменой вышеназванного наказания на лишение свободы, а еще одна – в связи с отбытием наказания, хотя в действительности наказание ими не отбывалось, а исправительные работы на реальное лишение свободы никому судом не заменялись. В последующем в апреле 2015 года с целью сокрытия совершенных противоправных действий начальник районного филиала уголовно-исполнительной инспекции сжег личные дела указанных осужденных в безлюдном месте на берегу пруда.

Кроме того, с сентября 2013 по декабрь 2014 года он вносил заведомо ложные сведения о явке еще одной местной жительницы, осужденной к 5 годам лишения свободы условно с испытательным сроком 4 года, на регистрацию в уголовно-исполнительную инспекцию один раз в две недели, хотя в действительности та условное наказание фактически не отбывала, в инспекцию не являлась, а находилась в это время в городе Санкт-Петербурге, а также выезжала по одному разу в Москву и Сочи. При этом приговором суда ей было запрещено менять постоянное место жительства без предварительного уведомления возглавляемого обвиняемым государственного специализированного органа, осуществляющего исправление условно осужденных.

Следователем собрана достаточная доказательственная база, в связи с чем уголовное дело после утверждения обвинительного заключения направлено в Шумерлинский районный суд для рассмотрения по существу.

Орловская область

2 марта 2016 года

Под суд пойдет замначальника колонии, обливший уснувшего осужденного кипятком.

В Орловской области завершено расследование уголовного дела о превышении должностных полномочий (п. «а» ч. 3 ст. 286 УК) в отношении исполняющего обязанности заместителя начальника исправительной колонии № 5 в поселке Нарышкино.

По данным следствия, 24 июня 2015 года обвиняемый обнаружил, что один из осужденных уснул на рабочем месте. Тогда заместитель начальника колонии вылил на спящего мужчину кипяток из электрического чайника. Осужденный получил ожоги.

В ходе следствия защита обвиняемого настаивала, что он причинил потерпевшему телесные повреждения неумышленно. Однако эту версию опровергли несколько экспертиз. Когда предварительное следствие завершилось, в адрес начальника областного управления ФСИН внесли представление об устранении причин и условий, способствующих совершению этого преступления. Уголовное дело с утвержденным обвинительным заключением передано в суд для рассмотрения по существу.

Свердловская область

10 марта 2016 года

Заключенный о пытках в ИК-5: закапывали в снег, обливали водой, пинали ногами.

Заключенный нижнетагильской ИК-5 Сергей Гореванов воткнул себе в живот обломок ложки, не выдержав издевательств со стороны сотрудников колонии. Об этом правозащитникам Общественной наблюдательной комиссии (ОНК) рассказал сам заключенный. По его словам, инцидент произошел в конце января, когда его этапировали в ИК-5. «Дали на подпись несколько бумажек. Некоторые из них мне были непонятны. В одной говорилось, что я отказываюсь от воровских традиций, должен сотрудничать с администрацией. В других документах было мое добровольное согласие на применение ко мне физической силы и спецсредств, а также, что я разрешаю применять ко мне психотропные медицинские препараты. Я эти бумажки подписывать не стал. Их забрали и ушли», – рассказывает Гореванов.

После этого, по словам заключенного, сотрудники колонии стали на него кричать, заставляя подписать бумаги. Гореванова, по его сло-

вам, раздели догола, потащили на улицу, бросили в сугроб, натянули на голову шапку, после чего стали заваливать заключенного снегом. «Это были сотрудники ИК-5. Один меня взял за голову, стал меня топтать головой в снегу. Потом облили меня водой. Сказали: пусть полежит минут 15, чтобы хозяйство к земле примерзло», – рассказывает Гореванов.

Пытки на этом не закончились. После этого заключенного пригрозили окунуть в люк с нечистотами.

Только после этого Гореванов согласился подписать бумаги. «Я понял, что от этих людей я не смогу отвязаться так просто и решил с собой что-нибудь сделать. Я потихоньку взял пакет с банными принадлежностями, взял ложку. Попросился в туалет. Поломал ложку и воткнул себе в живот», – рассказывает заключенный.

По словам правозащитников, в этот период адвокаты Гореванова в буквальном смысле потеряли своего подзащитного. Членам ОНК также потребовалось много усилий, чтобы найти Гореванова. Сотрудники колонии, по словам правозащитников, перетаскивали раненого заключенного из помещения в помещение, чтобы он не попался на глаза наблюдателям. Пообщаться с заключенным удалось 3 марта.

В УФСИН РФ по Свердловской области Znak.com сообщили, что жизни заключенного ничего не угрожает. «Сейчас он находится на обследовании в Екатеринбурге. По данному факту будет проведена служебная проверка. Кроме того, как сообщили правозащитники, они обратились в надзорные органы, которые также проведут свои проверки. В случае подтверждения фактов все виновные будут наказаны, – сообщили в ведомстве. – Следует отметить, что указанный гражданин осужден за тяжкие преступления – по статье 105 УК РФ “Убийство” и статье 222 УК РФ “Незаконный оборот оружия”. Он является злостным нарушителем порядка».

Курск

25 марта 2016 года

Курская фирма участвовала в картельном сговоре на аукционах ФСИН.

Арбитражный суд Курской области подтвердил позицию регионального УФАС в отношении ООО «Сатурн», которому выписан крупный штраф за участие в картельном сговоре во время аукционов на поставку зерна управлениям ФСИН трех областей.

В декабре 2015 года Курское УФАС объявило о признании ООО «Сатурн» участником картельного сговора, как и еще три фирмы – ООО «Инвестагропродукт», ООО «Технолин», ООО «АПГ “Трансагро-сервис”». В течение 2013–2014 годов компании участвовали в пяти электронных аукционах по размещению заказов для государственных нужд на общую сумму более 8,5 млн рублей. Как установили антимонопольщики, фирмы делали все возможное, чтобы заказы не доставались конкурентам.

В частности, «Сатурн» участвовал в картеле из трех компаний в четырех электронных аукционах на поставку зерна в управления Федеральной службы исполнения наказаний Новгородской, Новосибирской и Иркутской областей. Как установили в Курском УФАС, участники картельного сговора вопреки антимонопольному законодательству поддерживали в ходе торгов минимально возможную цену, чем распугивали конкурентов. Затем две фирмы самоустранялись, а третья выиграла тендер с далеко не самым дешевым предложением. В двух случаях фиктивную победу отпраздновал курский «Сатурн».

В отношении участников картеля возбудили административные дела по статье 14.32 КоАП РФ («Заключение ограничивающего конкуренцию соглашения, осуществление ограничивающих конкуренцию согласованных действий, координация экономической деятельности»). По результатам рассмотрения дел все фирмы оштрафовали. Для ООО «Сатурн» общая сумма штрафа составила 2,3 млн рублей.

«Сговор на торгах является одним из социально опасных правонарушений в области предпринимательской деятельности, существенно ограничивающих конкуренцию при проведении торгов. В случае совершения административного правонарушения при проведении торгов размер административного штрафа составляет от 10 до 50% начальной стоимости предмета торгов», – отметил руководитель Курского УФАС Юрий Комов.

Курская фирма направила четыре жалобы на решения антимонопольщиков в арбитражный суд соловьиного края. Арбитраж оставил в силе постановления УФАС. Вместе с тем суд снизил размер штрафов, установив «смягчающие административную ответственность ООО “Сатурн” обстоятельства». Что это за обстоятельства и до какой суммы сократился штраф, в антимонопольном ведомстве не уточнили.

По материалам зарубежных СМИ

Тюрьма и мир

Франция: Рамадан в тюрьме – непростой месяц

Принцип секуляризма¹ присущ французским тюрьмам, но и закрывать глаза на проблему празднования Рамадана пенитенциарная администрация не может. Этот главный мусульманский праздник длится целый месяц и требует внесения изменений в порядок приема пищи многих заключенных, поскольку из 68 900 заключенных во Франции 18 тысяч, то есть каждый четвертый, соблюдают Рамадан. Как же организуется празднование Рамадана в среде, в которой заключенные не могут свободно передвигаться и обязаны соблюдать правила внутреннего распорядка?

Пенитенциарные учреждения начинают подготовку к этому событию заранее. Тех, кто соблюдает пост, группируют по камерам вместе. Пьер Монтрей, генеральный секретарь профсоюза пенитенциарных работников региона Юг-Пиренеи, работает в тюрьме Тулуза-Сейсс. В этом учреждении из тысячи заключенных, четыреста соблюдают Рамадан. Пьер Монтрей объясняет:

– Чтобы избежать напряженности в отношениях между заключенными, мы стараемся на этот период тех, кто соблюдает пост, группировать вместе и отдельно от тех, кто пост не соблюдает. Посудите сами, постящиеся принимают пищу поздно, когда уже все остальные поели. Ну а кроме того, в камерах обычно царит некоторая оживленность, слышен смех, играет музыка... Да и спать постящиеся ложатся позднее. Представьте, что будет, если сосед по камере, не соблюдающий Рамадан, ляжет спать раньше?

¹ Секуляризм (светскость) – концепция, согласно которой правительство и другие источники права должны существовать отдельно от любого типа религий и религиозной веры.

Такое перераспределение по камерам происходит только на период Рамадана и только по мере возможности. Поскольку при распределении по камерам кроме религиозных мотивов учитывается и множество других критериев: курящий или некурящий, возраст заключенного, характер совершенного им преступления и т.д. Но часто бывает и так, что если тот или иной заключенный-мусульманин характеризуется как человек спокойный и сдержанный, он и на период Рамадана вполне может жить в одной камере с заключенным, не являющимся мусульманином.

В обычные дни питание во французских тюрьмах организуется, как правило, в два этапа. В полдень раздается обед. После 18.00 заключенным предоставляется ужин и одновременно раздается завтрак на следующее утро. Во время Рамадана вносятся необходимые корректировки для тех заключенных, которые соблюдают пост. Эти заключенные о своем намерении соблюдать нормы Рамадана должны заранее предупредить администрацию пенитенциарного учреждения.

В тюрьме города Нантерра², в которой содержится более тысячи заключенных, примерно шестиста заключенным, соблюдающим пост, обед не раздается. Вечером же тем, кто постится, вместе с ужином выдается дополнительное питание, исходя из недополученного в обед.

В тюрьме Тулуза-Сейсс питание организовано иначе.

– В обед мы раздаем постящимся обычный обед вместе с дополнительным питанием за вечер, – объясняет Пьер Монтрей. – Они отставляют его в сторону, а вечером все разогревают и едят.

Такая же система существует в марсельской тюрьме Бометт. По мнению Джимми Деллиста, генерального секретаря профсоюза директоров пенитенциарных учреждений, раздача питания в обед не является проблемой, если заключенные могут позволить себе арендовать холодильники и кухонные плитки для разогрева. В некоторых тюрьмах неимущим заключенным такие плитки на период Рамадана администрация предоставляет бесплатно.

Кроме питания, предоставляемого администрацией пенитенциарного учреждения, все заключенные во Франции имеют возможность дополнительно «отовариваться» в тюремных магазинах. Они могут также заказывать дополнительное питание по каталогам, предоставляемым внешними поставщиками, такими, например, как *Sodexo*.

² Один из крупнейших пригородов Парижа.

На Рождество, еврейскую Пасху, Рамадан или другие конфессиональные праздники *Sodexo* в свои каталоги включает так называемые «конфессиональные страницы». Постящиеся мусульмане, если у них, конечно, есть средства, могут получить удовольствие, заказав, например, «набор для кебаба», «суп чорба» или «рожки газели».

Заклученные не имеют права получать какие-либо продукты питания от своих близких. Пьер Рансе, официальный представитель Минюста, объясняет такой запрет «соображениями безопасности».

– Родственникам запрещается передавать заключенным любые продукты питания, так как такие передачи являются одним из способов доставки в тюрьмы наркотиков, – уточняет г-н Рансе.

Однако с начала декабря по начало января, по словам одного из представителей пенитенциарной администрации, «поскольку существует традиция», семьи могут передать своим родственникам-заклученным продукты питания общим весом до 5 кг.

Некоторые мусульманские семьи пытаются, несмотря на запрет, передавать в Рамадан различные продукты. Джимми Деллист отмечает, что в основном это свежее мясо. Как правило, в таких передачах им отказывают.

По примеру организации «Католическая помощь в Рождество», благотворительные мусульманские организации во время Рамадана также распределяют среди заключенных передачи. Так, организация «Исламская помощь во Франции» (ИПФ) в 19 тюрьмах, расположенных в северной части страны, распределила среди заключенных 5800 таких передач. Мохаммед Элуарди, координатор социальных программ ИПФ, поясняет:

– Вот уже десять лет «Национальный совет мусульманских священников», занимающийся тюрьмами, особое внимание уделяет неимущим заключенным, которые не могут покупать продукты в тюремном магазине. Наши передачи особенно ценны для них. Кстати, ряд заключенных, не являющихся мусульманами, в Рамадан вдруг объявляют, что они тоже «постятся», чтобы получить такую передачу.

В этом году в каждой из передач, розданных заключенным, кроме фиников содержался молочный шоколад, рис, небольшой флакон мускуса и другие продукты.

Благодаря им возможно распределение продуктовых передач. Фуад Саанади, мусульманский священнослужитель в регионе Аквитания, так описывает свою миссию:

– Мусульманская ассоциация «Солидарность Жиронды»³ централизует продуктовые пожертвования от частных лиц, от приходов и от продуктовых магазинов. Затем продукты под моим контролем и контролем со стороны пенитенциарной администрации упаковываются в пакеты. Мне остается лишь раздать передачи заключенным.

Фуад Саанади уверяет, что проведение Рамадана в тюрьмах – «это тщательно продуманная логистика».

Фуад Саанади подчеркивает, что «Рамадан в тюрьме – это очень сложный момент для человека с точки зрения психологии. Обычно этот праздник сопровождается молитвами в мечети и семейными приемами пищи. В тюрьме же мусульманин остается наедине с собой. Но, с другой стороны, это неплохо, потому что заключенный может спокойно подумать о своем будущем, осмыслить прошлое и поразмышлять о совершенных им ошибках».

Однако от одиночества в тюрьме не страдают. Священнослужитель из Жиронды объясняет:

– Во время Рамадана некоторые неожиданно «открывают» в себе религиозность и начинают придерживаться повседневных ритуалов. Они не так страдают, как те, кто ранее, до тюрьмы, соблюдал все требования ислама. У «новообращенных» попросту нет никакой ностальгии по прошлому.

– Для надзирателей этот период является более стрессовым, более тяжелым, чем обычно, – утверждает Пьер Монтрей из профсоюза пенитенциарных работников. – Поскольку для постящихся заключенных время течет как бы медленнее и они никуда не спешат, то и нам приходится быть более терпеливыми. Недопонимание, стычки, препирательства? Некоторые из постящихся заключенных, которые поздно ложатся, не хотят вставать утром. По этому поводу случаются препирательства, некоторые, например, заявляют: «Вы не уважаете религию» или «Я следую традициям Рамадана, поэтому имею право спать утром».

Пьер Монтрей говорит, что везде имеются такие «обычные зануды», которые используют религиозные праздники, чтобы досаждают администрации.

По мнению Джимми Деллиста, в это время необходимо быть более внимательными:

³ Жиронда – департамент, расположенный на юго-западе Франции.

– Во время Рамадана количество препирательств с администрацией может возрастать. Этот праздник проходит летом. А во время жарких и длинных световых дней количество разного рода инцидентов увеличивается.

Кроме того, в июле и августе в тюрьмах из-за отпусков работает меньше сотрудников, и потому этот период является одним из самых сложных для пенитенциарных учреждений.

Составил и перевел Юрий Александров

Куда же смотрит ФСБ?

Удел участковых

В конце февраля прошло заседание итоговой коллегии ФСБ, на котором Президент Путин похвалил чекистов за «грамотные действия по обеспечению безопасности и стабильному развитию России». Особо были им отмечены заслуги в антитеррористической и контрразведывательной деятельности. Однако за скобками выступления главы государства осталось неясным, а чем на самом деле занимаются сотрудники всемогущего ведомства.

В последние годы достоянием общественности стала некогда засекреченная статистика о работе одной из самых могущественных и закрытых спецслужб страны – ФСБ России. Несмотря на отсутствие ее детализации, некоторые выводы об эффективности этого ведомства все-таки можно сделать. При этом надо учитывать его немногочисленность и узкую специализацию. Так, из 2,3 млн выявленных в минувшем году преступлений на долю чекистов пришлось всего 13,4 тыс., что, правда, более чем на четверть превышает итоги позапрошлого года. Казалось бы, неплохо. Однако из этих 13 тыс. лишь немногим более 5 тыс. приходится на тяжкие и особо тяжкие деяния (наказание за которые от десяти лет лишения свободы). И это на всю Россию. Остальные 8,3 тыс. – малозначительные преступления¹, относящиеся скорее к уделу участковых уполномоченных полиции, нежели матерых чекистов.

На итоговой коллегии президент отметил успехи спецслужбы в декриминализации экономики: усилиями ведомства пресечена дея-

А. Сухаренко – директор Центра изучения новых вызовов и угроз национальной безопасности (г. Владивосток).

¹ Здесь и далее сборник ГИАЦ МВД России «Состояние преступности в России» за 2015 год. М., 2016.

тельность почти сотни преступных группировок. Между тем, согласно статистике, на долю сотрудников ФСБ приходится всего 2,6% (или 2,9 тыс.) от общего числа выявленных экономических преступлений. Что касается борьбы с коррупцией, то и здесь чекисты не преуспели – всего 1,8 тыс. преступлений (5,6% от общего числа). Как показывает практика, речь идет о запоздалом реагировании на проделки местных чиновников или депутатов, реже региональных, которым инкриминируется мошенничество, превышение полномочий или получение взятки. В последнее время чекисты принялись и за частных, которых ловят за коммерческий подкуп. Правда, многие из возбуждаемых «коррупционных» дел потом расследуются годами, что нередко приводит к истечению сроков давности по ним и их прекращению.

Ведомственная борьба с терроризмом и экстремизмом воплотилась в 402 и 344 преступления соответственно (что с лихвой превосходит показатели 2014 года). Однако итоги эти в основном виртуальны, ибо сводились к очередной зачистке сети Интернет от «инакомыслящих» и радикалов, а также отлову сочувствующих ИГ. Помимо этого чекистов интересовали находившиеся в незаконном обороте наркотики и оружие (2,5 тыс. преступлений в общей сложности), а также использование последнего.

В сухом остатке

Наряду с выявляемостью преступлений уголовная статистика демонстрирует и качество предварительного следствия. В прошлом году из 1,2 млн расследованных преступлений на долю ФСБ пришлось менее полпроцента – 5,2 тыс. (+ 3% к 2014 году). Из этого количества всего 595 являлись экономическими преступлениями (+ 11,6%), 120 – коррупционными (– 33,3%), 110 – террористическими (+ 50,7%), а 167 – экстремистскими (+ 46,5%). Таким образом, судебную перспективу обрели далеко не все из ранее выявленных спецслужбой преступлений.

На фоне заметного прироста профильных дел «порадовал» 34-процентный рост числа расследованных преступлений средней тяжести (за которые наказание не превышает пяти лет лишения свободы). Над чем так усердно трудились эфэсбэшные следователи, не уточняется.

Учитывая производительность спецслужбы, не удивляет и география ее деятельности: более 2,7 тыс. расследованных преступлений пришлось на города и поселки городского типа, а еще 2,3 тыс. – и вовсе на сельскую местность. Чем провинились перед чекистами сельские – неизвестно.

Несмотря на свой КПД, образ чекиста по-прежнему внушает страх и трепет обывателям. Этим, очевидно, объясняется обвальная шкала звонков, поступивших на «телефон доверия» ФСБ от сердобольных граждан – 40 820. Правда, лишь 2345 из них имели отношение к противоправной деятельности. Остальные носили «информационно-справочный характер»².

Всесилием данной спецслужбы нередко пользуются и мошенники. Так, в феврале 2015 года Ленинский райсуд Чебоксар приговорил жителя Мордовии А. Чеснокова к восьми с половиной годам лишения свободы, признав виновным в 25 мошенничествах. Как установил суд, ранее дважды судимый Чесноков, представляясь сотрудником ФСБ, получил от граждан свыше 6 млн рублей в качестве платы за мнимое содействие в решении различных вопросов в госорганах, судах и коммерческих структурах. Взяли его только после получения внушительной взятки от городского чиновника, который тоже повелся на обман³. А в октябре в Хабаровске погорел липовый «генерал ФСБ» А. Карев, который отправился на 4 года в колонию по приговору Центрального райсуда за мошенничество: выманил у доверчивых офицеров штаба ВВВ более 28 млн рублей под жилищное строительство и приобретение списанных автомобилей⁴.

Между тем и сами чекисты не сидят без дела. Так, в августе 2015 года Московский окружной военный суд на основании вердикта присяжных приговорил к 18 годам лишения свободы со штрафом в 600 тыс. рублей бывшего полковника ФСБ, признав виновным в организации заказного убийства подмосковного бизнесмена в целях завладения принадлежащим ему зданием⁵. А в январе в столице было окончено расследование уголовного дела в отношении двух бывших сотрудников ФСБ, которые, по версии следствия, разработали схему хищения 800 тыс. долларов у главы Росалкогольрегулирования И. Чуяна за оказание покровительства⁶. Спустя месяц Московский гарнизонный военный суд приговорил к 4 годам лишения свободы со штрафом в 250 тыс. рублей сотрудника ФСБ, целый год «крышевавшего» группировку лжеэкстрасенсов⁷.

² <http://www.fsb.ru/fsb/press/message/single.htm?id%3D10437694@fsbMessage.html>

³ <http://chuvashia.rfn.ru/rnews.html?id=181007>

⁴ <http://www.hab.kp.ru/daily/26450.7/3319461/>

⁵ <http://rg.ru/2015/08/04/fsb-site.html>

⁶ <http://www.kommersant.ru/doc/2889615>

⁷ <http://www.mk.ru/social/2016/02/03/v-moskve-vynesen-prigovor-sotrudniku-fsb-iz-shayki-lzheekstrasensov.html>

Нарушенное равновесие

Сегодня в Мосгорсуде в закрытом режиме продолжается рассмотрение уголовного дела в отношении экс-главы ГУЭБиПК МВД РФ Дениса Сугрובה и шестерых его подчиненных, которые обвиняются в превышении должностных полномочий и создании преступного сообщества. Кстати, объем этого дела превышает 300 томов, 49 из которых – секретные. Потерпевшими от их действий были признаны 29 человек, 13 из которых заявили иски о взыскании с подсудимых в общей сложности 218 млн рублей⁸.

По версии следствия, одним из эпизодов их преступной деятельности является дискредитация замначальника 6-й службы Управления собственной безопасности ФСБ России, к которому подослали «заряженных» бизнесменов, предложивших тому 10 тыс. долларов в месяц за «крышевание».

Поговаривают, что обрушившиеся на сделавшего головокружительную карьеру 39-летнего генерал-лейтенанта Сугрובה неприятности – результат нарушенного им равновесия между спецслужбами, восходящего еще к советским временам. Дескать, сначала отказ от неформального сотрудничества с коллегами по цеху, а потом и откровенный наезд на одного из них и сыграли с ним злую шутку. Таким образом, расстрел фигурантов громкого убийства сотрудника КГБ на станции метро «Ждановская» и последовавшая чистка МВД в 1981 году должны были напрочь отбить у полицейских всякую охоту наезжать на чекистов. Однако Сугробов явно пренебрег этим уроком, позабыв и об исходе древнегреческого мифа про Икара. Потому его приговор станет назидательной мерой всем желающим очернить могущественное ведомство, не гнушающееся, как мы увидели, раскрытием даже малозначительных преступлений в сельской местности.

Обретение

Три мусора из дежурной смены били Никиту Тюрина в полутемной подсобке.

Били, как исполняют обязательную работу ленивые и трусоватые люди: без усердия, но качественно, чтобы начальство не заставило переделывать.

В этом случае такой подход одно означал: бить жестко, только без синяков. Чтобы потом все телеги и жалобы, если на них арестант отважится, зависли, не имея под собой доказательств.

Потому и лицо не трогали. Потому и ноги, обутые в берцы с твердым рантом, старались в ход не пускать. Потому и главное свое оружие – дубинки резиновые – вовсе не использовали. Все больше кулаками в кожаных перчатках действовали. И максимально прицельно: под дых, в грудь, по печени.

А Никита – арестант со стажем, лагерную педагогику своей шкурой уже изучавший, вел себя в соответствии с опытом: локтями пытался бока прикрыть, ладонями солнечное сплетение защищал.

Возможно, все бы малой кровью в самом прямом смысле сочетания этих слов и обошлось, да угораздило Никите в самый неподходящий момент оступиться. Потерял он равновесие, мотнул корпусом, наклонился. В тот момент мусорское колено, в живот ему целившее, в голову чмокнуло. Следом еще пара ударов, которые его так же врасплох застали. Они его назад откинули и в стену той же головой впечатали. Звук, что при этом раздался, откровенно зловещим был. После такого звука жизни в человеке обычно не остается. Не случайно мусора не только свое занятие бросили, но и опешили, даже испугались. Все трое одинаково подумали: вдруг перестарались – пришибли зэка, а это дело-то подсудное.

Со страху, а не из милосердия подняли они Никиту, посадили на лавку, спиной к стене, с которой он только что своей головой не по своей воле кусок штукатурки сбил. По той же причине воды в кружке принесли: в лицо плеснули, в рот влили. Когда Никита головой закрутил, остатки этой воды по сторонам разбрасывая, успокоились – выходит, жив. Они же и по ступенькам вниз спуститься помогли. До барака провожать не стали, только спросили:

– Дойдешь?

Вопроса Никита не услышал, он его по движению губ говоривших угадал. Кивнул машинально:

– Дойду...

По тому, как беззвучно раскрывали клювы ласточки на ближайших проводах, окончательно понял: со слухом что-то стряслось. Не испугался, не удивился, был уверен: пройдет, отпустит.

Хуже было со зрением. Оно не то чтобы потерялось, оно совсем другим, каким-то неправильным стало.

Коробки корпусов бараков, обступавших лагерный плац по периметру, он вроде видел, но видел только в целом, по очень общему контуру. По отдельности же все корпуса вели себя непотребно: вибрировали в своих очертаниях, менялись в высоте и прочих размерах, вихлялись и приседали, будто исполняли дикарский танец.

Далее началась еще большая чехарда – корпуса стали меняться местами. Здание, где размещались первый и третий рабочие мужицкие отряды, переехало на место тубонара. Пятый «козий»¹ барак поменялся расположением с шестым, в котором традиционно базировался блаткомитет. Седьмой инвалидный переплыл на территорию санчасти. Несколько корпусов, подрожав в воздухе, вовсе исчезли, уступив пространство тяжелым клубящимся облакам, стенам без окон и прочих признаков отношений с человеком.

Впрочем, и эта чехарда не испугала и не удивила Никиту. Потому что ни для испуга, ни для удивления не нашлось тогда места в его сознании, переполненном болью. Да и не было на тот момент у него никакого сознания. Та самая боль это сознание полностью заменила.

Как добрался в тот день до барака, как отстоял на вечерней проверке, как укладывался после отбоя, Никита Тюрин не помнил. В себя пришел только ближе к утру. Спать не получалось: боль мешала. Все тело болело, особенно голова. Вся голова. Целиком: и лоб, и виски, и

¹ Козел (тюремн.) – заключенный, ставший на путь сотрудничества с администрацией исправительного учреждения.

затылок. Будто кто-то чугуном ее напичкал. А чугун не просто сверхтяжелым материалом был, а в одушевленную, живущую своей жизнью, не менее тяжелую массу превратился. И этой шевелящейся тяжести очень тесно там приходилось. Потому и распирала череп недобрая чугунная сила самым невероятным образом. Особенно глазам доставалось. Казалось, обосновавшаяся в голове тяжесть изнутри нещадно давит на них, и от этого давления глаза в любой момент готовы наружу вывалиться.

Чтобы как-то боль пригасить, попытался Никита отвлечься, чем-то себя занять. Из кусочков событий, что в памяти зацепились, постарался составить подобие картины минувшего дня.

Что же вчера было? Утром подъем, завтрак, развод. Все, как всегда, как все последние четыре года. Потом – смена на промке². С выходом на обед. С возвращением с обеда. Потом опять все ровно, все по-лагерному, серенько. Снова, как всегда, вкладышей для мешков, которые шили, не хватило. Потому и после обеда почти не работали, больше курили да чифирили с разговорами. Все это в памяти отложилось. Даже с деталями, с полным соблюдением хронологии, если таковая в тусклой арестантской жизни все-таки имеется.

Наконец – и самое важное из всей вчерашней хроники – сквозь чугунную хмарь начало пробиваться. Вспомнилось, как уже после смены, на промке отработанной, вздумалось ему в соседний барак к земляку сходить. Не ради праздного интереса, а по делу – мобильник взять, чтобы ночью отзвониться: друзьям на воле, сестре, а главное, девчонке, с кем телефонный заочный роман во всей красоте силу набирал. В зонах мобильники строго запрещены, но в любом лагере без них жизнь арестантскую даже представить невозможно. Для иного зэка нынешнего телефон – вовсе единственная ниточка, которая его с вольной трижды далекой жизнью связывает.

Теперь уже четко вспомнилось, как с земляком он накоротке поговорил, даже из его кругалья³ купца⁴ хлебнул, как земляк из курка⁵ мобилу достал. С этой мобилой в кармане Никита Тюрин в свой барак и отправился. И все бы хорошо, да на полпути подвернулся мусор-

² Промка (*тюремн.*) – часть территории колонии, где располагается промышленное производство.

³ Кругаль (*тюремн.*) – кружка.

⁴ Купец (*тюремн.*) – слабо заваренный чай.

⁵ Курок (*тюремн.*) – тайник.

прапор из дежурной смены, которому приспичило служебную ретивость проявить.

– Осужденный, подойдите!

Всякий арестант на строгом режиме знает, что чаще всего следует после такой команды: неперенный вопрос о том, почему он вне территории своего отряда находится и обязательный досмотр-обыск в виде охлопывания, а то и откровенного обшаривания всех карманов.

В последнем Никита в тот момент меньше всего нуждался. И даже не потому, что мобильник, обнаруженный у арестанта, – это стопроцентный залет с карцером. Другое страшило: телефон в таких случаях мусора всегда забирали. Спаленный телефон по лагерным строгим законам полагалось восстанавливать – возвращать владельцу. Любой ценой. Любым способом. В самое короткое время. Такой поворот для Никиты означал катастрофу. Потому что последние два года (после того как жена развелась с ним) сидел он, если говорить арестантским языком, на голяках: курил исключительно нефильтрованную «Приму», катран⁶ и прочие игровые соблазны обходил стороной. Просить помощи у друганов с воли он стеснялся. Сестра (единственная из родни, сохранившая с ним отношения после посадки) в одиночку поднимала дочь и сама еле сводила концы с концами, лагерная промка с ее тройной бесстыжей бухгалтерией и бесконечными простоями из-за неполученного вовремя сырья давала в лучшем случае сто – сто пятьдесят рублей перечисляемого на личный счет месячного заработка.

При таких раскладах затягивать телефон в лагерь (оплачивать сам аппарат плюс услуги мусоров, которые на этом с удовольствием зарабатывали), было делом просто нереальным. Вот почему, услышав стандартное овчарочье «осужденный, подойдите», не нашел он ничего лучшего, как сделать вид, что эта команда не для него, и прибавить шагу.

Окликнувший мусор догонять его не стал, но без внимания арестантскую дерзость не оставил. Сразу заспешил на вахту, настучал дежурному о грубом нарушении, от последнего полукивком получил разрешение проучить обнаглевшего зэка.

Никита к тому времени только и успел, что мобилу в бараке надежно спрятать. Как должное принял, когда через минуту по лагерному радио сквозь хрипы и шорохи продралась команда:

– Осужденный Тюрин, первый отряд, срочно зайти в дежурную часть!

Удивляться здесь нечему – от мусоров в зоне не спрятаться, тем более что у каждого арестанта на левой стороне груди в обязательном порядке бирка с фамилией и номером отряда, и прапор, его окликнувший, ясное дело, бирку эту увидеть успел. И другое – из опыта любого сотруднику лагерной администрации понятно: арестант, что повел себя в такой ситуации подобным образом, в девяти случаях из десяти имел при себе запрещенный мобильник.

Кто бы сомневался: мусора в этой ситуации не столько режим накручивали, сколько за упущенную собственную выгоду мстили. Потому как конфискованный телефон они традиционно нигде, ни в каких актах не фиксировали, а чуть позднее его же тем же арестантам снова продавали, разве что симки вытаскивали или меняли.

Впрочем, какая разница, по какой причине в этой ситуации огреть. Куда важнее сколько, в каком объеме. Тем не менее, поднимаясь по железным ступенькам в дежурку, Никита все-таки немного надеялся: вдруг пронесет, вдруг отболтаться получится.

Не получилось!

Не пронесло, не отболтался!

Отболтаться даже попытки не представилось.

Как только порог подсобки, через которую путь в дежурку лежал, переступил и трех мусоров в перчатках увидел, среди которых был его окликнувший, понял: все серьезно. Только это и успел понять, потому как, почти с порога, посыпались на него тумаки всех сортов.

Оставался краешек надежды, что мусора, согласно последним установкам и веяниям, усердствовать не будут, по голове колотить воздержатся.

Оказалось, и здесь... не срослось. Да и оступился совсем не вовремя. Короче, огреть. По полной программе. В том числе и по голове. Как говорят арестанты, по кумполу.

Вот после этого все и началось.

И ладно бы, если это временно нарушенным слухом и минутной чехардой с окружающим пейзажем закончилось. Совсем другое на арестанта Тюрина обрушилось после того, как три мусора его в дежурке подмолодили⁷.

Это другое по своей значимости даже превосходило то, что его каждый день в зоне терзало и плющило – ощущение неволи и понимание невозможности скорой свободы. Да что там, превосходило! Это

⁷ Подмолодить (тюремн.) – поколотить, избить.

«другое» со всем ранее пережитым и прежде виданным аналогов просто не имело.

Утром, когда чугунная агрессивная квашня продолжала ворочаться в голове, понял Никита: новое теперь у него зрение. И не то чтобы все им наблюдаемое вихлялось и приседало, как это вчера было. И не то чтобы все окружающее плавало и раскачивалось, как это при сотрясении мозга случается. Просто... теперь его зрение четко фиксировало чуть выше головы любого увиденного человека что-то вроде экрана, на котором неспешно проходили слова, воспроизводившие то, что человек в этот момент думает. Ни дать ни взять – нынешняя реклама на стенах зданий в больших городах или «бегущая строка» в ненавистном телевизоре. Только чуть внимательнее и чуть дольше на этого человека посмотреть надо было.

Что-то на похожую тему он раньше читал. И не только в макулатуре жанра фэнтези в глупых обложках. Попадали в его руки и серьезные книги о людях, наделенных феноменальными способностями видеть чужие мысли. Но все это было из области далекого и невероятного. Такого далекого и настолько невероятного, что нельзя было даже точно сказать, верит ли во все это Никита или считает результатом чьей-то выдумки. А тут... и близко, и конкретно, и, что самое главное, с тобой самим происходит.

Первым, кто непроизвольно наизнанку свои мысли перед ним вывернул, был Ромка Дельфин, шнырь⁸ отрядный, который среди всего прочего дважды в день в бараке подметал и мокрой тряпкой в проходняках⁹ по полу возил, типа влажную уборку производил. Говорили, что Дельфин из образованных: институт закончил, до посадки в городе в серьезном офисе работал, куда каждое утро в рубашке с галстуком заявлялся.

Дельфин не из провинившихся был, просто в самом начале срока сам определил для себя: в шнырях добровольных он и полезен для «общего», и всегда для себя «закурить-заварить» иметь будет. Когда такой выбор делал, конечно, лукавил, конечно, где теплее искал. Только много ли таких на строгом режиме, кто, рванув лепень¹⁰, весь срок готов, не согнувшись и не кланяясь, выдюжить?

⁸ Шнырь, шестерка (*тюремн.*) – заключенный, удостоенный права убирать камеру, барак и выполнять прочие обязанности по обеспечению быта заключенных, что намного легче обычных работ, которыми занимаются остальные заключенные.

⁹ Проходняк (*тюремн.*) – участок барака между двумя рядами коек.

¹⁰ Лепень (*тюремн.*) – пиджак, куртка.

Соответственным и отношение к Дельфину было. С одной стороны, ясно – арестант не первого сорта. С другой стороны, явного вреда не приносит, в подлостях не замечен. Порою ему и важные вещи доверяли вроде курков с запретами, порою и при серьезных разговорах разрешали присутствовать. Немногословным Дельфин был, даже доброжелательным и вежливым, но ровно настолько, насколько таким зона позволяла быть.

Вот и в это утро он в проходняке, где Никита Тюрин обитал, появился, венником под шконарями¹¹ зашуршал, приговаривал по обыкновению:

– Здоровенько всем... Побеспокою чуток... Я тут коцы¹² подвигаю... Я тут недолго...

Тихо приговаривал, чуть ли не ласково.

По знакомому, сотни раз виденному и слышанному, сценарию все происходило. Так бы и должно было закончиться, да замаячило над увенчанной арестантской феской головой Дельфина что-то светлое зыбкое, на чем буквы темные и четкие выскочили. А из букв слова:

«Свиньи... Быдло немытое... Где жрут – там и гадят.. Опять бычков немерено набросали... И воняют, хотя после каждой промки в баню ходят... Шампунем поливаются... Мочалками трутся... Ни хрена не помогает... Воняют... Потому что по жизни свиньи, потому что быдло... Что на воле, что в зоне, все одно – свиньи... Если день не убирать, бычки здесь ковер составят, который шаг пружинить будет...»

И другие слова рассыпью. Из тех, что в зоне, конечно, произносят, но произносят с оглядкой и большой ответственностью, потому как за них очень строгий ответ всякий раз держать полагается.

По инерции, будто все это шнырь в полный голос сказал, Никита дернулся:

– Ты чего, Дельфин? Нюх потерял? Крышняк сорвало?

Хотел сгоряча напомнить, что окурок, рядом затушенный, – выстраданное кучее арестантское право (мой здесь дом, что хочу, то и делаю), а не примета нечистоплотности. Да только Дельфин, не первый год сидящий, не мог об этом не знать.

Хотел еще что-то добавить, еще больше по делу, да осекся. Сам себя и тормознул, ибо предъявить Дельфину было нечего, ведь в полный голос ничего тот не произнес. И Дельфин будто это понимал, по-

¹¹ Шконка (*тюремн.*) – тюремная койка.

¹² Коцы (*тюремн.*) – арестантские ботинки.

тому и ответил уже тверже, чуть растягивая слова, уже с отдаленным подобием вызова:

– Прибраться... Я же сказал, что недолго...

Что в придачу над головой шныря в этот момент высветило, Никита даже не захотел смотреть, отвернулся. Слишком резко отвернулся, отчего чугунная квашня в черепае в очередной раз колыхнулась и на глаза изнутри опять навалилась. Только прежде чем боль о себе снова напомнила, успел он заметить, что не так прост отрядный шнырь Дельфин, что всего от него ожидать можно, а потому и осторожней с ним надо. Еще осторожней, чем прежде. И это, несмотря на уже накопленный Никитой арестантский опыт, главный смысл которого как раз и сводился к тому, что никому в зоне доверять нельзя.

А в бараке тем временем очередная движуха наметилась. Сначала атасники на входе криком голос предупредили:

– Отрядник!¹³

Потом кто-то из тех же атасников через весь барак пронесся, коцами грохая, и предупреждение повторил, в каждую секцию заглядывая.

Вот после этого и поплыл форменный картуз капитана Кулемина по бараку. Как должное Никита принял слова, что заплескались над этим картузом. Совсем несложные, нисколько его не заинтересовавшие. И все на одну тему: пришло время барак ремонтировать, а с ремонтом этим что-то все не складывается.

Как всегда, работы такие делались своими силами: руками арестантов, материалами, которые они же с воли и затыгивали. Не принято было, чтобы хозяин выделял что-то на это дело из лагерных фондов, зато спрашивал всегда с лютой строгостью. Был случай, когда одного отрядника за не побеленные в срок потолки упреками и придирками он до увольнения довел. В городишке, где зона находилась и все точки мужского трудоустройства наперечет, такое значило – без куска хлеба остаться.

Как должное отметил для себя Никита и то, что в конце «бегущей строки» над серым картузом капитана Кулемина выскочил вывод. То ли грустный, то ли досадный:

«Побелки маловато, краски вовсе нет... Никто даже и не обещал затянуть... Значит, опять блатных просить придется... У них получится... Они на отрядном собрании клич бросят... Арестанты отзовутся... Не слушаются... И краска найдется, и побелка появится... Только...

Ничего здесь эти люди даром не делают... Чем за это расплачиваться придется? Если один-два телефона занести – это еще полбеды... Если что-то посерьезней просить будут, придется крепко подумать, стоит ли связываться...»

На содержание последних мыслей отрядника Никита никак не отреагировал. Мысли как мысли. Какие еще могут быть у мусора-отрядника? Все согласно штатному расписанию, все согласно выбору, который этот человек давным-давно сделал. Всем известно: чтобы мусору-отряднику выжить, надо ему лавировать между двумя жерновами. Один жернов – в реальной, но все-таки отдаленности: хозяин, прочее начальство и всякие уставы, инструкции, распоряжения. Другой жернов – совсем близкая каждодневная действительность, где на первом плане лагерные традиции, что веками складывались, и арестантами строго оберегаются. У кого нюха хватает края почувствовать – тот в зоне и работает, тот и по карьерной лестнице карабкается. Кого занесет – с круга сходит. Порою с потерями невозполнимыми. Чуть больше года назад прямо в кабинете незнакомые мордвороты в штатском арестовали начальника третьего отряда. Из служебного сейфа целую кучу шприцев разовых, склянок и маленьких беленьких пакетиков выгребли.

Для всезнающих эзков сюрприза не было: торговал отрядник наркотой. То ли весомого довеска к жалованью сильно хотел. То ли какие-то договоренности с блатными отработывал. Конечно, засветился. Возможно, сами «клиенты» и сдали.

Сего коллегой из четвертого отряда судьба еще круче обошлась – возвращался со службы, зашел в собственный подъезд, получил кастетом в висок. «Скорая» опоздала. Ползало по зоне объяснение этой смерти: будто хотел тот мусор из своего отряда образцовый сделать, чтобы себе и почет, и досрочно новую звездочку на погоны, и будто все эти вопросы затеял он руками блатных решать. Соответственно, и сам какие-то обязательства-обещания на себя в этой ситуации взял, ну и не вывез. Завертелся, запутался. Жизнь поплатился. По другой версии, слишком сильно достал он своими режимными требованиями одного из серьезных арестантов из местных. Тот на волю кому надо отшумелся, помощи попросил. Помощь и подоспела. Аккурат кастетом в мусорской висок.

Обе версии на равных в арестантской молве и сосуществовали, за первенство вовсе не соперничая. Возможно, и в жизни оба сюжета соседствовали, дополняя и усложняя друг друга. Впрочем, важно ли сейчас это...

Зато в мыслях у капитана Кулемина все слишком просто оказалось. Так просто, что даже скучно: сплошные «краска-побелка», килограмм-

мы да квадратные метры. Плюс шпатлевка, плюс линолеум в комнату воспитательной работы, плюс еще какая-то ремонтно-строительная дребедень. Даже пожалел Никита, что лишний раз напрягся, в башку к отряднику заглядывая.

Думать по-прежнему больно было, потому и длинных мыслей не складывалось, а короткие, что обрывками в гуще боли сновали, вполне предсказуемое звучание имели: что дальше с такой способностью делать, на пользу ли пойдет или проблемами обернется?

Впрочем, был еще шанс надеяться, что обретение это – не окончательное, а что-то минутное, случайное, почти разовое, что больше и не повторится. Шанс-то был, только не получалось у него реализоваться. Скорее наоборот: все дальнейшие события только подтвердили – это серьезно, это не подарок, а дополнительный груз в придачу к нелегкой и без того арестантской ноше.

На утреннем общем построении очень близко от себя увидел он начальника колонии, которого неспроста хозяином звали, который на лагерном замкнутом пространстве был и Богом, и Царем, и Прокурором. Неспешно прохаживался полковник Алесенко между черными арестантскими рядами и будто между делом на ходу процеживал, рта не раскрывая:

– Побриться... Бегом... В строй вернуться... Феску сменить... Чтобы завтра с нормальным козырьком была. Проверю...

И все прочее в таком же роде. Так же коротко и колюче. При этом голова у говорившего в арестантскую сторону и не поворачивалась.

Между тем над головой той, украшенной на заказ пошитой фуражкой с задранной донельзя тульей, слова неспешно поплыли. Так же неспешно и смысл их до Никиты доходил:

«Полторы тысячи эсков в лагере... Вроде рабочая сила... Скорее стадо дармоедов... На промке никто не перерабатывает.. Потому что нет толком работы на этой промке... Не нужны государству нынче рабочие руки арестантов... И вообще этому государству ни хрена не нужно... Другое дело при Сталине... И даже позднее... Тогда каждая зона серьезным предприятием была... С гособеспечением, с госзаказом, с премиями... И эски зарабатывали, и все те, кто в системе нашей работал... Иные зоны продукцию на экспорт оправливали. Не то, что сейчас: мешки копеечные, никому не нужные... А лагерь на хозрасчете... За воду, электричество, прочую коммуналку платить надо... Живыми денежками... А брать откуда... А самим жить на что? А на что проверяющих задабривать? Да ладно бы, если только поить-кормить... Эта сволочь привыкла, чтобы по итогам всякой ревизии после

банкета им не только нарды или шахматы, что эски на лагерной ширпотребке производят, дарили... Им конверт с наликом напоследок обязательно подавай... Опять деньги...»

После этого над красивой фуражкой забористые матюки закачались. Не такие адресные, как у Дельфина, но не менее злые. А следом опять же вывод. Не такой скучный, как у отрядника, а масштабный, с обобщением, в котором для брата-арестанта ничего хорошего опять же не проблескивало:

«Нечего ждать, пока про нас и про нашу систему там наверху вспомнят... Да и не вспомнят ведь никогда, потому как прочих забот в государстве хватает... Самим шевелиться надо... С бухгалтерией на промке разобраться надо... Она и так в трех вариантах ведется, чтобы всем капало... Сдается, там еще резервы есть... Эски перетопчутся... Можно и еще с нарядами покрутить... Подрезать, где можно... Знаю, кому это поручить... Есть на зоне мини-цех по ремонту автомобилей... Расширить его надо... Умельцев в лагере полно, платить им не обязательно... Вместо денег – валюты эсковской “закурить – заварить” подбрасывать... Заказы, понятно, с воли подтягивать... Привлечь в помощь местных авторитетов, кто в свое время здесь сидел, с кем отношения сохранились... Но главное – не это... Главное, каждое возможное УДО – на карандаш, и чтобы никакой халявы, все на коммерческую основу, как и все везде в стране нынче... Каждый недосиженный месяц должен для арестанта, точнее для родни и близких его, денег стоить... И не так, как раньше, – одни платят, другие нет, а чтобы все – только за бабки, жестко... Месяц воли досрочной должен, минимум, пятерку стоить, еще лучше – двести гринов... Чтобы без всякой поправки на нефть и прочую международную хреновню...

Многие из деревенских, что здесь сидят, никаких долларов в глаза не видели... Их проблемы... Верно, делиться придется... С судьей и прокурором, без них ни одного решения по УДО не принимается... Ладно, свои люди, тем более что такое с ними уже не раз прокручивали... Теперь все это в систему на поток надо... И чтобы никаких посредников-отрядников тут не путалось... Они пусть бараки ремонтируют, арестантов воспитывают, отчеты составляют.

Забавно: в одно время с тем, как на белом поле над головой полковника Алесенко строчки менялись, сам он продолжал между арестантскими рядами прохаживаться. Более того, не замолкал при этом. На старые темы бросал отрывистые фразы: про непорядок во внешнем виде, про перешептывания в строю, про то, как плохо убирается территория, закрепленная за отрядами. Не столько говорил, сколько

страшал да упрекал. При этом по-прежнему ни на кого конкретно не смотрел, а только мимо, исключительно в сторону.

Напоследок над нарядной тульей уже отдалявшегося лагерного хозяина слова были изрядно цифрами разбавлены:

«В зоне одиннадцать отрядов... В каждом всякий месяц один, а то и двое-трое кандидатов на УДО... Каждое УДО – это как минимум год недосиженного срока... Понятно, в седьмом инвалидно-пенсионерском – там сложнее, там голь перекатная... И в шестом, где почти одни блатные, – трудно... Все равно хватает... Пусть по минимуму... По среднему... 11х2... 22... 22х12... 264... 264х200... Все это еще пусть на двенадцать... Ух, до фига в год получается... А если по курсу с баксов в рубли? Очень прилично... Пусть судье-прокурору отстегнуть... Все равно нормально останется... И как все вовремя... Дочери отдельное жилье справить давно пора... Дачу достроить... А там сына после школы пристраивать... Обязательно в юридический... Не важно, кем потом... Следаком, адвокатом, на худой конец сюда, в зону, определяю... А юридический – это репетиторство плюс взятка за поступление... Расходы... Расходы... И ведь все можно найти, все изыскать реально...»

В этих мыслях ничему не поразился Никита Тюрин. Показалось даже, что все это он уже то ли слышал от кого-то, то ли читал. Совсем ничего нового. Про то, что УДО здесь за деньги, и про то, что хозяин лихо умеет эти деньги считать и что деньгами этими делится он совсем нехотя, – обо всем этом он узнал уже в первые дни пребывания в зоне. Уже тогда казалось, что все так всегда было и по-другому просто не бывает. Уже тогда к этому спокойно он отнесся, а теперь, спустя четыре года... Какое уж тут удивление. Куда серьезнее его главный на сегодня вопрос тормошил: как распорядиться своим, своим собственным обречением, к чему новые свои совсем непростые способности приложить?

Рассказать об этом тем немногим, с кем он позволял здесь себе быть хотя бы немного откровенным? А дальше что? Разве кто-то из них сможет дать толковый совет в этой ситуации? Куда более предсказуемо, что такой дар на общую потребность выставят и придется типа роли фокусника играть – зэков развлекать, долгие их срока новой забавой скрашивать. С какой стати в таком цирке участвовать? Разве это для порядочного арестанта приемлемо?

И другая засада налицо: если про такие способности зэки узнают – значит, очень скоро про них и мусора, в первую очередь кум и вся его братия, пронюхают. У этих хватка мертвая, а гребут они только в одну сторону. Здесь расклад предсказуем – непременно на себя работать

будут жестко заставлять: и за арестантами, и за теми же мусорами обаяжут шпионить. Сейчас принято компроматы копить. Такой вариант еще гаже, да и попросту опасней: любой стукач за свое малодушие рано или поздно непременно сполна расплачивается. И никакой здесь дар не спасет...

Еще один вариант использования своих новых способностей несмелым, но блестящим пунктиром мелькнул. Дерзкий, еще более фантастический, чем суть самих этих способностей. Может быть, направить их целиком и полностью на то, чтобы ... отсюда на волю? Не терпя до нескорого звонка, не покупая на барыжных условиях УДО?

Только... как? Понятно, чужие мысли читать – способность уникальная, без преувеличения сказочная, только можно ли с ее помощью тройной забор с запреткой преодолеть? Что-то не складывается...

Здесь и другое вспомнилось. Реалистом надо быть: беглому арестанту по нынешней жизни засухариться¹⁴ практически невозможно: на вокзалах, в магазинах, во всех людных местах – камеры, и никуда позвонить нельзя, голос в любом месте с первых секунд пеленгуется. Разве что в тайге, в медвежьем углу хорониться. Только и туда ухитриться добраться надо. Да и какой смысл в таком побеге, в такой свободе? Есть ли резон, одну неволю на другую менять?

Еще и еще пытался примерить Никита Тюрин открывшуюся уникальную способность к нынешнему своему бытию. И ничего путного из этих попыток не складывалось. Выходило даже, что никакой это даже не дар, никакое не озарение, а что-то очень нелегкое и, похоже, даже лишнее. Такой вывод сам по себе напротился, и совсем не готов к нему бывалый арестант оказался.

Еще сутки кубатурил над обозначившимися вопросами Никита Тюрин. За это время и боль, что сначала после мусорской педагогики так прочно в его сознании обосновалась, как-то ушла на задний план, а вскоре и вовсе приуныла, затаилась. Инстинкт первобытный, а возможно, и вовсе звериный, который в каждом человеке таится до поры до времени, а в условиях неволи расцветает пышным цветом, уже жестко советовал ему в то время: не надо вовсе внимательно на людей смотреть, нечего над головами их выискивать.

Так и старался себя вести теперь Никита. Установка такая для наблюдательных эзков незамеченной не осталась. Уже и спрашивали напрямую его самые любопытные и самые нетерпеливые:

¹⁴ Засухариться (*жаргон.*) – затаиться, спрятаться.

– Ты чего, Никитос, ото всех воротишься?

Добавляли, вроде в шутку, но с тревожным и хищным вниманием:

– В падлу, что ли, тебе на арестантов смотреть?

Угрюмо отбивался дежурными шутками в этих ситуациях Никита, но понимал: это ненадежно, это ненадолго. Настанет время, и его уникальная способность непременно придет в нестерпимое противоречие со всем укладом арестантской жизни. А это значит, что строгие хранители этого уклада рано или поздно непременно спросят, почему таил он свой дар, почему ни с кем его не делил, даже никому о нем ничего не сказал. Ведь это почти то же самое, что сидеть в тюрьме или в зоне, считаться порядочным, но все, что в посылках к тебе приходит, под одеялом жрать и хорошие сигареты тайком в рукав курить. Разве может так долго продолжаться? Того гляди случится что-то, что с головой тебя выдаст. Как тогда оправдываться?

Выходило, что со своим обретением надо было скорее определяться. А как определяться? На себя заставить работать, уже прикидывал, не получается. Может быть, вовсе оказаться от такого обретения?

Всерьез донимали Никиту все эти вопросы. Настолько всерьез, что та самая чугунная боль, которая поселилась в его голове после мусорской педагогики, а потом вроде как эту голову и покинула, снова о себе напоминать начала. Да так лихо, что болезненная гримаса почти не покидала лицо Никиты. И уже совсем нехорошо складывалось: мало того, что, тая свое обретение, отворачивал он от всех встречных лицо, так теперь еще на этом лице всегда царило совсем малочеловеческое выражение, что-то среднее между мукой, ненавистью и отвращением. Еще злей по этому поводу комментарии окружающих звучали. Уже было – сосед по проходняку с тревожным и хищным вниманием повторил уже звучавший вопрос:

– В падлу тебе, что ли, на арестантов смотреть? Тебе вроде самому еще не один год в арестантах ходить...

Все это беспокойство и внутреннюю тревогу Никиты Тюрина не просто увеличивало, а скачком в квадрат возводило.

Такое настроение заставило однажды его в сторону лагерного храма посмотреть. Никакого конкретного решения вроде как и не вызрело, но желание связать свою главную на сегодня проблему с церковью почти определилось. Кажется, и надежда зашевелилась, что после этого или проблема решится, или просто станет легче. Уже и уточнил Никита, по каким дням в лагерную церковь приезжает батюшка из вольного храма, что над зоной вроде как шефствует, да вспомнил, к месту ли или наоборот вовсе, что случилось полгода назад в соседнем

отряде. Сидел там парень из местных с законным червонцем по сто пятой. Год сидел, два сидел, а на третий с головой в веру ушел. Как минута свободная, в храм спешит, иконы обходит, молитвы шепчет, крестится истово. Потом и до исповеди созрел.

– Надо... Время пришло...

«У меня теперь многое изменится...» – говорил он накануне соседям по проходняку и удивлял их решительным и просветлевшим лицом.

Никто, конечно, этой исповеди не слышал и слышать не мог, но говорили в зоне, будто на той беседе рассказал арестант батюшке что-то про свою делюгу, из чего выходило, что не один жмур на парне, а целых два.

Вроде как покаялся, вроде как душу облегчил. Вроде как все по-доброму.

Только последствия у этого откровения совсем не добрые вышли.

Уже через неделю нагрянули в лагерь опера из того городка, откуда парень садился. Разговор у них конкретный был: речь только о втором жмуре шла. Заодно пытались и третий труп на парня нагрузить, который на местных мусорах как висяк числился и к которому парень никакого отношения не имел. По-простому объясняли:

– Ты и этого покойника на себя возьми... Много тебе не добавят... Где два, там и три... Зато мы похлопочем, тебя домой пораньше... Мы постараемся... Только и ты навстречу пойдешь... Мы потом и чайком с куревом тебя поддержим... Пойди навстречу...

Чем та история завершилась, никто так и не узнал: перевели вскоре парня в другую дальнюю зону, откуда ничем о себе он ни разу не напомнил. Зато четкий, понятно какой вывод из этой истории родился и жестко в арестантском сознании прописался.

Про все это Никита Тюрин и вспомнил, в очередной раз лагерный храм через прутья локалки разглядывая.

Выходило, что ни помощников, ни советчиков у него в нынешней ситуации не было и быть не могло. Значит, решение оставалось исключительно за ним. А каким это решение могло быть, он даже в самом отдаленном приближении представить не мог. Такая неопределенность тащила за собой великое беспокойство, пронзительную тоску и отвратительную слабость. А за всем этим волнами возвращалась и та самая боль, что впервые проявилась в голове Никиты после того, как три мусора его в полутемной подсобке подмолодили. Казалось, что боль эта злобы и тяжести прибавила. Соответственно, и гримаса на его лице, про которую он знал и которую неуклюже и безуспешно пытался спрятать, еще заметней стала.

Еще сутки промаялся Никита Тюрин со своим обретением, все более убеждаясь, что новая возможность его сознания – вовсе не подарок, а дополнительный груз к немалой и без того арестантской ноше. Размышлял он на эту тему везде и всегда, но чаще всего случалось это на лавочке в курилке, что справа от входа в барак.

С этой лавочки, как головой ни крути, непременно вид на лагерный храм и открывался. На тот самый, куда еще совсем недавно он за помощью ткнуться думал, да по известным причинам передумал.

В один из таких моментов, поглядывая на невысокий церковный купол, где-то внутри своего мятущегося сознания ощутил Никита Тюрин какой-то возникший белый зыбкий прямоугольник с темными четкими буквами. Буквы мгновенно сложились в слова. Также мгновенно пропал белый прямоугольник, и эти слова забылись, но смысл их жестко осел в памяти. Сводился он к единственному выводу, который по своей краткости и жесткости больше приказ напоминал: про все свои обретения и озарения – забыть, жить, как и раньше жил, честно тянуть арестантскую ляжку и над головами у встречаемых людей ничего не выглядывать.

Чуть позднее что-то вроде пояснения-комментария вдогон к приказу пришло. Прямоком в сознание. Без всяких посредников в виде темных слов на белом пространстве. Простой смысл несли в себе эти пояснения: не дано человеку у себе подобных мысли читать и не надо к этому стремиться.

Так честнее и правильнее.

Если же почувствовал он в себе такое свойство, то самое лучшее – отказаться от этого, как от неправильной привычки. Усилием воли, помноженной на здравый смысл.

И принял Никита всю эту информацию как должное. Как будто до всего сам дошел и сам такое решение принял.

А когда следом за принятой установкой, чугунная боль его голову покинула, о себе даже слабого напоминания не оставив, понял, что такой ход событий – единственно верный, и совсем успокоился. Тогда же и почувствовал желание подняться, вытянуться в струнку и в сторону купола, рядом с которым недавно простые, но очень своевременные мысли появились, развернуться.

Смотрел он туда долго и внимательно. Будто снова хотел разглядеть тот самый белый прямоугольник с важными словами. Будто смысл, что в тех словах скрыт, лучше усвоить готовился.

И нисколько не удивился, когда рука, что еще минуту назад сигаретный бычок мусолила, вверх взметнулась и четкий, к себе обращенный, крест описала.

Александр Сидоров

Пословицы и поговорки блатного русского народа

1. Лох идет на нерест

Как простодушный мужик попал в аквариум

Сегодня словечко «лох» известно всем и каждому – простофиля, дурень, потенциальная жертва мошенника. Однако среди широких слоев населения России оно стало популярно не так уж давно. Могу примерно определить время появления его в активной разговорной речи – конец 80-х годов прошлого века. До той поры «лох» был достоянием исключительно уголовно-арестантского жаргона.

Мне это запомнилось отчетливо. Году в 1989-м ко мне обратилась одна знакомая с вопросом: «Саша, вы не знаете, что такое “лох”? У моего сына-школьника это слово постоянно на языке, оно к нему прилипло. Наверное, школьный сленг?» Я объяснил значение, но очень удивился, что блатное словечко вдруг появилось в школьных стенах.

И напрасно удивился. Для переломных этапов истории России XX века проникновение блатного жаргона в повседневный язык, особенно в ребячью среду, вполне закономерно. В 20-е годы засилью криминального аргю среди детей посвящалось много исследований. В 1926 году филолог Георгий Виноградов в сборнике «Сибирская живая старина» пишет статью «Детские тайные языки» и прилагает словарь «Детский блатной язык» (argot)». В журнале «Вестник просвещения» (1927) выходит статья С. Капорского «Воровской жаргон в среде школьников». Тогда же Е. Лупова публикует заметки «Из наблюдений над речью учащихся в школах II ступени Вятского края», где отмечает засилье жаргона у подростков. Можно назвать еще целый ряд публикаций.

Криминальная лексика становится востребованной в первые годы после Великой Отечественной, в хрущевскую «оттепель» конца 50-х.

И конечно же в период распада СССР, смены общественных формаций, когда шла ломка старых социальных институтов и построение новых. Перестроечному периоду присущи слабость правоохранителей и разгул преступных элементов, чудовищная криминализация страны, что способствовало распространению блатного жаргона в обществе.

Посудите сами: подавляющее большинство из нас понимает значение таких слов, как «мочить», «забить стрелку», «заказать», «беспредел», «разборки», «стволы», «сходняк», «распальцовка»... А ведь это – стопроцентно уголовная лексика.

Вот так же и с «лохом», который перекочивал даже на страницы СМИ. В журнале «Видеодайджест» за 1990 год авторы советуют: «Когда решите спихнуть видак новичку или лоху, снимайте наклейку, аккуратно укладываете его в упаковку и толкайте как новый».

Позднее даже возникла «народная этимология»: «ЛОХ – Лицо, Обманутое Хулиганями».

На самом деле это, конечно, не так. Обратимся к поговоркам и фразеологизмам со словом «лох». Например: **«Да ты даже не лох, ты Лохнесское чудовище!»** Или: **«Слышь, братан, не парь мне мозги! Хочешь разводиться лохов – купи аквариум!»** (Легкий каламбурчик: «разводить» на жаргоне значит обманывать, дурачить). И наконец, рифмованная поговорка:

***Слышен денег легкий шелест:
Это лох идет на нерест...***

Все эти иронические выражения появились не так давно, они зафиксированы начиная с 90-х годов, а стишок с «нерестом» – уже в 2000-е. Ранее они мне не встречались. Но что особо любопытно: во всех трех поговорах-поговорках слово связано с родной ему водной стихией.

Дело в том, что слово «лох» – финского происхождения и восходит к lohі (лосось). До сих пор жители Карелии именуют лохами отнерестившихся лососей, которых можно ловить практически голыми руками. Лохи эти упоминаются и в русской поэзии – у Федора Глинки в поэме «Карелия, или Заточение Марфы Иоанновны Романовой» (1830):

*То сын Карелы молчаливый
Беспечных лохов стан сонливый
Тревожит меткой острогой.*

Глинка пояснял в примечаниях: «Лохами называют здесь рыбу из рода лососей; сии же лохи, побыв несколько месяцев в водах Белого моря, получают вкус и наименование семги, которая во множестве ловится в Архангельской губернии».

Один из северян, Петр Жиров, уточнил в переписке со мною:

«Беломорские лохи – это рыба семейства лососевых (семга и т.д.) именно ПОСЛЕ НЕРЕСТА. Отметавшись, рыба становится вялой, малоподвижной, изменяется цвет мяса с красного на розово-серый, меняется вкус. Ловится легко и продается как обычная семга, это и есть “толкнуть/впарить лоха”».

Лох считался рыбой никудышной, дрянной. Владимир Иванович Даль писал в своем «Толковом словаре»: «ЛОХЪ, *сев.* рыба семга, лосось, облоховившийся по выметке икры: лосось для этого подымается с моря по речкам, а выметав икру, идет еще выше и становится в омуты, чтобы переболеть; мясо белеет, плеск из черни переходит в серебристость, подо ртом вырастает хрящеватый крюк, вся рыба теряет весу иногда на половину и назыв. лохом. В море уходит она осенью и, пролошав (перезимовав), там отгуливается и опять превращается в лосося».

Помимо пренебрежительных эпитетов «облоховившийся», «пролошавший», явно указывающих на отношение русского народа к лоху (по сравнению с лососем), у Даля встречаем также «лоховину» – плохую семужину, мясо рыбы лох.

По некоторым сведениям, жителям Пижмы (Нижегородская область) давали прозвание «локх» – плохой рыбак.

От северян словечко «лох» перекочевало в тайный язык бродячих торговцев вразнос – коробейников, или офеней. Случилось это в XIX веке. Язык назывался также «афинским» (греческим) или «аламанским» (Аламания, Алемань по-французски Германия), то есть «немецким». Немцами в народе традиционно называли всех иностранцев: они говорили на непонятных языках и разговаривать с ними – все равно что толковать с немцем.

На офенском языке «лохом» называли мужика: «Лохи биряли клыги и гомза» («Мужики угощали брагою и вином»). Уже тогда у слова был оттенок пренебрежительный, о чем свидетельствует форма женского рода «лѡха» (или «солоха») – дура, глупая баба, дурища, дурында. Оно и понятно: бродячие торговцы вечно наддували простодушных селян. Оба значения закреплены в словаре Даля.

Итак, офени переняли у северных рыбаков презрительное словечко «лох» для обозначения крестьянина, мужика как ленивого, не-

уклюжего, глупого существа, только с виду напоминающего нечто стоящее. А от офеней лох «приплыл» в жаргон преступного мира, как и многие другие слова. К примеру, само название русского арга «феня» есть чуть измененное «офеня».

Тройка, семерка, лах...

И все-таки не только «рыбацкий» след мы находим в популярном ныне оскорбительном прозвище. У того же Даля с пометой «южное», «западное» и «псковское» встречаем и слово «ЛОХМА», «лохмотья» – клочье, лоскутье, тряпье, отрепье, рубище и так далее. Со всеми производными – «лохмотыш», «лохмотник», «лохмотничий» и т.д. «Лохмотить» – рвать, драть на лохмотья. Тут же встречаем сразу три синонима простака, простофили, доверчивого ротозея: «лохоухий», «лоховес», «лохроухий».

О последнем словечке заметим: и до сих пор в блатном жаргоне встречается популярное: **«Чего ты лантухи развесил?»**, где лантухи означает уши, хотя в прямом смысле на арга это – тряпье, повязка (из польского лантух через немецкое Leintuch – льняной платок). Итак, лох, лоховес, лохоухий – относятся также к рвани крестьянской, к тряпью.

Но и это не всё! В начале XX века мошенники наряду с «лох» говорили и «лах». Уж вовсе не «рыбное» словечко; оно пошло от уличных игроков в «три карты». У нас в эпоху «ранней перестройки» аналогом «трех карт» служила игра в «наперстки», или «колпачки», где вместо угадывания счастливой карты необходимо было указать, под каким наперстком или пластиковым стаканом находится шарик. «Колпачники», или «наперсточники», особо усердствовали на вокзалах, рынках и в других многолюдных местах. Напомню в тему, что именно эту игру впервые назвали «лохотроном» (по аналогии с популярной лотереей «Лототрон»). Лишь позднее «лохотронами» стали называть мошеннические аферы самого разного рода.

Но вернемся к «трем картам». «Крутили», перемешивая их, повторяли забавную присказку: **«Шиш-мариш, никому не говоришь, во все глаза глядишь – ничего не видишь... Лахман, лах – твои дела швах!»** Встречаем мы это присловье, например, в «Метком московском слове» фольклориста Евгения Платоновича Иванова. Оно аналогично более поздней присказке «наперсточников»: **«Кручу-верчу, на(гр)ебываю, как хочу!»** Только исполнитель в «трех картах» прямо обращается к простаку – жертве обмана, называя его «лахман» и «лах».

Что касается «лах», эта форма, скорее всего, восходит к украинскому «лах», «лахи» – тряпье, лохмотья. «Лохман» в воронежских говорах означал ветхую сермягу или рабочее ветхое платье. В Малороссии же «лахманом» кликали любого оборванца.

На сахалинской каторге словечко «лахман» обозначало прощение проигравшего, но не расплатившегося игрока. Отсюда и «лах» – сам должник. По сути, очень близко к «лоху», издевательски-пренебрежительное определение. Вот что читаем у Василия Трахтенберга в наиболее серьезном дореволюционном словаре «Блатная музыка (“Жаргон” тюрьмы)» 1908 года:

ЛАХМАН

Так называется обычай, вкоренившийся в сибирских острогах «прощать» в конце месяца числящийся за каким-нибудь *«иваном»*¹ карточный долг. Обычай этот станет понятным, если вспомнить, что «бродяги», представляя собою острожную аристократию, лишь одни пользуются у *«майданщика»*² кредитом «на слово», лишь одни, проиграв имевшиеся у них в наличности *«бабки»* и *«барахло»*, могут продолжать игру уже «на слово»: им «обязаны верить» (впрочем, лишь до десяти рублей!). Проиграв «на слово», «бродяга» из одной *«варнацкой чести»* будет стараться как можно скорее расплатиться со своими кредиторами. Если же до конца месяца это ему не удастся, то он в присутствии всей *«шпаны»* произносит громогласно: «зарвался!» – и немедленный *«лахман»* его долгу служит якобы вознаграждением за унижение, которое он принял на себя, сознавшись перед всеми, что он «зарвался».

Голова с дыркой

И вы таки думаете это всё? Некоторые еврейские этимологи настаивают на том, что лох происходит из немецкого das Loch – дыра и попал в русский жаргон через идиш, где есть выражение «лох ин дэмкопф» – «дырка в голове».

«Дырка в голове» как обозначение «пустоголового» человека действительно существует, причем, судя по всему, не только в идише. В 1920-е годы эта калька с идиша, по-видимому, достаточно активно ис-

¹ «Иван» – так называли в те времена авторитетных уголовников; по статусу нечто похожее на более позднее «вор в законе».

² Майданщик – на каторге: содержатель места для азартных игр, а также торговец спиртным, съестным, «барахлом» и т.д.

пользовалась в Одессе, в Крыму и более широко – по Новороссии. Вспомним «Золотую цепь» Александра Грина (написана в Феодосии в 1925 году):

«– Не спросить ли у Головы с дыркой, – осведомился Патрик (это было прозвище, которое они дали мне)...»

Напомню, что рассказ ведется от имени юноши по имени Санди Прузель, юнге суденышка «Эспаньола», об умственных способностях которого команда была невысокого мнения. Мы имеем дело с прямым переводом идишского фразеологизма на русский язык.

Однако русский лох-простофиля существовал в языке офеней задолго до того, как местечковый идиш стал оказывать влияние на русский уголовно-арестантский жаргон (случилось это в конце XIX века, когда Одесса настолько укрепилась и разбогатела как портовый и торговый город, что стала особо привлекательной для преступного элемента всей России).

Хотя, с другой стороны, употребляя словечко уже «по ходу жизни», еврейские жульманы легко могли предполагать, что и «лох», и «малина», и «халява» – изобретение великого иудейского народа. Жаль их расстраивать, но, как говорится, не судьба...

Нынче «лох» переживает период не просто возрождения, но, можно сказать, расцвета. Мало того что от него возникла масса производных типа уже упомянутого «лохотрона», мы имеем женский род – «лохушка», новорожденный эпитет «лоховитый» (туповатый, доверчивый), лох также вырастает в огромного «лошару» (простофиля высшей пробы), возникло также ироническое «лохмэн» (по типу «джентльмен»)...

А главное, как я уже писал, народное творчество рождает новые поговорки, прославляющие «лохов», «лошар», «лохушек» и «лохмэнов».

Так что – следите за фольклором!

2. Дальше солнца не загонят

Привет из солнечной Сибири

В арестантском фольклоре бытует несколько поговорок с зачином «Дальше солнца не загонят». Нынче они постепенно начинают забываться. Но во времена гулаговские они были на слуху у всех эзков, да и в хрущевско-брежневский период активно гуляли в тюремно-криминальном сообществе. Некоторые можно услышать и сейчас. Смысл

их сводится к русской присказке «Держи хвост морковкой». Часто «сидельцы» ограничиваются лишь присказкой: «Дальше солнца не загонят». Но есть и несколько расширенных вариантов этой «карагантской мудрости».

Один из них уже стал преданием старины глубокой – «Дальше солнца не загонят, меньше триста не дадут». Смысл: не падай духом, даже самые страшные мучения имеют свой предел. «Триста» значит триста граммов черного хлеба: самая маленькая пайка, гарантированная эзку, если он выполняет норму менее чем на 50%. Поговорка появилась не ранее 40-х годов прошлого века: в 30-е минимальный паек заключенного составлял 400 граммов «черняшки».

Впрочем, во время войны, бывало, и эти пайки урезались. Вот что писал в мемуарах «Детство в тюрьме» Петр Якир (сын видного советского военачальника Ионы Якира, расстрелянного в 1937 году как участника «военно-фашистского заговора»):

Перед запуском в зону начальник произнес перед нами речь:

«В связи с тем, что на Советский Союз напали фашистские захватчики, объявляю вам новые правила режима: в зоне больше двоих не собираться, за нарушение – карцер; отказ от работы, равно и побег, будут квалифицироваться по ст. 58-14 (контрреволюционный саботаж), виновные будут расстреливаться. Максимальная пайка при выработке нормы на 110% – 675 грамм хлеба, при выработке на 100% – 525, штрафная пайка – 275 грамм».

Последним заявлением была нарушена старая лагерная поговорка: «Дальше солнца не загонят, меньше триста не дадут».

Вспоминает поговорку и Валерий Фрид в «Записках лагерного придура»:

Когда пришел «наряд» – меня и еще человек двадцать отправляли на этап, – я не хотел уезжать. Знал утешительную лагерную поговорку: «Дальше солнца не угонят, меньше триста не дадут», и все-таки...

Тот же Фрид со своим другом Юлием Дунским (оба киносценариста были осуждены в 1944 году по одному делу «антисоветской молодежной террористической группы»), вместе сидели в одном лагере и вместе вышли) опубликовали в журнале «Киносценарии» (№ 3, 1992) рассказ «Лучший из них», где упомянута та же поговорка: «Не бзди,

кирюха! Дальше солнца не угонят, меньше триста не дадут. Если что коснется, тебя с пацаном я по делу не возьму».

Но ГУЛАГ с его суровыми правилами внутреннего распорядка канул в прошлое, а вместе с ним и эта поговорка.

Зато другую поговорку с тем же зачином можно услышать в арестантской среде и сегодня: «Дальше солнца не загонят, больше срока не дадут». Вторая часть поговорки используется и отдельно. К примеру, каторжанин сталинского ГУЛАГа Валерий в «Записках смертника» рассказывает о двух «побегушниках»: «Решили фартово погулять по Колыме. Месяц-два с девочками пей-гуляй, а там видно будет. Больше срока не дадут».

Существуют и другие вариации. Например, «Дальше солнца не загонят, больше “вышки” не дадут». «Вышка», как известно, на жаргоне означает смертную казнь, которую в 20-е годы именовали «высшей мерой социальной защиты», затем – «высшей мерой наказания» и лишь на излете советской эпохи – «исключительной мерой наказания».

Или: «Дальше солнца не загонят, больше жизни не дадут». Этот вариант, скорее всего, появился уже тогда, когда смертную казнь в Российской Федерации заменили пожизненным заключением. Есть и более мрачный вариант, где упоминание солнца отсутствует: «Дальше гроба не загонят, больше жизни не дадут».

Наконец, по сегодня популярна заливчатская поговорка: «Дальше солнца не загонят, хреном в землю не воткнут». Вместо «хрена» арестанты обычно используют матерное название пениса, состоящее из трех букв. Существует и вариант рифмованный: «Дальше солнца не сошлют, хреном в землю не воткнут».

Поговорку о хрене вспоминает, например, лагерник Николай Болдырев в мемуарах «Зигзаги судьбы»: «Какой-то весельчак-оптимист начертал: “Дальше солнца не угонят, хреном в землю не воткнут!” Оптимизм автора не оправдывался: втыкали... Да еще как втыкали. Сколько их осталось, “воткнутых” в землю в безымянных могилах?»

Или воспоминания гулаговского узника Михаила Ротфорта «Колыма – круги ада»: «Самозванные камерные “юристы” все больше уверяли, что дело мое, видимо, направлено на ОСО – Особое Совещание НКВД СССР, и в худшем случае меня ждет “червонец” и “колесо” на Колыме. При этом по-русски успокаивали: “Дальше солнца не загонят, хреном в землю не воткнут”».

Многие «сидельцы» и уголовники уверены, что этот фольклор рожден в арестантском сообществе. В самом деле, срок, вышка, пайка – атрибуты жизни за «колючкой», в местах лишения свободы.

На первый взгляд логично. А на второй – оказывается, все эти поговорки корнями своими уходят в русское народное творчество – частушки, песни, традиции, обряды. Ничего удивительного здесь нет: отечественный жаргон щедро черпал лексику и фольклор из отечественной же истории и культуры. На сей раз – из народной культуры Сибири. Вот что пишет в работе «Отражение национальной культуры сибиряков в пословицах и поговорках» тобольский филолог А. Шишкина:

«Долгое время Сибирь была местом каторги и ссылки. Люди боялись Сибири... Если человек ехал туда, считалось, что он едет к черту на рога, т. е. в опасное для проживания место. Но приехав на место, человек убеждался, что и в Сибири люди живут, так возникла пословица: и в Сибири наше солнце светит. Побывав там, он уже не боялся Сибири. И если его пугали Сибирью, т. е. тайгой, ссылкой, он весело оговаривался: дальше Сибири не угонят; дальше Сибири не угонят, а Сибирь – тоже нашего царя...»

И впрямь, еще с XIX века бытовали поговорки, где место солнца занимала Сибирь: «Дальше Сибири не угонят, а Сибирь – тоже нашего царя», «Дальше Сибири не угонят, а в Сибири то же солнышко светит».

Залихватское заявление о том, что Сибири не стоит бояться, встречаем и позднее, в известной песне «Чубчик», популярной среди русских певцов-эмигрантов (Петр Лещенко, Юрий Морфесси и пр.):

*А что Сибирь? Сибири не страшуся:
Сибирь ведь тоже – русская земля!*

Зачин «Дальше солнца не угонят» тоже появился в Сибири. Известна, например, горькая частушка о каторжанской жизни:

*Дальше солнца не угонят,
Сибирь – наша сторона.
В Сибири тоже живут люди,
Только воля не своя.*

Возникают и варианты: «Дальше солнца не угонят, из Сибири не сошлют», «Дальше солнца не сошлют»...

К концу XIX – XX веков поговорки с солнцем и Сибирью распространяются по всей России в разных вариантах.

Запелай – и бей по морде!

Но почему эти поговорки так прочно укоренились именно в криминально-арестантском мире России? Понятно, что Сибирь тесно связана с представлением о каторге, и это уже само по себе – веская причина для заимствования уголовниками. Но есть и другая, впрочем, тесно связанная с первой.

Дело в том, что зачин «Дальше солнца не загонят, Сибирь – наша сторона», распространяясь по всей России, еще в XIX веке стал в «низовой» народной традиции призывом к драке – безжалостной, зачастую массовой. Из книги Изабеллы Шангиной «Русские девушки» мы узнаем, что в русской деревне модель взаимоотношений девушек и парней строилась на создании устойчивых пар молодых людей, питающих друг к другу «симпатию». Девушку и парня в такой паре называли «игральщица» и «игральщик», «почетница» и «почетник», «миленка» и «миленок», «беседница» и «беседник» и тому подобное. На посиделках, «вечерках» и других молодежных сборищах пары держались вместе. Если же за девушкой пытался ухаживать другой парень, это могло привести к серьезной драке – в том случае, когда «разлучник» не внимал предупреждениям «почетника». Вот что пишет Шангина:

«Лишь в редких случаях чужой парень решался пригласить чужую “милку” в игру больше одного-двух раз. Такая оплошность могла привести к драке, в которую включалась обычно вся мужская часть молодежной группы.

Вот, например, какая история произошла в 1897 году в селе Клепиково Вологодской губернии, когда один из парней посягнул на чужую девушку. Парень по фамилии Свистунов из села Фетиньино ухаживал за клепиковской девушкой Марьей. Он заплатил местным деревенским парням за Марью выкуп и “с той поры, – как рассказывал очевидец, – безнаказанно ходил к своей милой Маше. Раз он, по обыкновению своему, пришел на посиденку в Клепиково. На посиденке играли “заяньку”. Один парень из деревни Бревнова Иван Мушников играл с его Марьей. Первую “заяньку” проиграли, на вторую же Свистунов хотел “взять” Марью, но Мушников предупредил и уже взял его Марью. Это не понравилось Свистунову... По окончании “заяньки” все сели и разговаривали между собою, кушая конфеты, пряники и орехи. Мушников продолжал сидеть с Марьей. Посиденка стала уже расходиться. Вдруг выбегает Свистунов, пляшет и поет: “Дальше Солнца не угонят, Сибирь наша сторона...”, что служит признаком, что молодец поющий собирается кого-нибудь отколотить. И действительно, только

что вышли на улицу, как Свистунов набежал на Мушникова и ударил его по “башке”, в это же время набежали некоторые из клепиковских робят и тоже ударили Мушникова. Скоро Мушникова сбили с ног и, проломивши голову в трех местах гирями, отпустили домой».

Марина Громыко в книге «Мир русской деревни» сообщает, что порою потасовка двух парней из-за девушки переходила в драку целых деревень.

Итак, мы выяснили, что поговорка о солнце и Сибири являлась прямым призывом к драке, доходящей до кровопролития. То есть она довольно быстро приобрела в народе криминальный оттенок.

Но, может быть, мы делаем поспешный вывод на основе частного случая? Вдруг в этом смысле поговорку использовали лишь в каких-то конкретных регионах?

Ничуть не бывало: именно что по всей России. В «низах» русского фольклора существует такой жанр, как «частушка под драку». Перед тем как начать потасовку, стороны подзуживают одна другую заборными припевками, заодно раззадоривая и себя. «Солнечная» сибирская поговорка в различных переделках входила в состав многих таких подзуживаний. Что касается приведенного Шангиной случая, речь идет о частушке, дошедшей до нас в разных вариантах:

*Я Сибири не боюсь,
Сибирь – наша сторона,
Кто милашечку полюбит,
Тот попробует ножа.*

А вот Малмыжский уезд (территория нынешней Удмуртии), частушка, записанная в 1926 году учительницей Н.А. Чистяковой:

*Будем резать, будем бить –
Все равно в Сибири быть.
Дальше солнца не угонят,
Сибирь – наша сторона.*

В исследовании «Повседневная жизнь русского кабака от Ивана Грозного до Бориса Ельцина» Игорь Курукин и Елена Никулина приводят другой пример (глава «Угар нэпа»): «В те времена песни улицы и эстрады мало чем отличались – народ всегда любил тюремно-каторж-

ный репертуар: “Эх-ма, семерых зарезал я, / Дальше солнца не угонят, / Сибирь наша сторона”».

В Вологодской губернии, о которой уже шла речь, в 20–30-е годы прошлого века гуляла частушка:

*Без ножей ходить не будем,
Без камня – никогда.
Дальше солнца не угонят,
Сибирь – наша сторона.*

Встречаем мы в народе и вариант с упоминанием «мужского достоинства», который позднее охотно подхватили гулаговские зэки. Вариант этот записал в Костромской губернии известный священник, философ и поэт Павел Флоренский. Хотя Павел Александрович слышал частушку в 20-е годы, текст относится еще к дореволюционным временам, поскольку в нем упоминаются «листочки» – революционные прокламации:

*За листочки нас рестуют,
А за ножик – никогда.
Дальше солнца не угонят,
Сибирь – наша сторона.
С земного шара не столкнут,
Туром в землю не воткнут.*

В первые послереволюционные десятилетия отмечены несколько частушек, где варьируется та же тема «дальше не угонят», но уже в совсем свободном перепеве:

*Бей, кулак, по всем оградям,
Что над волюшкой стоят.
Дальше неба не угонят,
За решеткой лишь сгноят.*

...

*Ты мочи кого попало,
Не страшна милиция.
Дальше Пскова не угонят,
Там своя позиция.*

Так что народная сибирская поговорка в первые советские десятилетия обрела по всему Союзу широкую популярность.

Блатной фольклор во фронтовом исполнении

В довоенные советские годы появилась и другая «вольная интерпретация» сибирской поговорки: «Глубже шахты не спустят». Французский исследователь Жак Росси, «отпыхтевший» в советских местах заключения и ссылке два десятка лет, помечает этот вариант как «обшкетюрменно-лагерный» и расшифровывает так: «что-то вроде “двум смертям не бывать, одной не миновать” (в горнорудных или угледобывающих лагерях)». Не исключено, однако, что перелицовка сибирской поговорки могла появиться и на воле, среди обычных шахтеров. Хотя, кроме справочника Росси, отыскать письменные следы «шахтерского» варианта пока мне не удалось, несмотря на то, что в быту поговорку я слышал. Разве что приводится она в боевике Олега Приходько «Один в чужом пространстве»: «Я еще раз глянул в записку: не виляй, пасут – явно жаргон... А в сущности, какое мне дело? Глубже шахты не спустят, “бабки” идут, остальное – не мои проблемы». Но год издания – 1995-й, так что автор мог просто воспользоваться словарем француза, вышедшим ранее.

Другая переделка была чрезвычайно популярна во время Великой Отечественной войны. Тогда молодых ребят с высшим, незаконченным высшим и даже средним образованием спешно обучали на ускоренных курсах, присваивали лейтенантское звание и отправляли на передовую. Тогда и родился вариант: «Дальше фронта не загонят, меньше взвода не дадут». Он часто встречается в военной прозе писателей-фронтовиков и в более широком смысле – офицеру на войне терять нечего:

«Несколько офицеров, таких же бедолаг, как и я, которые по разным причинам были выведены за штат и откомандированы в резерв корпуса, кантовались здесь в ожидании назначения, стояли рядом. Увидев меня, лейтенант приветствовал пополнение язвительной частушкой:

*Эх, дальше фронта не загонят,
Меньше взвода не дадут!»*

(Владимир Богомолов. «Жизнь моя, иль ты приснилась мне...»)

«– Хотим, чтобы командир первой роты “ИС” гвардии капитан Поздняков был мужественным командиром! А не только храбрым.

– Какая разница: мужественный, храбрый. Не нравлюсь, можете отчислить из полка. Все равно дальше фронта не загонят, меньше взвода не дадут».

(Вениамин Миндлин. «Последний бой – он трудный самый»)

«Мы-то, солдаты-окопники, давно знали, какая грязная сволочь иногда попадает в наших штабах. Но, даже зная, говорили об этом шепотом. Не потому, что кого-то боялись. На войне ведь и офицера “дальше фронта не загонят, меньше взвода не дадут!”».

(Газета «Дуэль» от 1 октября 2002 года)

Существовал и расширенный вариант в виде фронтовой частушки. Ее приводит Владимир Дягилев в повести «Змея и чаша», где рассказывается о студентах медицинских вузов страны, собранных в далеком сибирском городке, чтобы из них наскоро сделать военных врачей:

*Дальше фронта не загонят,
Меньше взвода не дадут,
Заживо не похоронят
И диплом не отберут.*

Существует также вариант «Больше роты не дадут, дальше фронта не пошлют».

Обратите внимание: фронтовая поговорка, несомненно, пришла в офицерскую среду именно из среды уголовно-арестантской, а не из народной. В народе не существовало схемы «дальше – больше (меньше)». Только в сталинских лагерях: «меньше триста не дадут», «больше вышки не дадут»... Вообще это – отдельная тема: влияние блатного фольклора на фронтовую и наоборот. Она заслуживает особого исследования.

Мы же завершим экскурс упоминанием еще одной поговорки советских офицеров, которая возникла уже после войны и как бы продолжила «лагерно-фронтовую» традицию. Многие вспоминают эту присказку до сих пор: «Дальше Кушки не сошлют, меньше взвода не дадут».

Вот что рассказывает Аким Бухтатов в очерке «Кушка – крепость империи»:

«“Дальше Кушки не пошлют” – есть такая старая офицерская поговорка. Потому что дальше и некуда, город Кушка был крайней точкой Советского Союза, последним рубежом перед Афганистаном.

Когда-то это была крайняя южная точка Российской империи, затем – Союза Советских Социалистических Республик. Теперь она расположена на территории суверенного государства Туркменистан и называется Серхетабат.

Мало того что Кушка была глухим захолустьем: давила она еще и своей погодой – особенно зимой и летом. Зима чаще всего дождливая, если выпадает снег, то быстро тает, земля вокруг раскисает – сплошная грязь (хотя бывают и морозы за –20). Лето – чудовищно жаркое, до +50. Воздух обжигающий, ни дождя, ни прохладного ветерка».

Вот что пишет Бухтатов:

«Лето в Кушке – это словно один бесконечный, сводящий с ума от жары день и одна душная и короткая ночь. За исключением того времени, когда с юга задувает афганец – сильный горячий ветер, несущий с собой тучи песка и пыли.

Вот тут-то и начинается настоящее “веселье”. Пыльную бурю в кино видели? Это, по сути, она и есть... Афганец, как наша русская пурга, может через сутки улечься, а может и неделю не утихать. И тогда – туши свет. В прямом смысле слова: электричество, пока дует афганец, в городе отключают. Значит, сами понимаете, мы с вами тут же попадаем в XIX век <...>

В окрестностях Кушки водится довольно много змей. В том числе ядовитых: гюрза, среднеазиатская кобра, эфа. На каждом шагу они, разумеется, не попадают, но смотреть под ноги, гуляя по весенним сопкам, настоятельно рекомендуется».

А вот впечатления на форуме в Интернете пользователя с ником Panzir56, который служил в Кушке (время – 1973 год): «Действительно мало привлекательного... население – дикое и чисто туземное... климат поганый... сушь да ветра... из животных одни тушканчики... речка Кушка, которую мы переходили не замочив сапоги... встречали и не раз кобру... брррр... в общем, экзотика...»

Появляется также другая поговорка, где «увекочена» не только Кушка, но и городок Мары, расположенный в относительной близости. Отсюда до Кушки в 1900 году протянули железную дорогу, связав крепость с «цивилизованным миром» (беру в кавычки, поскольку Мары – наследник древнейшего города Средней Азии Мерв, основанного более 4 тысяч лет назад). Во всех вариантах поговорки упомянуты Кушка и Мары, а вот третий город или поселение из окрестных мест могли меняться. К примеру, «Есть в Союзе три дыры – Эмба, Кушка и Мары», где

Эмбу сменяли Термез, Теджен, Кульсары («Кушка, Кульсары, Мары»). Часто добавляли: «И один ад – Кизыл-Арват».

Таким образом, старинная сибирская поговорка породила уголовную, а та, в свою очередь, фронтную, из которой возникла уже «советская офицерская». Как говорится, Авраам родил Исаака, Исаак родил Иакова, Иаков родил Иуду и братьев его...

3. Страсти вокруг рукомытника

Бес – это не ужас, а средство передвижения

Не раз уже мне приходилось писать о том, что многие так называемые блатные поговорки на самом деле берут свое начало в русском фольклоре. В числе ярких примеров можно привести хотя бы такой: «Попал, как хрен в рукомытник» (естественно, вместо хрена зачастую используется матерное обозначение фаллоса), что значит попал в безвыходную ситуацию, впросак; аналогично народным «Попал, как кур в ощип», «Попал, как сом в вершу» и т.д.

Для современного российского обывателя странная идиома, не находите? Вроде анекдота о квадратном трехчлене, который не то что написать на доске – представить невозможно. Что делать пенису в рукомытнике и в чем здесь трагедия?

Перед нами – одна из интереснейших поговорок уголовно-арестантского мира. Ее прообраз отмечен еще у Владимира Ивановича Даля в «Пословицах и поговорках русского народа». Там мы встречаем вариант «**Попал, как черт в рукомытник**» с пометкой в скобках: (Из сказания «Инок в лесу»). Действительно, среди народа российского несколько веков было очень популярно сказание об искушении отшельника бесом. В сборнике «Народная проза» под названием «Монах и нечистый» оно излагается так:

«Монах утром проспал – поторопился, не благословясь налил воды умываться, а нечистый в умывальник и прыг – затаился. Монах взял да умывальник и переградил крестом. Запросил нечистый выпустить его. “Свези меня в Иерусалим к заутрене – сниму крест”. Свезил тот – к ранней обедне домой поспели...»

Притча сия есть краткая переделка средневекового русского сказания «Повесть о путешествии Иоанна Новгородского на бесе в Иерусалим», в центре которого популярная фигура новгородского архиепископа Иоанна, жившего в XII веке. В повести Иоанн умывался из

святого сосуда с водою «и слыша в сосуде оном никотораго борюща в воде». Поняв, что этот «некоторый» есть нечистая сила, архиепископ «сотвори молитву, и ограде сосуд, лукавому запрети бесу». Бес попытался было вырваться, однако не смог преодолеть силы твердого адаманта (алмаза). Далее Иоанн потребовал от беса перенести его в Иерусалим на поклон святым местам и вернуть его в тот же день к заутренней молитве. Что лукавый искуститель и вынужден был исполнить. Подобного рода сказание существует и об Авраамии Ростовском, есть похожие легенды в Западной Европе, в сказаниях Востока. Все они восходят в еврейской талмудической традиции, повествующей о власти царя Соломона над бесами.

Простой народ был знаком в основном с короткой притчей, посему в фольклор вошел не священный сосуд Иоанна, а именно рукомойник инок. Кстати, противоборство инок и нечистого отражено и в другой русской поговорке: «Радостен бес, что отпущен инок в лес». Кроме того, «узилищем» беса в фольклоре оказывается не только рукомойник. Есть и другая схожая поговорка: **«Попался, как бес в перевес»**, где «перевес» – «сеть больших размеров, на птицу, на дичь, а особ. на уток, которая развешивается, подымаясь как парус, на просеке, где пролет. птицы; в перевес попадают целые стаи, и его вдруг роняют, покрывая сетью улов» (В.И. Даль. «Толковый словарь...»). Короче, не повезло порхающему нечистому.

Как легко заметит даже неискушенный читатель, повесть о полете Иоанна на бесе очень напоминает знаменитый полет кузнеца Вакулы на черте в Петербург, описанный Гоголем в своей «Ночи перед Рождеством» (несомненно, писатель использовал народное сказание). Позднее, уже в XX веке, Михаил Булгаков иронически переосмыслил Гоголя: бес уже без всяких знамений и угроз, по своей воле отправляет директора Варьете Степу Лиходеева в Ялту и обратно, сам же при этом остается в Москве.

Собратом беса народных сказаний и беса гоголевского можно назвать и Хромой Бес из одноименного плутовского романа Луиса Велеса де Гевары (1641). Вообще-то Хромой Бес – персонаж испанской народной демонологии, и поговорки о нем тоже имеются: например, «Хромой бес проворней прочих». Однако в романе проворность его не спасает: испанский дьяволенок тоже оказывается заточен – правда, не в умывальнике, а в колбе астролога, откуда его освобождает студент дон Клеофас Самбульо. Так же, как его «коллеги», Хромой Бес становится спутником и помощником человека, переноса его в разные места и помогая во всяческих проделках.

Но вернемся в Россию. Поговорка о бесе в рукомоинике отразилась и в ряде произведений русской литературы прямо или опосредованно. Например, у Даниила Мордовцева в историческом романе «Тень Ирода (Идеалисты и реалисты)» (1876): «И уж как начнет вычитывать, начнет, – инда волосы дыбом станут, особливо об антихристе о десятирожном звере, **а то о бесе, как бес в рукомоиник попал и креста испужался...**».

В историческом романе Алексея Чапыгина «Гулящие люди» (1930–1937) прямо упомянуто сказание об Иоанне Новгородском, хотя изложенное человеком толпы на свой лад:

- «– У патриарха, братья, **бес** из Иверского привезен!
- Ну-у?!
- Правду сказываю! Никон его **в рукомоинике** закрестил.
- То Иоанн Новгороцкой!
- Никон тоже, сказываю...»

Но все это в контексте давно прошедшего: у Мордовцева – эпоха Петра Великого, у Чапыгина – события Смутного времени. Но не утратила популярности поговорка и позднее. Упоминает о ней, например, дед Щукарь во второй книге «Поднятой целины» (1959), когда рассказывает о запертой им в хате жене: «Вот она и сидит тепереча дома, сидит, миленькая, как черт в старое время, ишо до революции, в рукомоинике сидел, а из хаты выйти не может! Кому охота – пущай идет, высвобождает ее из плену».

И сегодня в казачьих станицах да русских деревнях нередко вворачивают присказку о бесе в рукомоинике.

Эх, голова ты моя удалая...

Ну хорошо, с чертом в рукомоинике мы разобрались. Но вот вопрос: как и почему этот бесенок в фольклоре уголовно-арестантском вдруг обратился... в фаллос?! Смысл поговорки вроде теряется: трудно представить, чтобы инок или епископ мужской член в рукомоинике крестили. И чей он, этот член: свой личный, зачем-то сунутый в умыльник, или случайно «припорхавший» невесть откуда?

А вот тут, дражайший читатель, мы имеем дело с тем, что в языкознании называется контаминацией. Контаминация³ – это возникнове-

³ Contaminatio – смешение (лат.).

ние новой языковой конструкции (поговорка, каламбур и проч.) при объединении элементов двух в чем-либо сходных выражений. Докладываю: народная русская поговорка о перекрещенном чертике подверглась изменению в результате смешения с известным в свое время уголовно-каторжанским фразеологизмом, который звучит как «голову на рукомойник».

Впервые с этой идиомой мы встречаемся в известном романе Всеволода Крестовского «Петербургские трущобы» (1864), где ее использует уголовник по кличке Гречка (глава так и называется «Голову на рукомойник»):

«– А чем полагаешь решить-то? – любопытствовал блаженный.

– На храпок. Взять его за горлец да дослать штуку под душец, чтобы он, значит, не кричал “к покрову!”⁴. Голову на рукомойник – самое вольготное будет, – завершил Гречка, очень выразительно махнув себя поперек горла указательным пальцем».

В примечании автор пишет: «Голову на рукомойник – резать; выражение, принадлежащее собственно к тюремному языку, употребляется преимущественно мошенниками опытными, прошедшими универсальный курс высшей школы в камерах “Литовского замка”».

Надо специально здесь отметить, что роман «Петербургские трущобы» можно считать в части описаний столичного «дна» и криминала того времени фактически документальным. Писатель собирал материалы, в течение девяти месяцев выдавая себя за беспаспортного бродягу и проникая в самые злачные места Петербурга, общаясь с ворами, проститутками, нищими... Его «гидом» был Иван Дмитриевич Путилин – позднее знаменитый сыщик, а тогда 19-летний помощник полицейского надзирателя Сенного рынка. Крестовский стал блестящим знатоком воровского и нищенского жаргона, в этом смысле его не смог превзойти даже Владимир Иванович Даль. Так что информации, полученной от Крестовского, можно доверять безоговорочно.

В толковании выражения «голову на рукомойник» Крестовский, однако предельно лаконичен. Остается в подвешенном состоянии вопрос: почему именно «на рукомойник»? Ответ, впрочем, достаточно очевиден. Судя по реалиям, так говорили о жертве разбойного напа-

⁴ Как пояснял в примечании сам Крестовский: «Взять его за горло да пырнуть ножом (в горло, под сердце, под ложечку – все это называется душец), чтобы он не кричал “караул”».

дения, которой перерезали горло (не случаен поэтому отмеченный в романе жест Гречки). Не желая испачкать себя кровью, убийцы голову несчастного клали на открытый сверху рукомойник, чтобы кровь стекала внутрь. Помните комедию Алексея Балабанова «Жмурки»? Там криминальный авторитет Михалыч в исполнении Никиты Михалкова с подручными и сынишкой, школьником Владиком, прибывает в морг, где работает его подручный Палыч, и видит кучу свежих трупов (Палыча в том числе) – следствие бандитской перестрелки. Владик начинает бегать среди трупов, и Михалыч укоризненно ему то и дело повторяет: «Владик, не испачкайся – мамка заругает!» Вот с головой на рукомойнике – случай примерно из той же серии.

Что касается замены беса на фаллос, так это такой уголовный юмор. «Шутют» они так. К тому же все вполне логично. Правильнее было бы «Попал, как хрен на рукомойник». Тот же смысл, что у народной поговорки: безвыходная ситуация, кирдык. Однако уркаганский мир решил, видимо, сохранить связь с фольклором как можно более отчетливо и не стал менять предлог. Причуды русской контаминации...

Сергей Степанов

Тайны бывших ОЛПов

Страна Унжлагия

...Грибник Павел Иванович Сухов внезапно увидел человека в военной форме. Он целился из автомата прямо ему в лоб. Ужас ледяными когтями вонзился в грудь. Сухов бросил свою корзину и упал ничком в сухие листья. Но выстрела он так и не дождался. Автоматчик брал на мушку другого человека. Этот человек иного измерения вопреки всем физическим законам бежал по лесу с топором в руке. В телогрейке с лагерным номером...

Эту страну, Унжлагию, ограждало тройное кольцо заборов. Она входила в ГУЛАГ, как и все тюремное ведомство, а ГУЛАГ, в свою очередь, располагаясь на территории СССР, был государством в государстве, чудовищной машиной подавления всякого инакомыслия, пренебрежения всеми человеческими правами, машиной смерти, унесшей жизни сотен тысяч, а может быть, даже нескольких миллионов человек.

По площади Унжлагия сопоставима с территорией таких стран, как Дания, Нидерланды, Бельгия и Швейцария. Она включала в себя северо-запад Нижегородской области и огромный кусок области Костромской. Чтобы добраться от «столицы» УНЖЛАГа, поселка Сухобезводного, до его северного отделения на станции Поеж, нужно было ехать на поезде всю ночь. Но и здесь узкоколейка уходила еще дальше. Следы эти окончательно затерялись. Шпалы и рельсы поглотило ненасытное болото.

В то время Унженская железная дорога, длина которой составляла почти 200 километров, протягивала, как осьминог, свои щупальца по всем направлениям. Они заканчивались отдельными лагерными пунктами (ОЛП), располагавшимися, как правило, по берегам рек – Белый и Черный Лух, Каливец, Керженец, Лапшанга. Каждый из них обозна-

чался номером. Всего было то ли 25, то ли даже 30 ОЛП. Дело в том, что некоторые числились под одними и теми же номерами. Они делились почкованием по разным причинам. Когда, например, в «девятку» пришел эшелон с фронтовиками, находившимися в плену, но не сотрудничавшими с фашистами, они не могли ужиться с бывшими полицаями и изменниками родины. Началась такая бойня, что идеологических врагов пришлось развести по разные стороны колючки. Бывший конвоир В.П. Голубев вспоминал: «Охрана не могла их разнять. Фронтовики не хотели подчиняться полицаям, которые были назначены бригадирами и десятниками, старостами барачков».

Каторжные места

Официально УНЖЛАГ был создан 5 февраля 1938 года. Но это только на бумаге. На самом деле места для врагов отечества здесь рассмотрели давно. Петр I ссылал сюда непокорных стрельцов – тех, чьи головы остались целы, поскольку палачи, да и сам император, весьма преуспевший в рубке этих самых голов, зело приустиали. Впрочем, как говорят, ссылали сюда и раньше, вот только документов никаких не сохранилось.

Места здесь, конечно, самые каторжные. Глухие леса, болото на болоте, студены зимы. Тем не менее еще в 1913 году Николай II распорядился проложить железнодорожную ветку через разьезды Каменный Овраг – Перехватка. Увы, не вышло. Началась Первая мировая война. Но поселок Сухобезводное возник именно в это время. В 1918 году, несмотря на разруху, началось строительство железной дороги Горький – Котельнич. Уже в следующем году пригнали сюда закоренелых врагов большевиков – буржуев, священнослужителей, интеллигенцию, офицеров царской армии. Они и прокладывали рельсы.

Бесплатный труд заключенных использовался и потом. В 1932 году, когда создавался Ветлужско-Унженский лесхоз, шефом которого был ОГПУ, и годом позже, когда возникла потребность в заготовке дров для Нижнего Новгорода, Москвы и древесины для Балахнинского бумажного комбината, был теперь уже официально создан лесозаготовительный лагерный пункт. Он-то и стал прообразом УНЖЛАГа. Но тут немало спорных моментов. Скорее всего, УНЖЛАГ как таковой появился на свет еще на рубеже 20-х и 30-х годов прошлого века. Жители деревень Большая и Малая Торзать постоянно видели кружащиеся над тайгой аэропланы, занимавшиеся аэрофотосъемкой. Тогда же сюда высадили десант раскулаченных. Они вырубали лес, выкорчевывали пни, обносили расчищенное место забором, ставили сторо-

жевые вышки. Основатели Унжлагии жили сначала в палатках, потом в щитовых бараках. Строились служебные помещения, клуб, баня, магазин, жилые дома для офицеров охраны и их семей, общежитие для вольнонаемных.

В начале Великой Отечественной, когда Беломорканал стали бомбить немцы, лагерь в Кеми на баржах вывезли в УНЖЛАГ. Это был период его расцвета. Вскоре в Сухобезводном появились двухэтажные здания управления лагерем, штаба воинской части, трех школ – средней, семилетней и начальной, больницы, детского сада и детских яслей, типографии, новые жилые дома, дороги, мост и даже сквер.

УНЖЛАГ просуществовал до 1960 года. Однако и сегодня в Сухобезводном по-прежнему ээки есть. И не только бывшие, оставшиеся здесь после отсидки. Зона, как была, так и остается действующей.

«Бесовские» происки

О том, что на севере Нижегородского края происходили какие-то мистические вещи, свидетельствовал еще в XIX веке писатель Андрей Мельников-Печерский – у его матери было здесь имение. В газете «Нижегородские губернские ведомости» можно встретить рассказы о «бесах», в которых якобы превратились языческие божества мордвы и марийцев.

Но с приходом к власти большевиков «бесы» поменяли свое обличье и ориентацию. Они разделились на узников УНЖЛАГа и их охранников. И сегодня здесь происходит такое, что Мельникову-Печерскому не могло привидеться даже в самом кошмарном сне. В местах, где ээки валили лес, слышат их голоса, визг пилы и стук топоров, что-то мелькает среди деревьев...

Старожилы рассказывают, что перед войной в небе пронеслось что-то огромное, огненное. Была зима, звука падения не было слышно. Охотники потом искали метеорит, но ничего не нашли. А ведь если это был небесный пришелец, он оставил бы что-то вроде кратера. Может быть, именно это загадочное происшествие и стало причиной аномальных явлений? Там, где когда-то были ОЛП, и часы останавливаются, и стрелка компаса пляшет, как сумасшедшая.

Структура УНЖЛАГа

В 30-х годах прошлого века в Горьковской области функционировали и другие лагеря – в Буреполоме, Ветлуге, Варнавино, Сарове и три «кочующих», которые строили автомобильные и железные дороги. Они меняли свои названия и до официального возникновения

УНЖЛАГа были в основном ликвидированы за исключением Саровского и Буреполомского.

Главным принципом УНЖЛАГа уже тогда стала четкая специализация. Каждый лагерь занимался своим делом. В основном, конечно, речь шла о лесоповале, деревообработке, сплаве леса. Но «четверка» принимала новоприбывших и сортировала их по лагпунктам, на «семерке» располагалась больница, в лагпункте № 12 изготавливали сельскохозяйственный инвентарь, в ОЛП № 9 находились немецкие военнопленные, а ОЛП № 11 называли «человеческой свалкой», куда переводили доходяг, которые находились на грани жизни и смерти. 18-й лагпункт был штрафным, куда отправляли провинившихся. Редко кто оттуда возвращался живым.

А на других ОЛП жизнь была ключом, правда, нередко доставая по голове. Здесь занимались овощеводством, работали две швейные фабрики, ремонтно-механические мастерские, выпускались шпалы, мебель, лыжи, корпуса для часов, обувь, кирпич, гончарные изделия, было организовано техническое обслуживание железнодорожного транспорта и колесной техники. Как и в феодальных княжествах, натуральное хозяйство помогало выжить в этих суровых краях в то суровое время.

Феодализм как высшая стадия социализма

В каждом лагпункте была своя иерархия как среди лагерного начальства, так и среди заключенных. Верхушка, куда входили смотрящие, бригадиры, десятники, отчасти стукачи, пользовалась некоторыми льготами. В число придурков входили те, кто был занят легкой работой – плановики, нормировщики, медперсонал, санитары, кладовщики, каптерщики. На самой низшей ступени этой лестницы располагались работяги. У них не было никаких льгот и тем более прав.

После того как я прочитал мемуары писателя Льва Копелева «Хранить вечно» о его пребывании в УНЖЛАГе, я понял, что он причислял себя к лагерной элите. Когда бывшего майора Красной армии назначили помощником начальника лагеря по быту, то есть завхозом, и дали дополнительный паек, Копелев стал вести себя совсем по-другому, чем раньше. Вот фрагмент из его книги: *«В этот вечер я сидел в столовой за особой перегородкой, ел порошоквый омлет, тушеную картошку, куски жирной селедки. За перегородкой толпились доходяги в грязно-серых бушлатах, смотрели неотрывно, одни потухшими, пустыми глазами, у других хищно проблескивала злая, жадная зависть. Дневальные, такие же доходяги, отгоняли их бра-*

ню и пинками. Я старался не глядеть в ту сторону, не слушать. Великолепная, давно невиданная пища! Когда увидел, почуял запах, даже дыхание перехватило от блаженной радости. Но глотать было трудно и с отвычки, и от боли в горле, в скулах, и от хриплых вздохов за спиной.

– Дай миску помыть, слышь, дядя... браток... папаша... Дай хоть понюхать».

Комментировать это я не буду. Слов нет.

О зависти к лошадям

Лес в УНЖЛАГе перевозили в основном по железной дороге или сплавлиали по рекам. Колесной техники имелось всего ничего – только 30 единиц, причем машины были оснащены газогенераторными двигателями и часто выходили из строя. Основным, конечно, был гужевой транспорт. Один из эзков, Юрий Васищев, писал домой во Владимир: «Мечтаю стать лошадью. Они работают всего по шесть часов, все остальное время отдыхают».

Тракторов-тихоходов, максимальная скорость которых составляла всего 7 километров в час, было меньше десятка. Они могли тащить в прицепе только 10 тонн древесины, поэтому основная масса работы выполнялась вручную. Каждый зек должен был выдать на-гора за день 7, а потом и 10 кубометров обработанной и соштабелеванной, готовой к отправке древесины.

Они от дистрофии не умирали

Среди эзков попадались бывшие партийные бонзы, государственные чиновники, генералы, люди науки и искусства, литераторы. По свидетельству Льва Копелева, который после УНЖЛАГа стал «одношарашечником» Александра Солженицына, была даже одна балерина по имени Сонечка – жена командующего корпусом, расстрелянного в 1937 году. Мне удалось выяснить, что мужем этой женщины был корпусной комиссар, начальник 1-го отдела разведуправления РККА Отто Оттович Штейнбрюк, который проходил по делу Михаила Тухачевского, но о его супруге так ничего и не узнал. Вероятно, она, как это часто бывает у артистов, не переменяла свою девичью фамилию при замужестве или выступала под сценическим псевдонимом.

Из творческих работников, попадавших в Унжлаг, как, впрочем, и в другие лагеря, самыми большими льготами пользовались именно

артисты. Они были востребованы. С пилой и топором дел не имели, от дистрофии не умирали. Николай Николаевич В. в годы оккупации пел в концертах для немцев в Минске, даже гастролировал в Берлине. Ему впаляли десять лет, и большую часть срока певец числился санитаром в больнице. Он и руководил всей художественной самодеятельностью. Под его началом находились два оркестра народных инструментов, духовой оркестр, джаз-группа, кукольный кружок, музыкальные кружки, готовящие баянистов, аккордеонистов, скрипачей, пианистов. Были в лагере детская опера, детский балет, театральная студия. Ее возглавлял бывший киноактер Рой.

Тенор Николай Ш. отбывал свой пятилетний срок за анекдот, рассказанный в незнакомой компании, где нашлось сразу два стукача. Николай был красив собой, и в него влюбилась дочь начальника лагеря полковника М.Г. Почтарева. Когда это произошло, певцу до освобождения оставалось всего несколько недель, но рассерженный отец пригрозил, что наматывает новый срок, если тот не одумается. И Коля, конечно, одумался. Но жить в Москве ему все равно не разрешили, и о его дальнейшей судьбе ничего не известно. В любом случае со сценой она была не связана.

Особой популярностью у эзков пользовались частушки. Лагерные поэты выдавали на-гора что-нибудь типа этого:

*Меня милый фаловал,
Про любовь мне толковал,
А я сидела – слушала,
четыре пайки скушала.*

Но начальник культурно-воспитательной части объявил их идеологически вредными и запретил исполнять. Сочинителям было предложено не подражать блатным песням, а чаще посещать библиотеку, чтобы там знакомиться с настоящей русской поэзией. И кстати, библиотека в УНЖЛАГе была очень приличная. Ее привезли сюда с Беломорканала. Имелись прижизненные издания сочинений Александра Пушкина и Николая Гоголя, подшивки дореволюционных журналов, книги, выпущенные Сытиным. Увы, пожар в библиотеке, которая осталась в Сухобезводном после расформирования УНЖЛАГа, уничтожил все эти раритеты.

Идеологически неправильный Федоров

Были в УНЖЛАГе и поэты известные. Это прежде всего Василий Павлович Федоров.

Россияне больше знакомы с творчеством другого Федорова, тоже Василия, но Дмитриевича. Тот писал идеологически правильные стихи, вступил в ВКП(б), его приняли в Союз писателей. Стихи его тиражировали десятками тысяч экземпляров.

С точки зрения тогдашних цензоров, Василий Павлович Федоров сочинял стихи идеологически неправильные. Он родился в Перми в августе 1883 года. Был потомственным дворянином, в 1909 году окончил естественный факультет Казанского университета, преподавал в гимназии. В 20-е годы прошлого века заведовал кафедрой физики Энергоинститута на Днепрострое, работал в Ташкенте и Баку.

Но физика неожиданно потянула на лирику. Зная несколько иностранных языков, Федоров занялся переводами. Свои же собственные стихи он не показывал никому. Потому что не приветствовал приход к власти большевиков. Он примыкал к неоклассикам, присоединился к так называемому Ордену Дерзо-Поэтов, в котором Федоров даже получил одну из руководящих должностей. Но на этом литературная деятельность Федорова прекратилась. Он был арестован по доносу перед Великой Отечественной войной за то, что в частном разговоре хвалил поэзию Сергея Есенина, стихи которого тогда были запрещены. Его признали виновным в антисоветской пропаганде и агитации и осудили на 6 лет. 15 декабря 1942 года Федоров умер в УНЖЛАГе от дистрофии.

Василий Федоров до сих пор не реабилитирован. Архив поэта во время следствия был уничтожен. Кое-какие стихи сохранил Георгий Шенгели. Вот одно из них:

*Мы достигли заветных исканий,
Претворили в действительность миф, –
И сердца наши – хмурые камни,
И мечты наши – мертвый залив.
Мы живем словно в темном вертете,
Забываем созвучия слов...
В наших душах один только пепел
Никому не приснившихся снов.
Мы – недвижно-застылые боги
На пороге седьмого дня.*

*Сторожит нашу думу двурогий
Тонкий месяц, упавший в ивняк.
Подойди же, случайный путник, –
На властителей сказок взгляни,
И неси в твои трудные будни
Наших грез головыни.
Если можешь – засмейся над нами,
Если хочешь – молча пройди,
Но запомни: мы были огнями.
Но запомни: огонь впереди!*

Родственник безумного барона

Сегодня о том, что здесь находился один из самых крупных в европейской части страны лагерь, напоминает только ржавая колючка, покосившиеся сторожевые будки и развалины бараков. Даже и не верится, что здесь побывало в общей сложности около 300 тысяч человек, многие из которых нашли могилу вдали от родины. Голод, туберкулез, непосильный труд, эпидемии гриппа, цинги, дизентерии, других болезней уносили ежегодно сотни осужденных. На их место приходили новые и новые жертвы сталинского режима. Природа запомнила их страдания.

Однажды охотник Валентин Дубровин (это случилось в 1981 году) повстречал в глуши странного человека. Он был худ, оборван, сильно оброс, глаза горели безумием.

– Ты откуда такой? – спросил его Дубровин.

– Я – барон Унгерн, – заявил тот.

Дубровин в свое время изучал историю, знал, что барона-садиста расстреляли еще в 1921 году. И сказал об этом.

– Я не Роман Федорович, я – его племянник, сын его брата Константина. Я совершил побег из УНЖЛАГа. Плутаю по тайге пятый день. За мной погоня.

В этот момент послышался далекий лай овчарок, и барон скрылся за деревьями. Дубровин долго не мог прийти в себя после этого. Но никаких охранников с собаками он так и не увидел. Решил, что все это ему померещилось. Однако потом узнал, что племянник Унгерна действительно отбывал наказание неизвестно за что в одном из ОЛП.

Праправнук декабриста

УНЖЛАГ помнит своих обитателей, хотя и не всех. Здесь погибло много староверов, здесь заведовал гаражом Герой Советского Союза

танкист Анатолий Марунов, варил баланду для эков повар сталинской дачи В.И. Лабазер, валил столетние сосны отец космонавта Германа Титова Степан Павлович. Унжлагия принимала всех, но выпускала неохотно, порой оставляя навсегда.

Анатолий Павлович Марунов родился в селе Владимирском Воскресенского района Горьковской области, воевал с 1942 года. Тракторист быстро освоил премудрости вождения танка, отличился на Курской дуге, при форсировании Южного Буга и Днестра, при освобождении Молдавии, Румынии и Болгарии. За два дня – 17 и 19 февраля 1945 года – его тридцатьчетверка подбила 11 вражеских танков, 5 бронетранспортеров и штурмовое орудие. Анатолий Павлович умер в 1993 году, похоронен в Нижнем Новгороде на кладбище «Красная Этна».

Михаил Петрович Якубович (1891–1980) был праправнуком декабриста, капитана Нижегородского драгунского полка Александра Якубовича, племянником поэта Петра Якубовича. С юношеских лет участвовал в революционном движении, поддерживал меньшевиков. Это аукнулось ему в 1930 году. Был арестован, подвергся пыткам, признался во всех смертных грехах. В марте 1931 года его приговорили к 10 годам тюремного заключения.

Срок этот он отбывал в УНЖЛАГе, а после освобождения работал по найму. Но вскоре его снова арестовали и снова определили за решетку на такой же 10-летний срок. Кто так ненавидел Якубовича, непонятно. Отсидел он на два года больше положенного, после чего его сослали в Караганду. Мемуары Якубовича были использованы Александром Солженицыным в «Архипелаге ГУЛАГ» и Роем Медведевым в книге «К суду истории».

В УНЖЛАГе пытались перевоспитать и командира дивизии Николая Николаевича Литвинова. Он участвовал в Первой мировой войне, был награжден за храбрость Георгиевским крестом. В Красной армии командовал кавалерийским полком, а потом бригадой, занимал ответственные посты в РККК. В 1939 году был арестован как участник военного заговора и приговорен к 8 годам лишения свободы. С 1948 года работал на Московском ипподроме.

«Валя» пел в хоре?

Загадка жизни и смерти шведского дипломата Рауля Валленберга остается непроясненной и по сей день. Даже после того как было официально объявлено о его смерти в тюрьме на Лубянке. Похоже, это сообщение было очередной «липой».

В начале 90-х годов прошлого века в Нижний Новгород приезжал шведский ученый Сеппо Исотало, занимавшийся поиском следов пребывания на российской земле Рауля Валленберга. По его мнению, дипломата видели в одном из лагерей на территории Горьковской области.

Перед этой поездкой Исотало встретился с жительницей Брюсселя Натальей Шинкаренко, необоснованно репрессированной после Великой Отечественной войны. Она заявила, что летом 1955 года на встрече мужского и женского лагерей в поселке Сухобезводное Горьковской области Валленберг выступал в составе сводного хора как литовец Раулис Валленбергис. Исполнял он и песни на немецком языке.

У Шинкаренко сохранилась фотография хора. Один из заключенных, которого называли Валеи, действительно похож на шведского дипломата. Да и по возрасту вполне подходит. Кстати, есть версия, что Валленберг был жив до 1989 года – почему-то именно тогда, а не раньше его личные вещи, в том числе дипломатический паспорт, были переданы родственникам дипломата.

К сожалению, ответов на свои многочисленные вопросы в Нижнем Новгороде Сеппо Исотало так и не получил. В Сухобезводное его не пустили, сославшись на особый пропускной режим. И в результате появился еще один вопросительный знак.

Обезжиренные люди

Мне удалось установить связь с Натальей Ивановной Шинкаренко. Она рассказала о встрече с Раулисом Валленбергисом и подробно о том, что творилось в то время в УНЖЛАГе.

В Сухобезводном (в мужском лагере) за смену каждому зэку нужно было свалить дерево, обрубить на нем все ветки и сжечь, распилить лесину и соштабелевать кругляши, а толстые бревна расколоть. То есть норма выработки составляла 7 кубометров на брата. И это – в суровый мороз, при скудном питании и недостатке витаминов. Выполнявший норму получал 600 граммов хлеба в сутки, а тот, кто с ней не справлялся, – вполовину меньше.

«Вы не можете себе представить, – писала Наталья Ивановна, – а я это хорошо помню. Даже у нас, в женском лагере, по жилой зоне бродили толпы призраков, которых ветром сдувало. Их сопровождали лай овчарок, которых кормили значительно лучше зэков, мат-перемат и тычки конвоиров. А одеты мы были в рванину. Толь-

ко на время встречи с эсками из мужского лагеря нас переодели во все чистое, а потом эту одежду опять отобрали. И снова по лагерю бродили призраки. Они бросались на колючую проволоку, сквозь которую пропускался электрический ток. Таких случаев в 1954 году в Сухобезводном было зафиксировано четыре. К этой цифре надо приплюсовать еще пять самоубийц (это только у нас, в женском лагере)».

Как писала Шинкаренко, зимой 1955 года в мужском лагере вспыхнула эпидемия цинги, многие болели пневмонией, но их никто не лечил. Каждый день кто-нибудь умирал. Перед обедом дежурный надзиратель подходил к бараку и кричал:

– Жмурики есть?!

Слышно это было и в женском лагере.

Если мертвецы имелись, тюремщик искал желающих, кто за пайку умершего вытаскивал трупы и штабелевал их буквально в ста шагах. Копать могилы в промерзшей земле никто бы не взялся. И никто не знает, выжил ли в таких нечеловеческих условиях литовец Раулис Валленбергис, так похожий на шведского дипломата.

«Жены» Тухачевского

Жен врагов народа отправляли, как правило, в Акмолинск. Но бывали и исключения из правил. Бывшие эски рассказывали, что в УНЖЛАГе отбывала свой срок одна из жен расстрелянного Михаила Тухачевского, а Лев Копелев упоминает о четырех «женах» маршала, которые объявляли себя таковыми. И не бывает дыма без огня. Михаил Николаевич пользовался успехом у женщин, и о точном количестве его жен и любовниц можно выдвигать только всевозможные версии. При этом почему-то красавец маршал предпочитал иметь дело с замужними женщинами.

Достоверно известно следующее. Первой законной супругой Тухачевского стала Марина Игнатьева. Но она, приревновав мужа к какой-то другой женщине, застрелилась в штабном вагоне Тухачевского. Второй, на этот раз гражданской, женой стала некая Лика (Лидия), дочь лесника или лесничего по имени Евгений Иванович, фамилия не установлена. Она родила от Тухачевского дочь Ирину, которая вскоре умерла от дифтерии. Лика сама ушла от Тухачевского после того, как узнала о его связи с Татьяной Чернолусской. Но Михаил Николаевич выбрал третий вариант – жену военачальника Дмитрия Павлова, расстрелянного потом, в самом начале Великой Отечественной войны.

Однако роман этот продолжался недолго, и Вера Александровна вышла замуж за заместителя начальника разведуправления РКК Василия Давыдова. А у Тухачевского появилось новое увлечение – жена заместителя начальника разведки при Главном морском штабе Лариса Гусева. Впрочем, и этот роман долго не длился. Тухачевский познакомился с подругой Ларисы Ниной Гриневич, женой другого военачальника, Лазаря Аронштама, тоже, кстати, репрессированного вместе с Тухачевским и Давыдовым.

Этот брак многим казался счастливым. Родилась дочь Светлана. Но вскоре, не оформляя развод, последователь Казановы переметнулся к Юлии Кузьминой, которая тоже была замужем за военным. Она тоже родила дочь, которую в очередной раз назвали Светланой. Разница между Светланой-1 и Светланой-2 составляла два года. Судьба этой девочки неизвестна.

Дальше у Тухачевского были непродолжительные связи со многими женщинами – женой наркома внутренней торговли СССР Израила Вейцера Натальей Сац, которая работала главным режиссером Центрального детского театра, француженкой Жозефиной Гинзи, вдовой Максима Пешкова Надеждой по прозвищу Тимоша, женой военноморского атташе в Берлине Михаила Воронцова Лидией и, вероятно, с актрисой Верой Давыдовой и другими, о которых история умалчивает.

Возникает естественный вопрос: кто из этих жен и любовниц мог оказаться в УНЖЛАГе? Выяснилось, что практически все, и я стал действовать методом исключения. Нина Евгеньевна Гриневич находилась в лагере в Мордовии, потом ее, по словам внучки Тухачевского Нины Степановны, расстреляли в Орловской тюрьме. Все другие арестованные женщины, так или иначе связанные с Тухачевским, либо были сосланы, либо отбывали наказание в других лагерях.

Выходит, молва о «женах» Тухачевского – миф? Не совсем. Когда я ознакомился со списком расстрелянных под Орлом в 1941 году, я обнаружил, что Нины Гриневич в нем нет. Как же так? Получается, что Нину Степановну Тухачевскую кто-то сознательно ввел в заблуждение? Следы ее бабушки прослеживаются в ТЕМЛАГе в 1942 году, то есть она была еще в то время жива. А слухи о пребывании жены маршала в УНЖЛАГе как раз датируются 1942 годом. Может быть, узницу просто перевели из одного лагеря в другой?

Не все ясно и с Юлией Кузьминой. Она была приговорена к 8 годам лишения свободы, а по освобождении, в 1946 году, отправлена в ссылку сроком на 5 лет. Но и тут какая-то путаница. В одних источни-

ках утверждается, что она умерла в лагере. Но как это могло случиться, если Кузьмина находилась в ссылке? Есть резон предположить, что из ссылки ее опять водворили за колючку – на этот раз в УНЖЛАГ, что она умерла именно здесь.

Из воспоминаний бывших узников УНЖЛАГа

Василий Макарович Пашин:

«Кормили нас плохо: 400 г хлеба в день, баланда. Жиров никаких не давали, а норма выработки 7–10 кубометров древесины. Если не выполняли норму несколько дней, сажали в изолятор, в крохотное помещение, где 10–15 человек могли только стоять. Стояли всю ночь, а утром – на работу. В любую погоду. С собой брали две пары лаптей, но их на смену не хватало.

Михаил Иванович Тюкалов:

«Лес валили вручную. Инструменты: пила-поперечка, пила-лучевка, топор. Все несли на себе в делянку. Начальником санчасти была жена начальника лагеря. Она отправляла на работу всех, кто хотя бы чуть-чуть ходил. По дороге от простуды и голода умирали по 6–8 человек в день. Умерших несли на носилках до зоны. Сначала трупы складывали в землянку, а ночью хоронили. Те, кто оставался в зоне, делали подкоп к землянке, вырезали внутренности умерших, варили и ели, чтобы не умереть от голода. Ночью вырывали неглубокую ямку «могилу», слегка засыпали землей или снегом, ставили деревянный крестик и номер статьи. Фамилии, имена писать было запрещено».

Николай Фомич Поцик:

«В 1949 году был страшный голод. Хлеба давали 50 граммов утром и 50 – вечером. Суп – листик зеленой капусты, вода, ложка растительного масла. Однажды привезли соленую кильку и селедку и давали без нормы. Голодные люди набросились на еду и стали пухнуть от соли и воды. Смертность была жуткая. Мертвых вывозили машинами».

Анатолий Александров не был узником УНЖЛАГа. Здесь отбывал срок его отец. Это написано как бы от его имени, от имени всех, кто здесь погиб:

*Что знаешь ты, страна, о нашей горе?
Быль не дойдет ни в песне, ни в письме.*

*Нас тысячи невинных – на Печоре,
На Енисее и на Колыме.
На рубку леса ходим под конвоем,
Едим баланду. Каторжный режим.
И в мерзлоте могилы сами роем,
И сами в них, погибшие, лежим.*

В местах, где раньше вручную валили лес, сегодня мало кто бывает. И порой здесь видят что-то вроде фильмов без звука. Вот бригада зэков несет огромное бревно к себе на делянку, вот хлебает баланду, вот хоронит умерших... Говорят, что в Тоншаевском районе видели какую-то странную полупрозрачную деревню. Вспомнили: когда-то звалась она Малая Куверба. Только вот и следа от нее не осталось, ни уголька.

По материалам зарубежных СМИ

Легендарные тюрьмы, знаменитые заключенные и знаменитые преступления

Покушение на короля-педофила

Кто был этот печально знаменитый Дамьен?

Дамьен попытался с помощью перочинного ножа убить короля-педофила Людовика XV. Несмотря на то что ему удалось его лишь слегка поцарапать, парламент приговорил неудачливую цареубийцу к четвертованию. Мучительная казнь длилась четыре часа.

5 января 1757 года Робер-Франсуа Дамьен без особого, к слову сказать, желания, попытался убить Людовика XV. С помощью перочинного ножа можно ли вообще кого-то убить? И даже сам король не желал, чтобы Дамьена за это казнили. Но парижский парламент без всякого колебания приговорил покушавшегося к четвертованию. Откуда такая ненависть? Кто был этот печально знаменитый Дамьен, которого Вольтер объявил душевнобольным? Действительно ли он был божьим человеком, юродивым или просто обычным, нормальным человеком, чью юную дочь изнасиловал Людовик, любитель маленьких девочек?

Дамьен родился в 1715 году, около города Арраса, на севере Франции. На момент описываемых событий ему исполнилось 42 года. Сын почти разорившегося крестьянина, он приезжает в Париж и работает в качестве слуги то у одного, то у другого богатея, многие из которых, кстати, являются высокопоставленными чиновниками в парижском парламенте. Он женится на кухарке, которую зовут Элизабет и которая рождает ему дочь Мари. В период этих страшных событий ей едва исполняется 18 лет. Соседи описывают Дамьена как довольно образованного и великодушного, но одновременно жестокого и нетерпеливого человека. В церковном сообществе янсенистов он примыкает к тем, кто весьма критично относится к королю. Летом 1756 года Дамьен ворует сбережения у своего последнего хозяина, торговца винами, и

сбегает на север страны, где прячется у брата и сестры. В конце концов он, даром что его усиленно ищет полиция, 31 декабря 1756 года возвращается в Париж повидать жену и дочь. Через несколько дней он направляется в Версаль, куда и прибывает в крытой карете 4 января в 3 часа ночи. На следующий день, примерно в 4 часа, Дамьен бродит в окрестностях Версальского замка. Он здесь не один – дворец открыт для публики, и каждый день тут толпятся сотни просителей всех мастей в надежде увидеть короля. На улице стоит легкий морозец.

«Не причиняйте ему вреда»

Дамьен узнает, что Людовик XV приехал навестить одну из своих дочерей, которая, так уж случилось, заболела, а от нее он сразу же отправится в Трианон, где его ожидает мадам де Помпадур. Дамьен прячется в уголке у подножия лестницы, ведущей к выходу из дворца. Без двадцати шесть вечера появляется король в сопровождении своего сына, гвардейцев и различных вельмож. Когда король готов уже сесть в поджидающую его карету, Дамьен устремляется вперед, расталкивает толпу, чтобы нанести ему удар сзади. Оружие у него, надо сказать, никудашнее: это далеко не кинжал и даже не какой-нибудь более или менее опасный нож. Это перочинный ножичек с двумя лезвиями. К тому же он применяет меньшее из них, которое служит для зачистки гусиных перьев. Лезвие едва достигает восьми сантиметров в длину, а поскольку на короле надета куча мехов (на дворе же январь и довольно холодно), то лезвие лишь царапает ему кожу, нанеся ранку глубиной от одного до двух сантиметров. Совершив этот поступок, Дамьен вытирает лезвие, складывает его и кладет перочинный ножик в карман.

Почувствовав что-то неприятное, Людовик, удивленный, оборачивается. «Меня кто-то ударил кулаком», – говорит он. Затем он сует руку под одежду и вынимает ее всю в крови. «Я ранен!» – восклицает монарх. Оторвав взгляд от руки, он видит прямо перед собой Дамьена в надвинутой на глаза шляпе. «Этот человек ударил меня, – говорит король, – арестуйте его, но не причиняйте ему вреда!» Затем он возвращается в свои апартаменты, снимает меха и видит, что крови довольно много. Его любимая болонка от страха удирает со всех ног. Король даже теряет сознание. Придя в себя, он думает, что вот-вот умрет. Людовик вызывает духовника, чтобы исповедоваться, завещает сыну править королевством и просит прощения у жены Марии Лешинской за все обиды, которые он ей причинил.

Замешательство прево¹

Дамьена сразу же скручивает один из королевских телохранителей и сдает под охрану версальским гвардейцам. Те пинками заталкивают его в комнату охраны, обыскивают, слегка мутузят и требуют объяснений. А Дамьен без устали повторяет одно и то же: «Защитите наследника престола; пусть наследник никуда не выходит целый день!» Почему? Дамьен молчит. Гвардейцы спрашивают, есть ли у него сообщники. Чтобы добиться быстрого признания, они используют свой любимый метод: сжимают раскаленными щипцами лодыжки и ступни. Прибывший прево прерывает это занятие и забирает узника с собой. Потому что только прево осуществляет правосудие в Версале. В это время срочно вызванный королевский лекарь г-н де Ла Мартиньер констатирует, что рана у короля поверхностная. На всякий случай он пускает ему кровь – универсальное средство в те времена. Обрадованный, что все так хорошо закончилось, государь готов простить своего обидчика, но тот уже не в его власти. Прево приказывает арестовать не только самого Дамьена, но и всю его семью (отца, жену, дочь, братьев, сестер, дядей, тетей...) – короче, всех родственников как в Париже, так и на севере страны, откуда Дамьен родом.

До 14 января Дамьена держат под стражей в Версале. Прево тем временем организует судебный процесс. Но он в замешательстве. Король решает передать дело в парижский парламент, который на все голоса требует, чтобы цареубийца предстал именно перед ним. Напомним, что в те времена правосудие в Париже осуществлял именно парламент. Но ведь преступление же было совершено в Версале! Почему же, черт их возьми, недоумевает прево, парижские парламентарии требуют цареубийцу к себе? И самое главное: король-то с какого перепугу идет им на уступки, тем более что находится в постоянной войне с парламентом?

Педофильская гипотеза

Вот какую гипотезу выдвинула известная эссеистка и историк Марион Сиго. Пристегните ремни безопасности! Дамьен находился в услужении у многих парламентских деятелей и, соответственно, знал все их секреты. Самый худший из всех этих секретов состоял в том, что парламент осуществлял «поставку» тысяч детей (и девочек, и

¹ Прево – королевский чиновник, выполнявший на вверенной ему территории судебные функции.

мальчиков) для сексуальных утех. Брали всех этих детей в парижском госпитале, находившемся как раз в ведении парламента. Тяжкое обвинение. Но достаточно реальное. В конце концов король, которому надоело это все выслушивать, потребовал от парижского архиепископа, чтобы тот взял этот госпиталь под свое покровительство. Если бы суд состоялся в Версале, то Дамьен мог бы рассказать много чего интересного об этом «парламентско-педофильском лобби», поэтому парламентарии и постарались, чтобы дело передали им. При «правильном» ведении процесса никто не стал бы задавать ненужных вопросов.

Король соглашается удовлетворить просьбу «народных избранников», потому что за ним самим числится немало грешков: уж очень он обожает маленьких девочек... Надо сказать, что в том, что касается сексуального влечения, Людовик переплюнул самого Берлускони. Да и королевская любовница – мадам де Помпадур – обожала забавы с участием «малолеток». Короче, король был еще тот педофил. Еще в 1750 году дочь Дамьена, которой тогда было всего лишь 11 лет, неоднократно доставляли к королю понятно зачем. Вот почему Дамьен, шокированный таким королевским поведением, хотел наставить его на путь истинный, используя в качестве метода ложное покушение на убийство. Естественно, что у него и в мыслях не было убивать короля. Только проучить! Вдруг да и отстанет монарх от «малолеток». Возможно, все было действительно так. А может быть, прав был Вольтер, который утверждал, что Дамьен был всего-навсего сумасшедшим.

«Это придаст мне сил»

В ночь с 17 на 18 января Дамьена в сопровождении нескольких сотен солдат перевозят из Версаля в тюрьму Консьержери. А парижанам на это время «под страхом смерти» даже запрещают подходить к окнам. Преступника под усиленной охраной помещают в одну из башен тюрьмы. Его охраняют несколько десятков солдат, как если бы он пытался совершить государственный переворот. Просто бред какой-то! Поскольку у Дамьена болят сожженные версальскими стражниками ноги, его бросают на грязный матрас, находящийся на небольшом возвышении. А чтобы доставить в парламент, его кладут во что-то типа гамака, который таскают на себе стражники.

Для проведения расследования парламент назначает четырех специальных комиссаров, которые неустанно его допрашивают, а Дамьен лишь повторяет, что он никогда не желал убить короля, а рану нанес лишь для того, чтобы «предупредить его» и «заставить вспомнить о том, что он король и должен исполнять свои королевские обязанно-

сти». Если он и обвинял еще в чем-то короля и парламент, то Марион Сиго не удалось эти обвинения обнаружить. Впрочем, она утверждает, что все протоколы допросов сфальсифицированы. Как бы там ни было, 28 января Робер-Франсуа Дамьен по обвинению в оскорблении величества приговаривается к смерти путем четвертования. Как только был вынесен приговор, Дамьен тут же подвергается допросу с пристрастием, то есть пытке.

Тут требуется небольшое уточнение: в те времена пытка применялась после вынесения приговора. Уже тогда понимали, что под пыткой любой признается, в чем угодно. Поэтому пытки применяли после того, как признавали обвиняемого виновным. Зачем? А чтобы он, будучи официально виновным, выдал сообщников. Итак, к Дамьену применяют так называемый «испанский сапог». Чем больше сжимаются деревянные колодки, тем сильнее он кричит. Ему дают попить воды, а он просит разбавить ее вином: «Это придаст мне сил», – шепчет бедняга. Дамьена продолжают пытать, он кричит все сильнее и наконец выдавливая из себя имена двух предполагаемых сообщников, которых, впрочем, признают невиновными. Спустя полтора часа врачи приказывают прекратить экзекуцию. Не хватало еще, чтобы он потерял сознание или, что еще хуже, умер: спектакль ведь надо закончить с помпой – четвертовать! Дамьена кладут на его окровавленный матрас и относят в часовню, чтобы он мог получить от священников последнее утешение и исповедаться в грехах.

Палач: мальчишка!

К трем часам дня Дамьена везут к месту казни. По дороге процессия заезжает в собор Парижской Богоматери, чтобы несчастный царевубийца мог помолиться. На голое тело надета длинная белая рубаха, а в руке – пропитанный воском факел. Затем на телеге его везут к городской ратуше. Народу – море, толпы заполняют все улицы. У ратуши Дамьен вновь заявляет, что его жена и дочь невиновны и что он действовал сам, без всяких сообщников. Уже поздно, на улице почти ночь, необходимо начинать последний акт, не затягивая. Тысячи любопытных окружают эшафот. Окна в близлежащих домах все заняты зрителями. В одном из окон можно даже увидеть знаменитого лове-ласа Казанову. В своих «Воспоминаниях» он описывает невероятную сцену. Вот он вместе со своим другом Тиретой и двумя дамами из высшего общества высовываются, чтобы лучше видеть, из окна. Невероятно, но во время казни Тирета «приклеивается» сзади к более пожилой из двух дам, задирает ей юбку и... ну, понятно. Старушка

возмущена, но счастлива. Делая вид, что ничего не замечает, она с удовольствием наблюдает сцену казни, как если бы сзади у нее ничего не происходило...

По графику сегодня палачом работает Шарль-Анри Сансон, тот самый Шарль-Анри, который через тридцать лет казнит Людовика XVI, Дантона, Робеспьера и тысячи других жертв Великой французской революции. А в 1757 году ему всего лишь 18 лет, это еще плохо обученный мальчишка, который только-только унаследовал должность своего отца. И этот Дамьен для него – еще тот подарочек! Палач жутко боится – опыта-то никакого нет, он почти парализован от страха: ведь это первое во Франции четвертование со времен Равальяка², которого казнили таким же образом аж в 1610 году! А отца-то – крупного специалиста в деле казней – рядом нет, он уже на пенсии. В конце концов ему на помощь приходит дядя Габриэль Сансон, тоже палач, исполняющий приговоры в Реймсе. Но и у дяди нет опыта четвертования. Что делать? Они срочно разыскивают некоего Субиза, квалифицированного консультанта в области пыток. А тот настолько пьян с самого утра, что попросту забыл купить все необходимое для казни: воск, свинец, масло, ну и остальное... Двух помощников палача немедленно посылают в соседнюю бакалейную лавку прикупить недостающее. Но толпа, которая на стороне бедного Дамьена, задерживает их и мешает совершить необходимые покупки. Приходится вызывать солдат.

Жуткая казнь

Наконец все готово, и спектакль может начинаться. Первым делом необходимо разобраться с правой рукой Дамьена, которой он нанес удар королю. Габриэль Сансон силой окунает ее в горящую серу. Раздается жуткий вопль. Помощник палача раскаленными щипцами терзает ноги, руки и грудь осужденного. Крики несчастного не стихают. Затем на раны льются горячая смола, кипящее масло и расплавленный свинец. Плохо уже не только Дамьену, но и всей толпе, которая тоже пытается помочь справиться с болью, испытываемой цареубийцей. Догадайтесь как? Криками! Настает время перейти к заключительной части казни: расчленению. Король чуть ли не умолял судей, чтобы Дамьена предварительно задушили, но человеколюбивые судьи не согласились с сувереном и решили, что осужденный должен пройти через все муки ада.

Молодой Сансон подводит четыре лошади, которых он специально купил заранее для казни. Помощники палача привязывают веревки

² Равальяк – убийца короля Франции Генриха IV.

ко всем четырем, уже омертвевшим, конечностям Дамьена веревки. К несчастью, рядом нет никого, кто бы подсказал палачу, что надо перерезать сухожилия, чтобы руки и ноги быстрее оторвались. В результате, лошади тянут изо всех сил, осужденный издает леденящие кровь крики, а руки и ноги все не отрываются! И длится это в течение доброго часа. Толпа уже изнемогает. Спектаклю по своей жестокости нет равных.

Изгнание

В результате приходится вмешаться присутствующим врачам, которые советуют перерубить суставы с помощью топора. Палач, сам уже мокрый от натуги, тут же производит эту операцию. Клячи вновь начинают тянуть в разные стороны. Сначала удается оторвать одну ногу и одну руку. А Дамьен все не теряет сознание и продолжает кричать. Спектакль становится все более невыносимым... Со второй попытки лошадям удается оторвать вторую ногу. Дамьен все еще жив. И только когда отрывается вторая рука, он испускает дух. Врач подходит к туловищу, чтобы убедиться, что осужденный мертв, и после этого все, что осталось от казненного, включая четыре оторванные конечности, бросается в огромный костер. Толпа с облегчением испускает всеобщий вздох.

Так заканчивает свою жизнь тот, кто хотел всего лишь предупредить короля-педофила о необходимости вести праведную жизнь. Отец казненного, его жена и дочь отправляются в изгнание навечно. Отец укрылся в Бельгии, а жена и дочь обустраиваются в Германии. Братья и сестры цареубийцы вынуждены сменить фамилию. Дом, в котором Дамьен родился, по приказу властей сравнивают с землей. А Людовик XV продолжает свои сексуальные утехи, как если бы ничего не произошло...

Циньчэн – тюрьма для китайской элиты

Тюрьма, в которую отвезут Бо Силая³, предназначена для «оступившейся» коммунистической элиты. Сам Бо Силай – бывшая звезда

³ Бо Силай – бывший китайский политик и деятель правящей Коммунистической партии. Состоял в 17 созыве Политбюро ЦК КПК (2007–2012). С 2004 г. по ноябрь 2007 г. занимал пост министра торговли, в период с 2007 по 2012 г. служил секретарем парткома в городе Чунцин. Считался вероятным кандидатом на пост одного из девяти членов постоянного комитета Политбюро ЦК КПК. В результате серии скандалов потерял все свои должности. Исключен из партии и осужден к пожизненному лишению свободы. Вину не признал. Ранее, 20 августа 2012 г., жена Бо Силая Гу Кайлай была признана виновной в преднамеренном убийстве и приговорена к смертной казни с отсрочкой приговора на два года.

первой величины, упавшая с китайского небосклона, – также получит роскошные условия в этой тюрьме, скорее похожей на первоклассный отель. Единственное, что здесь напоминает о том, что это все-таки тюрьма, – круглосуточная охрана и наблюдение.

Спрятанная среди лесистых холмов в северных окрестностях Пекина, тюрьма Циньчэн со своим огромным, естественно, в китайском стиле, входом, по сторонам которого круглосуточно стоят два охранника, является именно тем местом, куда, судя по просочившимся сведениям, и прибудет бывший член всемогущего Политбюро Центрального комитета Китайской компартии, приговоренный 22 сентября 2013 года к пожизненному заключению за коррупцию и злоупотребление служебным положением.

Циньчэн окружена высоким серым забором, но, как можно видеть снаружи, поверху нет никакой колючей проволоки. Нет здесь и сторожевых вышек.

– Это совсем как отель «пять звезд», – говорит не без горькой иронии Бао Тонг, бывший секретарь постоянного комитета Политбюро Китайской компартии.

Он сам провел в этой тюрьме семь лет за то, что выступил против применения репрессий в отношении участников демократического движения, выступивших в 1989 году на площади Тяньаньмэнь. Ту демонстрацию власти утопили в крови.

В этой тюрьме начиная с 1960 года побывали практически все высшие партийные функционеры, осужденные за действительные или мнимые преступления. Здесь заключенным предоставляются просторные камеры, в которых установлены удобные кровати, диваны, письменные столы. В каждой камере есть и ванная комната. Увидеть все это, конечно, невозможно, но то, что условия здесь именно таковы, рассказывают многие бывшие узники этой тюрьмы.

– Я была приятно поражена, когда зашла в предназначенную для меня комнату, – вспоминает Дай Кин, приемная дочь маршала Е Цзяньиня.

В Циньчэне она провела десять месяцев за то, что поддержала участников движения на площади Тяньаньмэнь. Как пишет в своих воспоминаниях Дай Кин, камера, в которую ее поселили, имела площадь около 20 квадратных метров, «с высоким потолком... и даже с ванной». Что касается охранников, то они к ней относились «с теплотой и вниманием», а сам директор тюрьмы «напоминал моего старого школьного учителя».

По рассказам «бывших», заключенные в этой тюрьме одеваются как им вздумается, никакой установленной формы одежды нет. На за-

втрак они в обязательном порядке получают молочные продукты, а на обед и ужин им предлагается меню из нескольких первых и вторых блюд, из которых они могут выбрать то, что им больше по душе.

Как пишет официальная ежедневная китайская газета «Пекинское время», на кухне тюрьмы работают повара из лучших отелей столицы и приготавливаемые ими блюда находятся «на министерском уровне».

Любая информация об этой тюрьме, которой, кстати, нет ни на одной из выпущенных в Китае карт, находится под строжайшим контролем, но кое-какие сведения все-таки становятся известными.

Как написала одна из гонконгских газет, бывший мэр города Шанхая, одновременно являвшийся главой местного отделения КПК, Чен Ляньгу, осужденный за коррупцию в 2008 году, носил, например, в тюрьме костюмы западного образца и занимался тайцзы (китайская гимнастика).

В прошлом году тюрьма Циньчэн была расширена, старая стена была снесена, а на ее месте построены «павильоны, высажены деревья, засеяны газоны – все как в китайском саду», рассказывает финансовый еженедельник *Caijing*.

Описанные условия содержания весьма далеки от тех, которые существуют в обычных китайских тюрьмах, поскольку они значительно переполнены, а заключенных там кормят так, чтобы они просто не умерли с голода. Кроме всего прочего, им приходится еще и работать на износ, а выпускаемая ими продукция, за которую они получают сущие гроши, зачастую идет на экспорт.

– В Циньчэне самое лучшее обращение с заключенными во всем Китае, – утверждает Чен Цзэмин, профессор одного из университетов, который провел несколько месяцев в этой тюрьме по обвинению в организации демонстраций на площади Тяньаньмэнь.

«Банда четырех», так в Китае называли политическую фракцию, руководимую супругой Мао Цзэдуна Цзян Цин, была после судебного процесса, состоявшегося в 1982 году, отправлена именно сюда, в Циньчэн. По свидетельству Чен Цзэмина, с этими «великими деятелями» Компартии Китая администрация тюрьмы обращалась еще лучше, чем с активистами с площади Тяньаньмэнь.

– Некоторые заключенные, – говорит Чен Цзэмин, – даже имели право возделывать собственные огороды и выращивать на них овощи. Позже, я узнал, что один из этих заключенных был сам Яо Вэньюань, член «Банды четырех», член Политбюро ЦК КПК во времена правления Мао.

Построенная с советской помощью в 50-х годах прошлого века, тюрьма Циньчэн является единственным в Китае пенитенциарным уч-

реждением, подчиняющимся органам госбезопасности, а не судебным органам, как другие тюрьмы.

– Эта тюрьма находится под непосредственным контролем ЦК КПК, – объясняет Бао Тонг. Он утверждает, что директор тюрьмы ежедневно подает специальный рапорт в руководящий орган о ситуации с заключенными.

По словам Бао Тонга, агенты органов госбезопасности дежурили у его камеры 24 часа в сутки и фиксировали любое его движение. Дай Кин также пишет о том, что она постоянно находилась под неусыпным наблюдением.

По утверждению бывших узников этой тюрьмы, сыну одного из лидеров коммунистической революции в Китае Бо Силаю, который, кстати, до сих пор имеет некоторую поддержку внутри КПК, опасаться здесь нечего.

– С Бо Силаем будут хорошо обращаться... Он сможет в течение долгих часов гулять на свежем воздухе и общаться с другими заключенными, – утверждает Чен Цзэмин. А Бао Тонг добавляет:

– Если Бо Силаю захочется весь день танцевать, а партия даст «добро», то он сможет танцевать хоть до упаду.

По имеющейся информации, которая, впрочем, никогда не подтверждалась официально, руководители высшего звена, содержащиеся в Циньчэне, зачастую по медицинским показаниям (действительным или мнимым) освобождаются из тюрьмы досрочно и содержатся в течение многих лет, вплоть до окончания срока наказания, под домашним арестом. Так, вдова Мао Цзэдуна последние годы своей жизни прожила на вилле, расположенной в окрестностях Пекина, под усиленной охраной.

– Через два года они скажут, что Бо Силай болен. Его выпустят, и он будет жить где-нибудь у озера или на берегу моря, – предсказывает Бао Тонг.

Убийство Цицерона.

Философ-политик

Цицерон – интеллектуал, затесавшийся в свору политических интриганов. Он считает, что слово, прекрасно сказанное, может изменить грубые нравы эпохи. Как бы не так! И за свои заблуждения он заплатил сполна – собственной головой. Причем сразу же после того, как Марк Антоний и Октавиан зарыли топор войны. Второй, которого Цицерон полностью поддерживал, сдал его первому, требовавшему головы знаменитого оратора, сенатора, бывшего консула. И вот Марк

Антоний 7 декабря 43 года до Рождества Христова, получив согласие Октавиана, приказывает отрубить Цицерону голову и кисти рук и выставляет их на Римском форуме как предупреждение всем тем, кому придет в голову выступить против него.

Кто же такой этот Марк Туллий Цицерон? Это древнеримский философ-политик, родившийся в плебейской семье. Он изучает право, готовясь стать адвокатом. Одновременно он штудирует всех древнегреческих философов. В 17 лет, как и другие юные римляне, Марк поступает на военную службу. Он храбро сражается против врагов Рима и завязывает дружеские отношения с самим Помпеем. Спустя восемь лет, Цицерон возвращается к гражданской жизни и становится адвокатом. Талантливый юрист, прекрасно разбирающийся во всех хитросплетениях права, он не колеблясь берется за самые запутанные дела, в том числе защищая вольноотпущенника самого диктатора Суллы. Как же он самонадеян! Дело-то выиграно, но, опасаясь мести со стороны преданных Сулле друзей, он вынужден на целых два года уехать далеко от Рима. Он выбирает Грецию, где продолжает изучать философию...

Несравненная диалектика

Возвратившись в Рим, он продолжает адвокатскую деятельность, которая позволяет ему зарабатывать неплохие деньги. Одновременно Цицерон с головой окунается в политику. Прекрасный оратор, он также отлично владеет пером, причем пишет достаточно язвительно. Все это помогает ему в скором времени стать квестором, а затем и сенатором. Во время его пребывания на Сицилии, куда он получил назначение, Цицерон руководит вывозом зерна в голодающий Рим. Сицилийцы души в нем не чают: еще бы – впервые они встречают справедливого и честного чиновника! Слава о Цицероне распространяется по всей империи. Он становится надеждой Рима. Но очень быстро Цицерон начинает понимать, что на чистом популизме далеко не уедешь, и примыкает к консерваторам. Вот он уже и консул! В 43 года настал и его час славы: он предотвращает государственный переворот, готовившийся Катилиной. Цицерон буквально уничтожил его репутацию своими четырьмя знаменитыми речами, произнесенными в Сенате, известными под названием «О заговоре Катилины». Его диалектика несравнима, поразительна. «Доколе, о Катилина, ты будешь испытывать терпение наше?»

Слава Цицерона настолько велика, что многие влиятельные сенаторы начинают его опасаться. Да и сам он в глубине души понимает,

что многим уже надоел, но пересилить себя и перестать заниматься самовосхвалением, не может. Вот как пишет об этом Плутарх: «Ни сенату, ни народу, ни судьям не удавалось собраться и разойтись, не выслушав еще раз старой песни про Катилину <...> он наводнил похвальбами свои книги и сочинения, а его речи, всегда такие благозвучные и чарующие, сделались мукою для слушателей».

Постепенно республике начинают угрожать внутренние распри. И даже Цицерон ничего не может сделать, чтобы хоть как-то уравновесить влияние Цезаря и Красса. Очень скоро Римская империя погружается в политический водоворот, заканчивающийся гражданской войной. Цицерон играет с Цезарем в двусмысленную игру под названием «любит – не любит»: сегодня он его поддерживает, завтра – предает, послезавтра – опять поддерживает... Когда же Цезаря убивают сенаторы-заговорщики, Цицерон делает ставку на Октавиана, приемного сына Цезаря. Консул Марк Антоний разъярен. Борьба за власть и в те времена была нешуточной. Используя свой талант оратора, Цицерон всюду поносит Марка Антония в своих многочисленных громогласных выступлениях. Но ему так и не удается его уничтожить. Напротив, Марк Антоний и Октавиан заключают союз о ненападении, образуя вместе с Марком Эмилием Лепидом Второй триумvirат.

«Подперев левой рукой свой подбородок...»

Но бывший консул Марк Антоний не забыл всех тех выступлений, которые против него и его жены Фульвии произнес Цицерон. В качестве одного из условий триумvirата он требует у Октавиана голову оратора. Октавиан с легкостью соглашается. Тут же Антоний посылает домой к Цицерону двух палачей. По идее настоящий римлянин должен достойно принять выпавшую ему участь, в данном случае – смерть, и не пытаться бежать. Но Цицерон – всего лишь человек и не хочет умирать. Он забирается в носилки и уезжает, надеясь достичь берега моря, погрузиться на корабль, отплыть и так избежать встречи со своими убийцами. Очень поздно! Он не успевает даже покинуть сад, окружающий его виллу, а его палачи уже тут как тут. Плутарх бесстрастно описывает эту сцену: «Тем временем подоспели палачи со своими подручными – центурион Геренний и военный трибун Поппий, которого Цицерон когда-то защищал от обвинения в отцеубийстве. Найдя двери запертыми, они вломались в дом силой, но Цицерона не нашли, а все, кто был внутри, твердили, что знать ничего не знают, и лишь какой-то юнец по имени Филолог, получивший у Цицерона благородное воспитание и образование, вольноотпущенник

его брата Квинта, шепнул трибуну, что носилки глухими тенистыми дорожками понесли к морю. Захватив с собою нескольких человек, трибун поспешил к выходу из рощи окольным путем, а Геренний бегом бросился по дорожкам».

Палачи догнали носилки и заставили опустить их на землю. Цицерон, понимая, что это конец, старается сохранить лицо: «Подперев по своему обыкновению подбородок левою рукой, он пристальным взглядом смотрел на палачей, грязный, давно не стриженный, с иссушенным мучительной заботою лицом, и большинство присутствовавших отвернулось, когда палач подбежал к носилкам. Цицерон сам вытянул шею навстречу мечу, и Геренний перерезал ему горло». На тот момент великому оратору исполнилось 64 года. Прежде чем умереть, Цицерон успел сказать своему убийце: «Сюда, солдат, и если ты хоть это хорошо умеешь – руби!» Затем Геренний отрезал Цицерону голову и кисти рук, тех самых рук, которые написали столько замечательных произведений, в том числе и «Филиппики» – речи, направленные против Марка Антония.

Голова и кисти рук Цицерона, к великому ужасу жителей Вечного города, были прибиты к трибуне для выступлений, находившейся на Римском форуме, к той самой трибуне, с которой Цицерон так блистательно выступал. Говорят, что Фульвия, жена Марка Антония, которую Цицерон также поносил в своих речах, втыкала в язык мертвой головы несчастного булавки для волос и при этом звонко смеялась.

Вот так вот и закончился жизненный путь Цицерона, знаменитого оратора, который думал, что сможет управлять Римской империей с помощью одних лишь своих речей.

Киднеперы получили то, что заслужили

«Линчевать их! Линчевать!»

Шериф по фамилии Эмиг, отвечающий за правопорядок в городке Сан-Хосе, старается показать, что ему не страшно. Но он хорошо слышит, что у стен подотчетной ему тюрьмы ропот собравшихся там людей все нарастает. Он смотрит в окно и видит разъяренных мужчин, выкрикивающих угрозы. В окно летят камни. Эта ночь 26 ноября 1933 года обещает стать настоящим адом. Уже понятно, что жители не уйдут, пока не линчуют двух ублюдков, находящихся в камерах на втором этаже. Шериф прекрасно понимает собравшуюся толпу. Эти двое мерзавцев похитили и хладнокровно убили юного Брука Харта, сына одного из владельцев магазинов. За это люди требуют казнить

преступников. Но ведь казнь должна пройти по закону, а тут ведь хотят их попросту линчевать!

27-летний Томас Гарольд Турмонд и 29-летний Джон Холмс уже десять дней как сидят под замком. Но именно этим утром толпа в ярости требует их выдачи – только что нашли тело жертвы. Не сговариваясь, жители города, требующие немедленного возмездия, двинулись маршем к окружной тюрьме. К 6 часам вечера их собралось уже несколько сотен, и они кричат: «Смерть им! Линчевать!» То тут, то там вспыхивают костры. Самые решительные начинают бросать камни и бутылки в стену тюрьмы, в которой забаррикадировались шериф Эмиг и его подчиненные. «Отдай их нам, шериф! – в ярости кричит толпа. – Мы сами с ними разберемся!» Двое убийц в своих камерах похожи на заправленных животных. «Это добром не кончится», – бормочет Холмс.

Двери тюрьмы поддаются

В 8 вечера один из полицейских бросает в толпу гранату со слезоточивым газом в надежде, что люди разбегутся. Но это только увеличивает их ярость. Кирпичи и булыжники с новой силой обрушиваются на фасад здания. Мужчины срывают с фасада тюрьмы облицовочную плитку и с ее помощью бьют и переворачивают припаркованные неподалеку полицейские автомобили. Копы отвечают новым залпом слезоточивого газа, заставляя толпу отступить в расположенный неподалеку парк. По телефону шериф Эмиг изо всех сил орет: «Нет, не надо присылать никакого спецназа, это только спровоцирует бойню». В 9 вечера уже 5000 человек окружают тюрьму. В соседнем парке загораются костры, телефонные провода вырваны с корнем.

Внутри здания шериф прячет оружие на случай, если штурмующие возьмут приступом тюрьму. Он также дает указание полицейским ни в коем случае не стрелять, чтобы не спровоцировать кровавую бойню. К 11 вечера толпа, ярость которой не утихает, начинает штурмовать металлические двери тюрьмы с помощью железных труб, найденных на ближайшей стройке. Уже через пять минут двери не выдерживают. Сотни возбужденных мужиков бросаются внутрь здания, оттесняя полицейских, которых слишком мало, чтобы противостоять толпе. Шериф, которому пробили голову, падает на пол. Толпа направляется на второй этаж, где в своих камерах, съездившись от страха, находятся двое убийц. У охранника отбирают ключи. Да он и не сопротивляется. Холмса грубо бросают на лестницу. Он здоров как бык, и ему поначалу даже удается нанести несколько ударов кулаком, но нападающих слишком много, и он прекращает сопротивление. Что касается Тур-

монда, то он получает некоторую передышку, потому что его спутали с еще одним заключенным. Бедняге досталось ни за что. Но вскоре все становится на свои места, и Турмонда, спрятавшегося в какой-то подсобке, находят.

«Выродки! Убийцы!»

Напрасно убийцы умоляют о пощаде, никто их не хочет слушать. Наоборот, их избивают до такой степени, что Турмонд полностью отключается и уже не понимает, что происходит. Их волоком, за ноги, тащат в парк и ищут дерево, чтобы повесить. А вокруг собралось уже несколько тысяч жителей, которые безостановочно кричат: «Выродки! Убийцы!» Полицейские, которых всего-то несколько человек, не решаются вмешаться. У какого-то юноши появляется в руках веревка, которую он перебрасывает через ветку дерева. Кто-то хватается за другой конец, делает петлю и набрасывает ее на шею Холмса, который безуспешно все еще пытается отбиваться. Ему даже почти удается освободиться из рук толпы и снять веревку. Но несколько рук хватают его, бьют и вновь суют его голову в петлю. Другие проделывают то же самое с Турмондом, который находится без сознания. Наконец Турмонд повисает в трех метрах над землей. А Холмс продолжает сопротивляться. Ему ломают обе руки, и только после этого удается закрепить веревку на шее. В ярости люди сначала срывают с него одежду, оставляя Холмса совершенно голым, и только потом вздергивают. При виде двух раскачивающихся тел толпа раздражается аплодисментами. Жуткая и непристойная сцена смерти. Вдвойне непристойная, поскольку с обоих преступников срывают даже трусы.

Что же такого совершили эти двое убийц, что их подвергли такому яростному линчеванию? Холмс – сын состоятельного портного. Закончив школу, он устраивается на приличную работу в магазине электроники. Через четыре года после женитьбы он уже отец двоих детей. Нормальная жизнь, никакого криминала. Но в один прекрасный день, после того как Холмс устраивается на работу на автозаправочную станцию, эта жизнь заканчивается. Он начинает водиться со всякого рода подонками, и, что самое главное, это ему нравится. Постепенно он начинает подумывать о том, чтобы совершить «идеальное» преступление. В 1932 году он знакомится с Томасом Турмондом, который родился на какой-то маленькой ферме, неудачником, который перебивается случайными, копеечными заработками. Они становятся закадычными приятелями. У обоих навязчивая идея – придумать, как заработать кучу денег, при этом не перетрудившись. В это время все

газеты пишут о похищении сына Линдберга, знаменитого летчика. Ну и почему бы им не попробовать совершить то же самое?

С пистолетом на поясе

25 сентября 1933 года они похищают одного служащего из «Юнион Ойл Компани», которого, получив выкуп в 716 долларов, отпускают. В те времена это была большая сумма. Месяцем позже они проделывают то же самое с работником компании «Шелл» и получают еще 700 долларов. Два удачно провернутых дельца придают им уверенности в себе. Похитители уже воображают себя настоящими гангстерами. Аппетит, как известно, приходит во время еды. В качестве новой жертвы они выбирают 22-летнего Брука Харта, работающего у своего отца Александра Харта, владельца самого большого магазина в Сан-Хосе. У Харта-старшего крупный бизнес: одних только сотрудников несколько сотен. Эта семья очень богата. Все жители Сан-Хосе являются их клиентами и очень доброжелательно относятся к этой милой еврейской семье, прибывшей в Америку еще в прошлом веке.

На этот раз Холмс и Турмонд рассчитывают получить не несколько сотен баксов, а целых 40 000! Это целое состояние. Они следят за юным Бруком, поджидая удобный момент, когда можно начать действовать. 9 ноября 1933 года юноша предлагает своему отцу отвезти его на машине на какую-то деловую встречу. В 17 часов 55 минут Брук-младший говорит Бруку-старшему, чтобы тот ждал его у магазина, пока он подгонит автомобиль со стоянки. Отец ждет пять минут, десять минут... Вот уже и полчаса прошли, а сына все нет. Он не очень взволнован: дело-то молодое, может, встретил кого и забыл. Время поджимает, и Александр Брук отправляется на встречу пешком. Живым своего сына он больше никогда не увидит.

А события развивались следующим образом. Покинув своего отца, Брук отправляется напрямик на автостоянку, где и садится в свой «студебеккер». В момент, когда он начинает выезжать с парковки, Холмс, который неотступно следует за ним, неожиданно появляется сбоку и направляет на юношу револьвер. Он садится в машину и приказывает ему выехать на шоссе, ведущее в Милпитас. Следом за ними в своей колыхаге едет и Турмонд. В безлюдном месте оба автомобиля останавливаются, Холмс и Брук пересаживаются к Турмонду. Они едут по направлению к мосту Сан-Матео, нависшему над бухтой Сан-Франциско. Каждый раз, когда Брук пытается у них спросить, что происходит, они грубо велят ему заткнуться.

Гибель под мостом

Уже темнеет, когда машина останавливается у моста. Вокруг ни души. Юного Харта грубо выволакивают из салона автомобиля. А он никак не может понять, чего хотят от него эти двое. Да и спросить он не успевает. Холмс сильно бьет его по голове подобранным на дороге кирпичом. Несчастный, потеряв сознание, падает на землю. Преступники, пользуясь его беспомощным состоянием, связывают юношу и прикрепляют к его ногам два бетонных блока. Затем его тащат к перилам моста. Чего канителиться с этой жирной еврейской свиньей?

Брук пытается сопротивляться, но его тело уже повисло в пустоте. Упав в воду, ему удается освободиться от пут. Он зовет на помощь, цепляется за опоры моста. Турмонд берет у Холмса пистолет, спускается с моста и несколько раз стреляет в барахтающийся в воде силуэт. Стреляет до тех пор, пока Брук не замолкает... Оба похитителя облегченно вздыхают: никто ничего не видел, никто ничего не слышал. Они могут вернуться назад и потребовать выкуп. Холмс ведет свою жену в кино посмотреть диснеевский мультфильм «Три поросенка», а Турмонд тем временем из телефонной будки звонит Александру Харту.

Пока происходили все эти события, Харта-старшего, вернувшегося после обеда, всерьез начинает беспокоить отсутствие сына. Он звонит в полицию. Копы начинают поиски, опрашивают друзей Брука. В 21 час 45 минут 18-летняя Алиса, сестра Брука, поднимает телефонную трубку зазвонившего телефона. Незвестный сообщает ей, что он похитил ее брата и требует выкуп в 40 000 долларов. Он также приказывает не сообщать ничего полиции, говорит, что чуть позже передаст подробные инструкции и вешает трубку. Звонил, само собой, Турмонд. Наутро – никаких новостей, за исключением того, что найден «студебеккер». Проходит еще один день: похитители молчат. Александр Харт через газеты обращается ко всем за помощью. В тот же вечер портфель Брука находят на мостике танкера, направляющегося в Лос-Анджелес. Судно тщательно обыскивают, но тщетно: никаких следов.

Турмонд попадает в ловушку

Наконец в понедельник, 13 ноября, Харт получает от киднепперов письмо, которое, судя по штемпелю, отправлено 11 числа. «Еще одно слово полиции, и для вашего сына это будет означать конец. Вы уже нарушили один раз наши условия, второй раз будет фатальным. Мы хотим 40 000 долларов... положите их в черную сумку и будьте готовы выехать в один из дней на этой неделе. Слушайте коротковолновый передатчик в своем “студебеккере”. После того как вам скажут вы-

езжать, по радио будут сообщены дальнейшие инструкции. Для вас же будет лучше точно им следовать».

В среду, 15 ноября, от киднепперов поступает новый телефонный звонок. Невидимый собеседник приказывает Харту быть готовым выехать в машине по шоссе, ведущем в Лос-Анджелес. При себе, естественно, он должен иметь 40 000 долларов наличными. Прежде чем повесить трубку, похититель приказывает разместить в одном из углов витрины принадлежащего Харту магазина табличку с нарисованной большой цифрой «2». Тем самым он покажет, что согласен со всеми условиями. Неожиданно возникает серьезная проблема: Александр Харт не умеет водить. А по телефону он забыл об этом сказать. Как же сообщить эту деталь похитителям? Агенты ФБР советуют ему на табличке рядом с цифрой «2» сделать надпись: «Не умею водить машину».

Где-то около 8 вечера Турмонд звонит опять. Агенты ФБР проинструктировали Харта. Ему надо постараться говорить с похитителем как можно дольше, чтобы агенты смогли отследить, откуда исходит звонок. Харт прикидывается ошеломленным дураком и начинает долго и нудно объяснять, что не умеет водить машину. На другом конце провода Турмонд настаивает на своем плане, не подозревая, что его слушают. Наконец агенты с помощью сотрудников телефонной компании устанавливают, откуда исходит звонок: это один из гаражей города Сан-Хосе. Шериф Эмиг и его люди немедленно туда выдвигаются. Еще издали они видят телефонную кабину, в которой спиной у ним стоит какой-то человек. А он совсем не замечает полицейских, увлеченный разговором.

Тело в ужасном состоянии

Шериф Эмиг открывает дверь телефонной кабины в тот самый момент, когда мужчина вешает трубку. «Как вас зовут?» – рычит коп. «Гарольд Турмонд», – отвечает тот от неожиданности. Его тут же отправляют в окружную тюрьму. Поначалу он отрицает свое участие в похищении, но затем сдается... Около полуночи он называет фамилию Холмса и сообщает, где тот живет. Его, сладко спящего в своей кровати, арестовывают в 4 часа утра. Признания полицейским не приходится долго ждать.

Наутро об аресте сообщают все СМИ. Пресса публикует подробности, рассказывает о том, что убийство Брука совершили двое жителей Сан-Хосе. Эти газетные откровения еще больше накаляют обстановку среди обитателей города. Полиция активно ищет тело юноши в водах

залива. Двое охотников на уток находят его ранним утром 26 ноября. Течение отнесло тело на расстояние в два с половиной километра от моста Сан-Матео. Поначалу они думают, что в воде плавает какой-то большой сверток. Заинтересовавшись, они подплывают ближе и, к своему ужасу, видят тело юноши. Набравшись храбрости, охотники втаскивают труп в лодку, а затем сообщают о находке судмедэксперту округа Аламеда. Чуть позже устанавливают, что это именно Брук Харт. Тело в ужасном состоянии! Крабы и рыбы объели почти все лицо, руки и ноги. Брюшная полость также вся съедена. Лишь сохранившаяся одежда позволяет его идентифицировать. Новость о найденном теле несчастного тут же облетает всю округу.

После обеда первые камни летят в сторону окружной тюрьмы. Судьба Холмса и Турмонда предрешена. Этим же вечером оба киднепера раскачиваются в петлях. Произошел суд Линча, как в старые времена. А ночью их трупы ложатся на стол окружного морга рядом с телом убитого ими юноши.

Составил и перевел Ю. Александров

Две книги: переписка Василия Аксенова и исследование Энн Эпплбаум о ГУЛАГе

Репрессированное детство

Василий Аксенов.
«Ловите голубиную почту...»
Письма (1940–1990 гг.).
М., АСТ – Редакция Елены Шубиной, 2015.

Хранящаяся в архиве московского «Дома русского зарубежья» переписка охватывает практически все годы жизни едва ли не самого популярного советского литератора эпохи «оттепели», от конца 40-х до начала 90-х. Среди его корреспондентов – мать, автор знаменитого «Крутого маршрута», Евгения Гинзбург (часть аксеновских писем к ней нашли в 2014 году в квартире писателя после смерти его вдовы Майи Овчинниковой), и многочисленные друзья, от Беллы Ахмадулиной, Бориса Мессерера и Булата Окуджавы до Фазиля Искандера, Евгения Попова и Михаила Рощина...

Самое раннее из публикуемых писем датировано сентябрем 1949 года. Это даже не письмо, а записка, которую Евгения Гинзбург передала сыну из магаданской тюрьмы, куда была заключена после неожиданного ареста в сентябре, уже после окончания своего лагерного срока. В этот момент 16-летний Василий приехал к ней из родной Казани.

Его родителей арестовали в 1937 году. В принципе, этого можно было ожидать. Отец, Павел Васильевич Аксенов, был известный в Казани человек: в 1930–1935 годах возглавлял Татарский профсоюзный совет, затем Казанский городской совет. Мать – историк, зав. отделом культуры в областной партийной газете. На суде она получила 10 лет тюремного заключения, отца же приговорили к высшей мере наказания, замененной на 15 лет лишения свободы.

Позднее Аксенов вспоминал о лагере, где собирали детей арестованных родителей: «...Я помню только огромную спальню – там было около ста детей. Помню почему-то, что они постоянно дрались подушками. Видимо, мои родственники сначала не знали, где я, а потом нашли и стали появляться за зоной: из окна я видел то и дело фигурку бабушки или тети. А потом нас стали развозить по специальным детским домам – родственникам они нас не отдавали, все их просьбы отменяли». После этого он провел полгода в Костромском сиротском доме, откуда его чудом забрал дядя, Адриан Васильевич Аксенов. Из-за арестованного брата он уже потерял к тому времени работу в Сталинабадском пединституте. «Ему нечего было терять, и он стал смелее, – говорил в 1999 году в интервью журналу “Вопросы литературы” Василий Аксенов. – У него было двое своих детей. Он мне сам рассказывал потом: перестал бояться. Выпив большой стакан водки, он пришел в НКВД и стучал там по столу кулаком... Ему дали разрешение, и он вытащил меня оттуда. Это колоссально – то, что он сделал, потому что в таких домах меняли идентификацию – имя, фамилию ребенка, и потом его уже невозможно было узнать. Таких детей отдавали туда, где нужна была рабочая сила».

В публикуемых письмах к сыну, отправленных уже в Казань (Аксенов учился там на медицинском), мать рассказывает о невзгодах ссыльной жизни, пишет о своих злоключениях с определением педагогического стажа... Обсуждаются и проблемы сына, исключенного из института: при поступлении он воспользовался льготой, предоставляемой для жителей Крайнего Севера, но на момент зачисления его родители как ссыльные еще не имели необходимого гражданского статуса. И мать, и ее новый муж были против того, чтобы Аксенов бросал институт (к этому времени Евгения Гинзбург развелась с отцом Василия; будучи уверена, что мужа расстреляли, она вышла в ссылке замуж за заключенного, доктора Антона Яковлевича Вальтера). Они считали, пишет составитель книги Виктор Есипов, что сына репрессированных власти не оставят в покое, его тоже ждет лагерь и только профессия медика может обеспечить ему относительно защищенное будущее. В итоге Аксенов, находившийся в разработке МВД как сын «врагов

народа», был дважды исключен из казанского мединститута. Но ему удалось перевестись в медицинский в Ленинград; распределившись после окончания врачом в Балтийское морское пароходство, он так и не получил допуска на работу на судах, ему отказали в выездной визе – сыграла роль судьба репрессированных родителей. Шел 1957 год, но даже дети бывших эзков все еще оставались под подозрением.

По июньскому письму 1954 года Гинзбург к сестре можно понять, каким испытанием для жившей на поселении матери стала встреча с сыном-стилягой, стоявшим в начале своего стремительного литературного взлета, – ей было стыдно перед стоявшими рядом учениками за внешний вид сына. Но будущий автор «Коллег» и «Апельсинов из Марокко» вряд ли бы понял эти переживания. Долгое время он вел себя довольно эгоистично, его перемена в отношении к родителям пришлась, судя по всему, на конец 60-х, хотя они откровенно писали о своих проблемах. Так, отец сообщал ему после освобождения из Казани в марте 1955 года: «...дано указание о предоставлении мне работы и квартиры, но практически эти вопросы не разрешены». А Верховный суд и органы госбезопасности официально сообщили, что «в деле нет никаких данных об изъятых документах, фотоальбомах и имуществе». Судя по всему, ничего так и не нашли – но ведь кто-то же присвоил себе изъятое при аресте?

Интерес представляют письма к матери конца 50-х, когда Аксенов работал в провинциальной больнице и начинал литературную карьеру – пытался «нахально лезть в литературу». Так, Аксенов сообщает: «Книжек совершенно не читаю, т. к. в связи с писанием совсем нет времени. При дальнейшей моей литературной работе есть возможность умственно деградировать». Позднее он признается, что начал систематически читать лишь с середины 70-х, и в это время, собственно, и получил литературное обозрение.

В ответ мать пишет из Львова о своем нелегком опыте послелатерной жизни, о встрече с реальностью, далекой от гуманистических принципов. Так, Гинзбург рассказывает историю с арендой квартиры, которая едва не разорила ее семью: «Мы стали жертвой обычного в этом проклятом воровском городе обмана. Я рассказывала, что мы сняли комнату у слепой и заплатили ей за год вперед, что составило из расчета 300 руб. в месяц солидную сумму в четыре с половиной тысячи. Кроме того, мы сделали на свой счет ремонт, да еще и оплачиваем все: и квартплату, и газ, и свет – не только за себя, но и за нее.

Все это мы делали, поддавшись ее обещанию уехать к мужу в Киев, где у них строится собственный дом. Они оказались негодяями, и так

как мы не взяли у них никаких расписок, то они утверждают теперь, что ничего, кроме жактовской квартплаты, от нас не получали. Потихоньку прописали сына и теперь добиваются нашего выселения...»

Какие-то связи в ее отношениях были в это время нарушены, откровенность была относительной, иначе бы она не признавалась: «Конечно, если бы в момент отъезда из Магадана я знала, что ты, Вася, устроишься в Москве, я бы не поехала во Львов, а всеми правдами и неправдами стремилась бы в Подмоскovie, если уж не в Москву. А теперь большая половина денег уже истрачена, а угла своего все нет».

Отдельный сюжет книги – письма Иосифу Бродскому. Они связаны с напряженностью в отношениях, возникших после негативного отзыва поэта о книге, которую Аксенов считал главной в своем творчестве, – о запрещенном в СССР «Ожог». Бродский, имевший вес в американском издательском мире, фактически воспрепятствовал публикации романа. В связи с этим Аксенов, будучи в 1977 году на Корсике, то есть до собственной эмиграции, отправил ему жесткое письмо: «До меня и в Москве, и здесь доходят твои пренебрежительные оценки моих писаний. То отшвыривание подаренной книжки, то какое-то маловразумительное, но враждебное бормотание по поводу профферовских публикаций. Ты бы все-таки, Ося, был бы поаккуратнее в своих мегаломанических капризах. Настоящий гордый мегаломан, тому примеров передо мной много, достаточно сдержан и даже великодушен к товарищам. Может быть, ты все же не настоящий? Может быть, тебе стоит подумать о себе и с этой точки зрения? Может быть, тебе стоит подумать иногда и о своих товарищах по литературе, бывших или настоящих, это уж на твое усмотрение?»

С трудом верится, что в Советском Союзе они были близки. Но в эмиграции отношения совершенно разладились. Вот аксеновское письмо 1987 года: «Что за вздор ты несешь о своих хлопотах за меня в Колумбийском университете? Я сам из-за нежелания жить в Нью-Йорке отказался от их предложения, которое они мне сделали не только без твоего попечительства, но и вопреки маленькому дерьмецу, которое ты им про меня подбросил. Среда, в которой мы находимся и в которой, увы, мне иногда приходится с тобой соприкасаться, довольно тесная – все постепенно выясняется, а то, что еще не выяснено, будет выяснено позже, но мне на это в высшей степени наплевать».

Кажется, будто это личная переписка двух литераторов. Но за ней – трагедия людей, в чьи дружественные отношения вторглась эмиграция, куда они отправились не по своей воле.

Книга иллюстрирована редкими фотографиями.

О структуре земного ада

Энн Эпплбаум. ГУЛАГ.

Пер.с англ. Леонида Мотылева.

М.: Corpus, 2015. 688 с.

Вряд ли можно найти более точный образ советской истории, чем ГУЛАГ, этот синоним ужаса и бессмысленной жестокости. Конечно, он не так праздничен, как балет или космические подвиги, но затрагивает куда больше людей, как прямых жертв репрессий, так и их родственников и знакомых. ГУЛАГ давно стал метафорой, символизирующей бесчеловечное отношение государства к своим гражданам, хотя точное количество его жертв неизвестно. В книге американского историка и журналиста Энн Эпплбаум «ГУЛАГ», описывающей будни советских тюрем и концлагерей, приводятся разные цифры, сама автор склоняется к оценке в 28,7 миллиона человек, прошедших через систему принудительного труда; количество погибших при этом оценить невозможно – к расстрелянным добавляются погибшие в лагерях и при пересылке, точной статистики по спецпереселенцам и депортированным народам нет.

В книге воссоздается структура мира советских концлагерей – от момента ареста и следствия с его варварской методикой выбивания показаний до отправки в лагерь и способов в нем выживания. Для исследователя очевидна неэффективность подневольного труда, хотя коммунистическая власть долгое время считала иначе, порой через МВД осуществлялись девять процентов всех капиталовложений советской экономики. Очевидна и бессмысленная жестокость по отношению к осужденным.

Автор опирается на множество источников, включая архивные, библиография и примечания занимают более 80 страниц. Она описывает быт лагерников, антисанитарные условия, «жалобы на засилье вшей и негодующие требования избавиться от них из года в год», исходившие даже от проверяющих. Кажется, все в этой системе было направле-

но на унижение и уничтожение человека, особенно провинившегося уже в самом лагере и отправленного в ШИЗО. «Сырость и холод были обычным явлением. Хотя по инструкции температура в штрафных изоляторах не должна была опускаться ниже 16 градусов С, отоплением часто пренебрегали. Густав Герлинг-Грудзинский писал, что в его изоляторе “окошки в тесных камерах не были ни застеклены, ни даже забиты досками, и температура воздуха была ненамного выше, чем снаружи”. В этих же мемуарах можно прочитать и об ужасающей тесноте: “На верхних нарах невозможно было сидеть, не прислоняясь согнутой спиной к деревянному потолку камеры, на нижние же надо было влезать движением ныряльщика, головой вперед, а вылезать, отталкиваясь, как пловец на мелком месте, руками от досок. Расстояние между краем нар и дверью, возле которой стояла параша, составляло не больше обычного полушага”».

Государство не контролировало внутреннюю жизнь лагерей. Об этом свидетельствует описание Эпплбаум неофициальной иерархии заключенных. Хуже других, пишет исследовательница, «приходилось осужденным за “контрреволюционную деятельность” (КРД). Еще хуже – отправленным в лагерь за “контрреволюционную троцкистскую деятельность” (КРТД). Добавочное “Т”, как правило, означало, что человека могут поставить только на тяжелые “общие работы” (лесоповал, работа в шахте, строительство дорог), особенно если срок составляет 10–15 лет или больше.

Но и это было еще не самое худшее. Ниже КРТД стояли КРТТД, осужденные за “контрреволюционную троцкистско-террористическую деятельность”. “Я знал случаи, – пишет Лев Разгон, – когда дополнительное “Т” появлялось в формуляре во время очередной генпроверки, в результате ссоры с нарядчиком или начальником УРЧ <учетно-распределительной части> из блатных”. Разница в одной букве могла означать разницу между жизнью и смертью, поскольку лагернику с шифром КРТТД не полагалось ничего, кроме самого тяжелого физического труда в штрафном лагпункте».

Среди рассказываемых автором историй – события разного масштаба, от историй о том, как пьяные танкисты в 1954 году давили заключенных женщин во время восстания в Кенгире, до описания судеб конкретных людей. Так, автор пишет о 15-летнем детдомовце Владимире Морозе, осужденном за запись в дневнике, где он сетовал на окружающую «ложь и несправедливость». Подростка приговорили к трем годам лагеря, но попасть туда он не успел, в 1939-м Мороз умер в тюрьме.

Здесь появляются темы, о которых долгое время было не принято говорить в отечественных исторических исследованиях – например о принудительном сексе в лагерях, о массовых изнасилованиях уголовниками и нежелании охраны немедленно пресекать подобные преступления, они всегда оставались безнаказанными. К сожалению, по-прежнему неосвещенной остается история доносчиков, получавших, как правило, часть имущества тех, на кого они стучали. Не понятно даже, о каких масштабах имущества, поменявшего таким образом собственника, можно говорить.

Книга охватывает практически всю советскую эпоху, от революции до последних лет СССР. Историю государственного насилия в таком большом временном промежутке невозможно описывать без понимания уникальности феномена ГУЛАГа – что это, часть общеевропейской истории с ее нацистскими изгибами в разных странах, специфический вариант развития российского государства или выражение типично отечественного общественно-исторического мышления? И если всё вместе, то как определить оттенки в ответах? Автор касается этой проблемы в предисловии: «Хотя здесь идет речь о советских концлагерях, их невозможно рассматривать как изолированное явление. ГУЛАГ рос и развивался в определенное время и в определенном месте, параллельно происходили другие события, и он принадлежит по меньшей мере к трем разным контекстам. Строго говоря, ГУЛАГ, во-первых, принадлежит к истории Советского Союза; во-вторых, к международной и российской истории тюрем и ссылки; в-третьих, к истории особого интеллектуального климата в континентальной Европе в середине XX века, породившего также и нацистские концлагеря в Германии.

Под словами “принадлежит к истории Советского Союза” я имею в виду нечто вполне конкретное: ГУЛАГ не явился в готовом виде из вод морских, в нем отразились нормы существовавшего общества. Если лагеря были мерзкими, а охранники – жестокими, если работали в лагерях из-под палки и кое-как, то причина отчасти в том, что мерзости, жестокости и кое-как выполненной из-под палки работы хватало и в других областях советской действительности. Если существование лагерников было ужасным, невыносимым, нечеловеческим, если смертность среди них была огромна – этому тоже трудно удивляться. В определенные годы жизнь в Советском Союзе была в целом ужасной, невыносимой, нечеловеческой». Но в целом ей интереснее скорее систематизация фактов, чем онтология насилия.

Впервые «ГУЛАГ»Эпплбаум появился на русском языке три года спустя после публикации на английском, принесшей автору Пулитце-

ровскую премию. «ГУЛАГ» напечатала в 2006 году Московская школа политических исследований. С тех пор школу переименовали в Московскую школу гражданского просвещения, в 2014-м она приостановила учебную деятельность после того, как ее признали «иностранным агентом». Но издательскую деятельность школа продолжает, в прошлом году здесь перевели еще один бестселлер Эпплбаум – «Железный занавес. Подавление Восточной Европы (1944–1956)».

Новое издание «ГУЛАГа» вышло вдвое большим тиражом, добавлен предметно-именной указатель, без которого пользоваться внушительным томом трудно – почти 700 страниц, множество цитат и ссылок. В книге теперь нет подзаголовка первого русского издания – «В паутине Большого террора». В оригинале название «ГУЛАГ. История», и это точнее отражает характер работы. К сожалению, не исправлены некоторые ошибки – например утверждение, будто катынский расстрел упомянут в обвинительном акте нюрнбергского трибунала как преступление нацистов. В действительности этот эпизод был исключен из дела из-за очевидной слабости представленных советскими юристами доказательств.

Но важнее другое – книга Эпплбаум кажется сегодня более востребованной, чем десять лет назад. За это время изменилась атмосфера в стране, политика памяти стала приобретать все более конъюнктурный характер. Речь не только о нападках на «Мемориал» или требовании признать музей истории политических репрессий «Пермь-36» иностранным агентом. История оказывается в плену у сиюминутного, под угрозой не только независимость ее оценки, но само право свидетельства прошлого быть представленным современникам.

РУСЬ СИДЯЩАЯ

WWW.ZEKOV.NET

«Русь сидящая» ненавидит тюрьмы и зоны, не терпит несправедливости, оскорбления российских законов и граждан. **«Русь сидящая»** – это неформальное объединение родственников заведомо неправосудно осужденных людей и, конечно, самих пострадавших от незаконного преследования граждан. Это предприниматели и артисты, офицеры и поэты, доктора и учителя – те, кто не в силах отстраненно наблюдать за судебным произволом, ломающим сотни тысяч судеб наших соотечественников, за равнодушием прокуратуры, следственных органов и прочей опогоненной нечисти. Для них продажность стала нормой существования, а совесть, достоинство, гордость и честь – старомодными атавизмами. Они считают, что победили. Они уверены, что являют собой реальную российскую власть. Они убеждены в своей безнаказанности и неподсудности. Мы объединились для того, чтобы доказать им – это не так. Для того, чтобы вернуть нашей стране справедливый и независимый суд. Вернуть гражданам право на защиту и презумпцию невиновности. Заставить полицию и следственные органы ловить и изобличать преступников, а не выбивать из граждан незаконную ренту и обезжиривать предпринимателей. Заставить суды вершить правосудие, а не выполнять заказы.

Заставить прокуратуру – надзирать за соблюдением законности, а не крышевать незаконный бизнес и обвинять всех, кто не заплатил, в совершении самых страшных преступлений. Заставить тюремщиков исправлять оступившихся, а не прессовать невиновных, помогая следствию добиваться показаний, цена которых бывает несовместима с жизнью.

Наша судьба не принадлежит вам. Пора прекратить геноцид против собственного народа, пора прекратить репрессии против самых талантливых и креативных российских граждан. Руки прочь от нашего будущего, продажные судьи и силовики должны остаться в прошлом.

Общая почта для обращений: rus.anketi@gmail.com

Адрес редакции:
119021, Москва, Зубовский бульвар,
дом 4, Союз журналистов, комната 448
Редакция журнала «Досье на цензуру»
Тел./факс: +7(495) 637-5086
e-mail: nevol@index.org.ru
Веб-сайт: <http://index.org.ru>

Издание зарегистрировано
Федеральной службой по надзору
за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций и
охране культурного наследия.
Свидетельство о регистрации ПИ № 77-18641
от 19.12.2004 г.
Номер подписан в печать 15.04.2016 г.
Отпечатано в типографии ИПЦ «МАСКА»

Тираж 2000 экз. Заказ №
Распространяется бесплатно